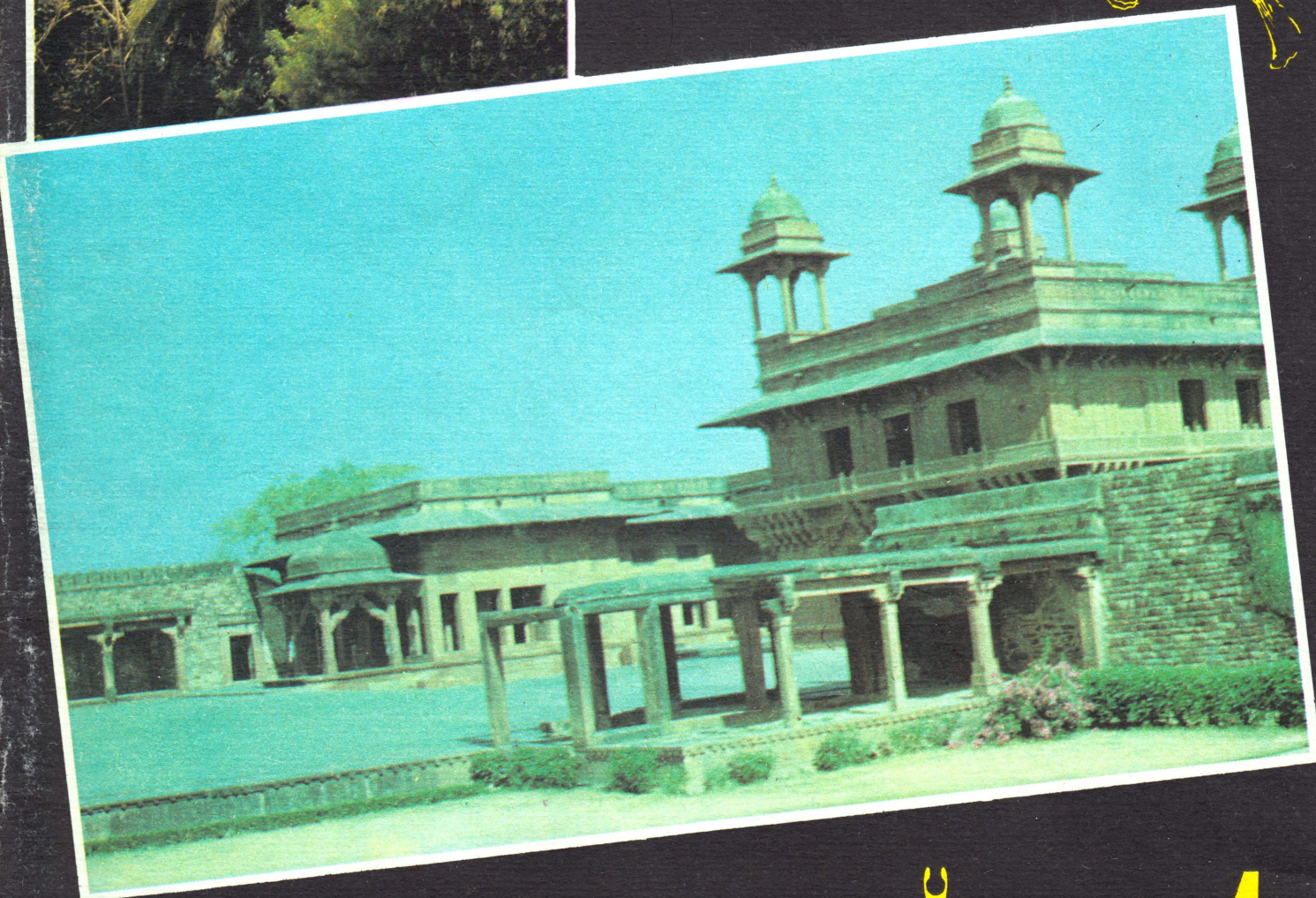

ЧИТАЙТЕ
В ЭТОМ
НОМЕРЕ
ВТОРОЙ
РОМАН
О ТАРЗАНЕ

уральский АПРЕЛЬ 1991 4
С Л Е Д О П Ы Т

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОРТРЕТ *Очерк Игоря Непеина* Русская «Железная маска»

Читайте на 2-й странице

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудова коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

14
БРАТЬЯ-ДЕКАБРИСТЫ

А. Куртенок

15
СКАЗКИ НОТА МУРЛЫКИ

Начиная с 70-х годов прошлого века сказки эти царствовали во дворцах и квартирах бедноты. Ими зачитывалась вся Россия. Сегодня мы представляем их на суд современных читателей.

Н. Вагнер

25
ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА
В ДЖУНГЛИ

Второй роман о Тарзане.

Э. Берреуз

65
ПО СЛЕДАМ ИНОПЛАНЕТЯН

Расследование загадочных происшествий в Хабаровске ведет уральский криминалист, доктор юридических наук.

Е. Ищенко

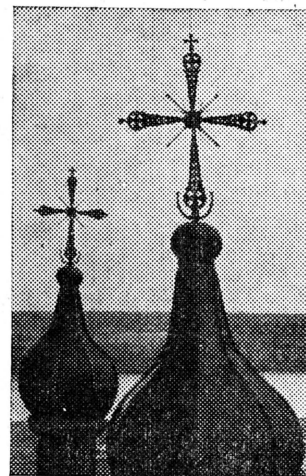
71
ОБЛОМКИ НЛО?

М. Рафиков

72
НЕ ИСЧЕЗАЙ, АТЛАНТИДА!

Атлантида — миф или реальность? Где она находилась? Находки подводных городов подтверждают существование загадочного острова.

В. Степанов

2
РУССКАЯ «ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА»

В очерке рассказывается о таинственном портрете, который хранится в музее изобразительных искусств Свердловска. Кто он, мальчик с яндреевской лентой, — никогда не царствовавший император или несчастный ребенок, вынужденный забыть свое имя? Перед нами одна из мрачных историй дома Романовых.

И. Непеин

6
ОБИТЕЛЬ ПЕРВЫША КОРКОДИНОВА

Продолжение традиционной темы журнала о забытых деревнях и храмах, ждущих защиты.

Ю. Сентябрьев

8
ЖИТИЕ ВАДИМА РАЕВСКОГО

Ф. Штильмарк

11
МИФЫ О ГАГАРИНЕ

К 30-летию первого полета человека в космос.

С. Казанцев

57
БЛУЖДАЮЩИЕ ТОКИ. ВТОРОЕ
НЕБО. Рассказы

В. Фролова

62
МАЛЕНЬКИЙ ОЧЕРК ПРО БОЛЬ-
ШОГО ЯЗЯ. МАМИНА ПЕСНЯ

Воспоминания о детстве, его радостях и обидах. Горькое прозрение взрослого, не успевшего выразить свою любовь маме.

О. Поскребышев

75
МИФЫ АРКТИКИ

Топонимические загадки Севера. Народная этимология объясняет их.

С. Попов

78
МИР НА ЛАДОНИ

79
ОТКУДА ТЫ, ПЕЧАЛЬ?

Размышления о судьбе Виктора Цоя.

Н. Максимов

уральский АПРЕЛЬ 1991 4
СЛЕДОПЫТ

портных данных, ни адреса бывшей хозяйки.

Акт поместили 3 июня 1961 года. Приобретению дали инвентарный номер Ж (живопись) 1085 и выставили в экспозиции с этикеткой «Неизвестный художник. XVIII век. Портрет младенца».

Шли годы... Однажды мне в руки попала книга полковника В. Квадри «История Государевой свиты. XVIII век». На странице 241 я увидел точно такое же изображение. Внизу стояло: «Иоанн Антонович». Неужели это тот самый никогда не царствовавший император, всю жизнь проведший в тюрьмах и казематах собственной империи, убитый своими же подданными, загадочная русская «Железная маска»?

К рисунку следовало пояснение: «Акварельный портрет, приложенный к рукописи барона М. Корфа. Хранится в библиотеке Зимнего

дворца. Шкап П14, полка 11». А что же такое наш портрет? Копия с акварельного, или акварель снималась с масляного полотна? На этот вопрос пока нет ответа.

Тайну составляет и то, как мог сохраниться наш портрет. Императрица Елизавета Петровна, которая свергла Иоанна и его мать с престола, постоянно видела в нем соперника и старалась всеми силами уничтожить память о нем в народе. Имя Иоанна исчезло из переписки, были уничтожены монеты с его изображением. Собраны и сожжены все присяжные листы. В Петербурге — на Васильевском острове, а в Москве — на Ивановской площади. Книги следовало неукоснительно представлять — для уничтожения в них листов с известным титулом и замены новым, с именем императрицы Елизаветы. Та же участь постигла медали на кончину Анны Иоанновны, на которых имелись изображения Иоанна. Елизавета Петровна прика-

РУССКАЯ «ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА»

Рисунок
Игоря Кожевникова

Игорь
НЕПЕИН

Таинственный портрет

В музее изобразительных искусств Свердловска хранится «Портрет неизвестного» работы неизвестного художника XVIII века.

Привезла его из Москвы в мае 1961 года таинственная особа по фамилии Скворцова-Левицкая.

На овале, вписанном в четырехугольник, изображен ребенок, сидящий на подушке, отороченной голубой андреевской лентой — знак царственного происхождения. Особа утверждала, что это портрет Александра I в детстве, написанный Левицким. Но как-то плохо верилось в ее слова. В 70-е годы XVIII века Д. Г. Левицкий создал целую галерею ярких по колориту, блестяще исполненных портретов своих современников. А здесь — темный фон, вялый рисунок, блеклые, невыразительные краски... Художник недалеко ушел от парсуны.

Относительно того, кто изображен на портрете, тоже появились сомнения. Известно, что Левицкий писал наследника престола в 1787 году, когда тому исполнилось 10—11 лет. Следовательно, это мог быть кто угодно, только не Александр I.

Портрет, однако же, приобрели за 1500 рублей. Но случилось так, что в акте, составленном на его приобретение, не оказалось ни пас-

зала уничтожить документы ряда важнейших учреждений за предыдущее правление.

Как при таких условиях мог уцелеть портрет, кто его хранил с риском для жизни?

Несколько слов об авторе портрета. Им мог стать Иван Яковлевич Вишняков (1699—1764). Вспомним его серию детских портретов Сарры и Виллима Фермор, Голицына. Им тоже присуща статичность изображения, рыжеватый колорит, условность, неточность рисунка. В 1740 году он пишет портрет матери Иоанна — Анны Леопольдовны. Во время сеансов она могла заказать художнику и портрет сына.

А может быть, это Луи Каравакк (1684—1754), марсельский живописец, прибывший в Россию еще при Петре I? Но его палитра более разнообразная и яркая, чем у Вишнякова. Достаточно вспомнить замечательный по колориту портрет дочерей Петра — Анны и Елизаветы.

Кому достанется трон?

Кто же был этот мальчик-император?

Его прадед — старший брат Петра Великого Иван Алексеевич (1666—1696) — в силу умственной и физической немощи никакой роли в государственной жизни не играл, довольствовался декоративным титулом царя.

В 1684 году он обвенчался с Прасковьей Федоровной из рода бояр Салтыковых. Они имели пять дочерей, в том числе Екатерину — бабушку русской «Железной маски», и Анну. Жизнь всех сложилась несчастливо. Кроме Анны.

В 1710 году она вышла замуж за курляндского герцога, через год овдовела, 19 лет прожила в Митаве, сильно нуждаясь, выпрашивая подачки у богатых родственников в России. В 1730 году Верховным тайным советом выбрана на русский престол. Как же это случилось?

Еще при жизни Петр изменил право наследования престола. Раньше он переходил от отца к старшему сыну, теперь император мог назначить преемника сам. Однако Петр умер, не воспользовавшись этим правом.

А. Д. Меншикову с помощью гвардии удалось возвести на царство жену Петра — Екатерину Алексеевну. Около трех лет длилось ее правление.

Затем императором стал внук Петра Великого, сын казненного Алексея Петровича — Петр Алексеевич, известный под именем Петра II. Трагическая фигура в русской истории. В январе 1730 года он простудился, заболел оспой — и скон-

чался. С Петром II пресеклось мужское поколение дома Романовых по прямой нисходящей линии. Кому же достанется трон?

Утром 19 января залы Лефортова дворца, где жил и умер Петр II, заполнили вельможи, члены Верховного тайного совета, Сената, высшие военные чины.

Канцлер Головкин сообщил о кончине Петра II. Затем слово взял Дмитрий Голицын. Он произнес длинную речь о престолонаследии в настоящий момент. Законных наследников у Петра I не осталось. Считаться с его незаконными детьми нечего. Завещание покойного императора, только что предъявленное, фальшиво. (Поясним: перед смертью Петра II его фаворит подписал за него завещание, по которому власть должна перейти к княжне Екатерине Долгоруковой). Отклонил Голицын и старую царицу Евдокию. А остановил выбор на дочери царя Ивана, Анне Иоанновне, вдове герцога Курляндского. Совет согласился на избрание Анны. А Голицын продолжал: «Будь воля ваша, только надобно, написав, послать Ее Величеству пункты».

Были составлены «кондиции», или пункты, которые должна подписать Анна, прежде чем вступить на престол. «...По принятию короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять!» Без согласия с Верховным тайным советом императрица не могла ни войны начинать, ни мира заключать, ни чина-вотчины пожаловать, ни государственным доходом распорядиться. «А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской».

Кондиции были посланы в Митаву, где проживала вдовствующая герцогиня.

3 февраля 1730 года в Москву пришло письмо от Анны. Она писала: «Хотя я рассуждала, как тяжело есть правление столь великой и славной монархии, однако же, повинуюсь божеской воле... намерилась принять державу и правительствовать...»

Вслед за этим письмом шли пункты, подписанные Анной. Впечатление, которое произвела проделка верхних на общую массу собравшейся знати и дворянства, было ошеломляющим. По образному выражению Феофана Прокоповича, «все опустили уши, как бедные ослики, перешептывались, а с негодованием откликнуться никто не смел».

Попытка верхних натолкнулась на сопротивление большинства дворянства. Провал конституционного правления определился задолго до прибытия в Москву новоявленной

императрицы. Уже в Всесвятском, селении недалеко от Москвы, Анна объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Во Всесвятское явился Верховный тайный совет в полном составе и преподнес Анне орден Андрея Первозванного. 15 февраля состоялся торжественный въезд в Москву. Своей резиденцией императрица избрала Кремлевский дворец. Солдатам и часовым было отдано строжайшее приказание никого из дворца не выпускать. Историк пишет: «Когда же государыня изволила выйти в тронную, то граф Матвеев, приближаясь к государыне, сказал, что он прислан от имени всего российского дворянства представить Ее Величеству, что она была обманута депутатами Верховного совета, что поелику Россия управлялась о стольких столетий самодержавными государями, а не Советом, все дворянство российское всеподданейше просит государыню принять на себя неограниченную власть ее предков; что вся нация одинадушно того же от нее ожидает...»

«Дикая» принцесса

А теперь речь пойдет о племяннице императрицы Анне Леопольдовне. Документы, воспоминания современников дают возможность увидеть ее без блеска бриллиантов, орденов, титулов. Это было существо низкое, насквозь лживое, страшно развратное, неряшливое физически и крайне убогое в умственном отношении. Дочь герцога Мекленбург-Шверинского и его жены Екатерины Ивановны, она родилась в Ростке 6 ноября 1718 года, наречена Елизаветой-Екатериной-Христиной. В 1733-м приняла православие и стала именоваться Анной Леопольдовной. «Это была светлая блондинка, с лицом маловыразительным, хорошо сложенная и довольно грациозная. Питала отвращение ко всякому серьезному занятию и всегда имела усталый, скучающий вид; несмотря на свою флегматичность, она была очень чувственная, очень не любила стеснять себя и большую часть дня проводила полуодетая, без дела, беспорядочно мечтая» (П. Долгоруков).

Жизнь ее прошла бы, не оставив следа, но все изменилось в 1730 году, когда ее тетка стала императрицей и взяла племянницу ко двору. Над головой принцессы за сверкала корона Российской империи.

Вскоре начались поиски мужа для принцессы. При прусском дворе его не нашли и обратились к венскому. Жениха отыскал генерал-адъютант Карл Густав Левенвольде. «Австрийский двор щедро заплатил

ему за то, что он способствовал выбору принца Антона Ульриха Брауншвейг-Бевернского» (К. Рондо).

Однако произошло непредвиденное: жених не понравился принцессе. Но почти одновременно с принцем Антоном при русском дворе появился посланник саксонского курфюрста граф Мориц Карл Линар. Принцесса влюбилась в саксонца с первого взгляда. Жених в сравнении с ним выглядел убогим замухрышкой. Роман стал достоянием гласности. Императрица бабьим чутьем поняла, на какое посмешище выставила ее племянница. Она лично просила курфюрста отозвать слишком предприимчивого дипломата. Линар исчез. А принцесса под нажимом тетки вынуждена была выйти замуж за нелюбимого Антона Ульриха. Всю ночь после свадьбы она провела в Летнем саду. Анне Иоанновне пришлось прибегнуть к своим привычным грубым манерам: «фрейлины видели в полуоткрытую дверь, как императрица била по щекам свою племянницу» (П. Долгоруков).

А 12 августа 1740 года принцесса Анна Леопольдовна счастливо разрешилась от бремени и родила сына, Иоанна.

Ничтожество

с титулом «высочество»

5 октября 1740 года императрица за столом упала в обморок, и ее без памяти отнесли в постель.

Составили указ, провозглашавший Иоанна наследником, и принесли императрице. Она немедленно подписала его и попросила всех оставить ее, задержала только Бирона. Тут выскочил Миних: «Ваше Величество, мы все пришла к согласию и желаем, чтобы герцог Бирон был правителем, мы вас умоляем согласиться...»

Регентство «канальи курляндской», так звали русские Бирона, продолжалось ровно 22 дня: с 17 октября по 9 ноября 1740 года. Он был арестован фельдмаршалом Минихом.

Переворот Миниха возносил Анну Леопольдовну на высшую ступень земной власти и почестей. Она была объявлена великой княжной с титулом императорского высочества, причем на нее возложено было и государственное управление на время малолетства императора.

Граф Линар, так скандально высланный ее теткой, мгновенно появился в Петербурге.

Всеми внутренними и внешними делами империи заправлял теперь Остерман. Но против немцев опять зрел заговор.

Вечером 22 ноября врач Елизаветы Петровны — Лесток навестил ее во дворце и убеждал действовать. Она не решалась. Тогда он показал ей обыкновенную игральную карту, на одной стороне которой изобразил ее в императорской короне, а на другой — постриженной в монастырь, и сказал: «Выбирайте». Тогда она решилась. Надела орден св. Екатерины, взяла с собой крест, помолилась перед иконой Богородицы и принесла обет: если вступит на престол, то не подпишет ни одного смертного приговора.

Затем села в сани. На запятки вскочили Воронцов и Лесток и помчались в казармы Преображенского полка. Солдат предупредили заранее. Елизавета сказала: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, едемте за мной». Ей отвечали: «Матушка, мы готовы». 360 человек двинулись вместе с цесаревной по Невскому проспекту к Зимнему дворцу.

В караульном помещении дворца она появилась совершенно неожиданно для солдат. Речь цесаревны была краткой: «И я, и вы много натерпелись от немцев, и народ наш много терпит от них. Освободимся от наших мучителей. Послужите мне, как служили моему отцу». «Матушка, — закричали караульные, — что велишь, все сделаем». Несколько человек Елизавета взяла с собой, чтобы арестовать правительницу, другим поручила взять ее мужа, потом захватить императора, но не будить, а дожидаться, когда проснется.

Она вошла в личные покои правительницы и застала ее спящей рядом со своей фрейлиной. «Сестрица, пора вставать!» — сказала ей Елизавета. Анна Леопольдовна увидела солдат и мгновенно все поняла...

25 ноября 1741 года вышел манифест о восшествии на престол Елизаветы Петровны.

Пятый туз

Не велики наши сведения о матери русской «Железной маски», но еще меньше мы знаем о его отце, глубоко несчастном, одиноком, неуном человеке, совершенно чуждом той стране, в которой по воле злого рока оказался. Сначала нелюбимый жених, затем ненавистный муж, он не имел никаких корней в русском обществе.

Современники и историки рисуют Антона Ульриха крайне бесцветной личностью. «Он был очень добрый малый и только. Ум отсутствовал, энергии никакой. Это было именно то, что требовалось». «Белолицый, подслеповатый, золотушный, очень робкий и застенчивый...» (К. Рондо. Петербург, 13 января 1733 г.)

В день рождения императрицы она пожаловала принцу орден св. Андрея и назначила его майором Семеновского полка.

При разрыве отношений с Турцией принца отправили волонтером в армию фельдмаршала Миниха. Он храбро сражался при осаде Очакова. Возвратясь в Петербург по окончании кампании, был произведен в генерал-майоры. В следующую кампанию отличился в стычках с турками и татарами. А возвратясь в Петербург, занял прежнее незаметное положение.

Ни женитьба на племяннице императрицы, ни рождение в 1740 году сына не улучшили жизнь принца Антона. Он продолжал оставаться пятым тузом в колоде российского двора, хотя и получил высшее воинское звание генералиссимуса.

Ограниченный от природы, мало сведущий, мягкий и нерешительный, он не имел значения в государственных делах. Даже после отставки Миниха не приобрел влияния на ход правления. Правительница не терпела ни мужа, ни Остермана.

Фридрих II в «Записках» дал ему краткую, но выразительную характеристику: «Муж ее слабый, и практически имел только одно достоинство — врожденную неустрашимость».

Шпионы доносили о стремлении Елизаветы захватить престол. Попытки предупредить жену об опасности оказались безрезультатными. Она веселилась и думала о возвращении Линара.

Как только Елизавета взойшла на престол, генералиссимус сразу превратился в узника. Его стали перевозить из одной крепости в другую. В ноябре 1744 года доставили в Холмогоры. Здесь в суровом заключении прошли бессмысленно 30 лет жизни. В 1746 году умерла мучавшая своей неверностью жена. Позднее пропало зрение...

4 мая 1776 года смерть избавила его от земных страданий. Похоронили Антона Ульриха в Холмогорах. Присутствующим солдатам было строго запрещено говорить о месте погребения. Время унесло следы этой чуждой всем могилы.

Узник

Русский историк М. Семевский пишет: «12 августа 1740 года был несчастным днем в жизни Иоанна Антоновича — это был день его рождения».

Манифест 5 октября 1740 года, составленный графом Остерманом, возводил Иоанна в ранг наследника русского престола. Писатели и поэты прославляли младенца. М. В. Ло-

моносов написал «Оду на рождение императора», напечатанную в «Приложении к «Петербургским ведомостям». Таков был век!

А Елизавета в начале решила все брауншвейгское семейство из России отправить в Германию. Но вскоре передумала. Под большим конвоем генерал-лейтенант Салтыков вывез Иоанна с родителями из Петербурга в Ригу. В отряде Салтыкова ехал особо доверенный человек, обязанный доносить обо всем императрице лично. С семейством Иоанна стали обращаться как с государственным преступниками. Салтыкову было запрещено допускать к ним людей. Хотя по секретнейшему указу Анна Леопольдовна подписала за себя, сына и дочь присяжный лист на верность Елизавете.

Вскоре показалось опасным держать узников и в портовой Риге, откуда их могли выкрасть. Иоанна с семьей заключили в крепость Дюнамюнде — форт, расположенный в трех немецких милях от Риги, на берегу моря.

И все-таки возможность переворота пугала императрицу. В январе 1744 года она решила перевезти узников в глубь страны, выбрав глухой городок Рязанской губернии Раненбург. Посчитали, что жителям этой глухомани будет совершенно безразлична судьба каких-то немецких принцев. Может быть, теперь успокоится императрица?

Но вот поздним вечером 27 июня 1744 года сонную жизнь городка нарушил стук копыт. Небольшой отряд конных всадников сопровождал крытый со всех сторон черный возок. Эскорт остановился у дома, где поселились «известные персоны». Те бросились к окну — Анна вздрогнула, а муж побледнел. И было от чего.

Приехал барон Н. А. Корф — особа, приближенная к императрице. Его употребляли на дела важные, секретные, страшные. Солдатами командовал капитан Пензенского пехотного полка Миллер.

Разминая затекшие от долгой езды ноги, Корф медленно, сознавая всю важность возложенного на него поручения, вошел в дом вместе с капитаном.

— Не шуми, барон, ребенок спит, — стараясь казаться спокойным, произнес отец. Но челюсти у него дрожали. Корф промолчал, держа перед глазами последнюю встречу с императрицей.

«Лебедь белая» дала поцеловать руку и доверительно заговорила: «Поезжай ты, Никита Андреевич, в Раненбург к «известным персонам», отбери у них Иоанна, и пусть Миллер везет его в Соловки». По чадолобью своему он было возразил: «А стоит

ли, изведется ребенчишко без отца и матери, да и они кабы в уме не повредились...» И тут «лебедь белая» глаза чудесные чуть-чуть прищурила и сказала голосом сладчайшим: «Повредиться не с чего да и нечему, ни у нее, ни у него ума не было и нет. А ты, барон, не хочешь ли на их место? Окажись они у власти, не сносить тебе головы, аль не понимаешь?..»

Семья съезжилась под его тяжелым взглядом. В воздухе повисла гнетущая тишина. Лишь прошелетели слова Антона Ульриха:

— Мы вас слушаем, барон.

— По велению императорского величества вы должны покинуть Раненбург и следовать за мной!

— Дальше, барон, — сквозь слезы произнесла Анна.

— Где мальчик?

— Спит в соседней комнате.

— Капитан, вперед, — скомандовал Корф, отодвинул отца и вошел в детскую.

Иоанн спал, укутанный одеялом, в полураме виднелась его белокурой головка.

— Взять, — снова приказал Корф.

— Не решитесь же вы отнять у нас сына, — изумился отец.

Сына отняли, несмотря на вопли и слезы, посадили внутрь черного возка и повезли...

Правительство придумало еще одну изумительную штуку. Оно решило обезличить царственного узника, чтобы Иоанна не стало, а появился Григорий. Миллеру предписывалось называть его только так. Мальчик от горя все время плакал. На новое имя не отзывался. Кричал, что он Иван, Ваня. Капитан бил его по голове и повторял новое имя.

Лицо мальчика опухло от слез и побоев. Под глазами не сходили синяки. Постепенно он стал славиться: сделался вкорным и тахим. Перестал скулить, не просил есть, больше молчал.

Семейство поселили в Холмогорах, в архиерейском доме, но отдельно от сына. Он даже не подозревал, что родители за стеной.

Здесь, на севере, у Анны еще родились дети. Наконец, после родов она занемогла и отдала богу душу.

В действие вступила секретная инструкция. В марте, по весенней распутице, из Холмогор выехали две подводы. На первой — подпоручик Измайловского полка Писарев, на второй, нагоняя ужас на лошадей и охрану, плавало в спирту тело бывшей правительницы Российской империи Анны Леопольдовны. Нужно было неопровержимое доказательство ее смерти, чтобы избежать интриг и происков. У последней станции перед Петербургом обоз встретил

курьер с предписанием: везти тело прямо в Александро-Невскую лавру. Анну похоронили рядом с матерью, Екатериной Ивановной.

А жизнь узника проходила между тем в полном одиночестве. Он не видел людей, кроме охраны и офицера. Такое «воспитание» наложило свой отпечаток. Сохранилось описание внешности Иоанна, правда, уже взрослого человека: «Был очень белокур, даже рыж, роста среднего, очень бел лицом, с орлиным носом, большими глазами в закате. Разум его был поврежден, он говорил, что Иоанн умер, а сам он звятой дух».

В 1756 году ему велено было собираться. Глухой ночью сержант лейб-компания Савин увез его в Шлиссельбург. Неизвестно, какие причины побудили Елизавету отдать такой приказ. Может, это связано с попыткой прусского короля Фридриха II через купца Ивана Зубарева установить связь с раскольниками и склонить их к освобождению Иоанна?

Летом 1762 года в России сложилась редчайшая обстановка. В стране находилось три императора: правнук царя Ивана Алексеевича — Иоанн Антонович томился в Шлиссельбургской крепости, племянник Елизаветы — Петр III в Ропше, а Ангальт-Цербская, принцесса под именем Екатерины II — на русском престоле.

Бытует мнение, хотя и бездоказательное, что Екатерина сама поручила В. Я. Мировичу освободить Иоанна, обеща награду. Дальнейшее хорошо известно: при этой попытке Иоанн был убит офицерами охраны. Мирович кончил жизнь на эшафоте. Екатерины в это время в Петербурге почему-то не оказалось. 9 июля 1764 года она писала Панину: «Никита Иванович, безымянного колодника велите хранить (хоронить — авт.) по христианской должности в Шлиссельбурге без огласки же».

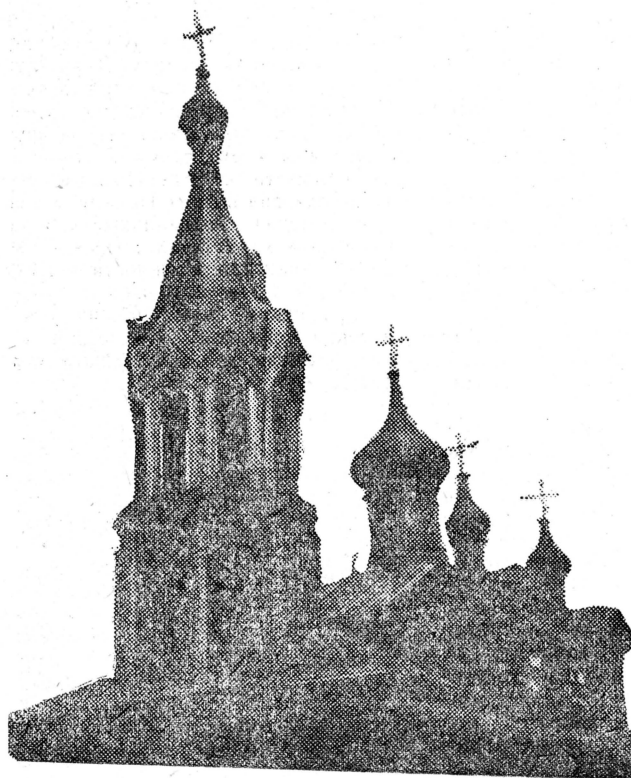
Такова в самых общих чертах история русской «Железной маски», скрытая за таинственным портретом.

Фото
Олега Капорейко

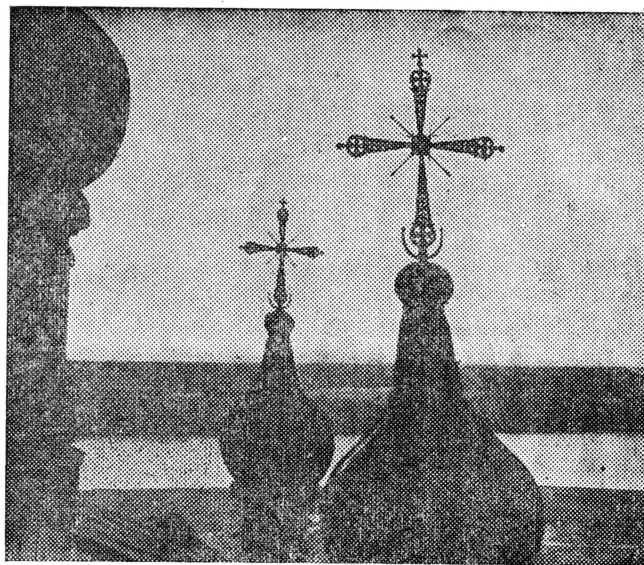
Обитель Первыша Коркодинова

Ю. СЕНТЯБРЬ

С трудом одолела наша машина три километра песчаной, размытой дождями дороги от Чердынского тракта до села Бигичи. А вот по самому селу даже на безотказном ЛуАЗике проехать не удалось: могучей техникой улицы села превращены в канавы. Оставили машину и двинули по обочине пешком: куда же, думаем, ведут эти непроезжие и непроходимые дороги? Оказалось, ведут к храму...

Но сначала среди нежити и сельского запустения выхватил глаз сливочно-желтое пятно новой брусчатой постройки. Растет дом, рядом с ним другой — значит к жизни, значит не исчезнет с лица земли стариннейшее, чердынское село!

Но бог ты мой! И как мы умудряемся превратить праздник в наказание! Сколько ям, ухабов, грязи наворочено вокруг! Люди жмутся к ветхим дощечкам вдоль заборов, за версту обходят колдобины, чтобы попасть в дом через дорогу, в магазин или на почту. Словно бы вовсе не для них эта стройка, а сама для себя.

И смотрит из-под чистого облачка на этот расхристаный мир деревянная дивной красоты церквушка, сработанная с такой любовью и тщанием, каких на многие версты вокруг днем с огнем не сыщешь.

Усердный летописец чердынского края И. Я. Кривошеков сообщает нам, что у какого-то частного лица обнаружил он образец заемной расписки жителя Бигичей Первыша Коркодинова, написанной в 1546 году. Уже тогда, чуть ли не 450 лет назад, Бигичи именовались селом, т. е. обладали христианским храмом. А ведь прошло всего 80 с небольшим лет после крещения Перми Великой. Выходит, что Бигичи, наряду с Чердынью и Покчей, одно из самых древних сохранившихся на Урале поселений!

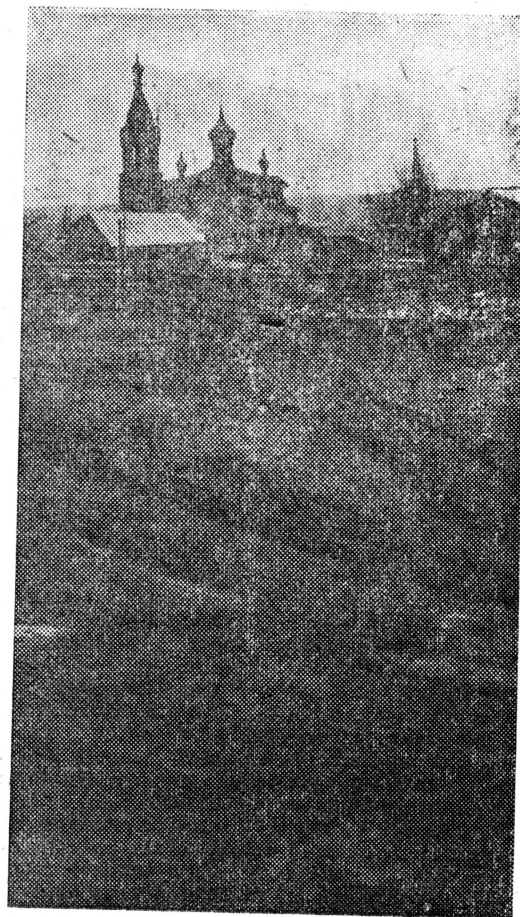
В 1910 году, когда Кривошеков составлял свой «Словарь Чердынского уезда», в Бигичах стояла только православная часовня. Были также церковно-приходская школа и три торговых лавки. Средства для жизни население извлекало от земледелия, баржестроения, охоты и извоза. Дворов в селении было 282 и жителей в них обоего пола обитало 953 человека.

Та часовенка, ветхая, полурухнувшая, и ныне стоит в центре села. На остатках иконостаса еще можно прочесть следующее: «...с помощью добротных дателей прихожан 1872 года месяца июля на 20-й день с возобновлением всех икон иконостас работал вильгортский крестьянин Дмитрий Трофимов Константинов, а иконы возобновлял Спиридон Ефимов Толокин по благословению нашего вильгортского прихода священника Иоанна Троицкого».

А церкви в 1910 году, выходит, еще не было. Звенящему, крепкому дереву сруба еще стоять да стоять. Только в одном месте нарушенная кровля дала течь. Сияют в небе ажурные кресты. Далеко видны с церковной колокольни окрестности Бигичей, изгибы реки Колвы...

Древнейшее чердынское село ждет защиты.

Просим читателей сообщить о том, что меняется или не меняется в тех деревнях и селах, о которых мы пишем в рубрике «Ждет защиты».
ОТДЕЛ КРАЕВЕДЕНИЯ

Житие Вадима Раевского

Рисунки
Игоря
Кожевникова

Нет, Вадим Раевский не забыт. О нем пишут ученые в статьях и книгах, ссылаются на его монографию «Жизнь кондо-сосвинского соболя», именем зоолога названа улица в районном центре Советском, где теперь находится управление заповедника «Малая Сосьва» — воспреемника прежнего резервата. Это был выдающийся натуралист и наблюдатель, один из энтузиастов заповедного дела и охраны природы, который мог бы вырасти в крупного ученого.

Старожилы этих мест вспоминают про удивительные таежные истории, связанные с Раевским (одну из них опубликовал в 60-х годах журнал «Уральский следопыт»), но все меньше остается людей, которые знали его лично. Поэтому хотелось бы приоткрыть некую завесу таинственности, связанную с обликом и всей жизнью В. В. Раевского, рассказать о нем то, что известно лишь немногим.

Феликс
ШТИЛЬМАРК

Среди обширных лесов северного Зауралья, вблизи крошечного селения Хангакурт, что притулилось на правом берегу Малой Сосьвы, есть небольшое кладбище, над которым год от году прибавляют в росте стройные сосны, неприметно разрастаются когда-то потревоженные лесные мхи и лишайники...

Возникло это место вечного людского упокоения в тридцатых годах, когда в Хангакурте помешалась центральная усадьба государственного Кондо-Сосвинского заповедника, прекратившего свое существование в 1951 году. Внимание привлекает небольшая мраморная доска, на которой выгравировано золотом: «РАЕВСКИЙ ВАДИМ ВАДИМОВИЧ. 1909—1947. Зоолог Кондо-Сосвинского заповедника. Он жил здесь, работал и умер, отдав все свои силы сохранению природы этого края». На небольшой овальной фотографии красивое бородатое лицо со спокойным и грустным взглядом.

Дворянский род Раевских — древний и весьма разветвленный (многие были выходцами из Польши и Западной Украины). Прадед Вадима — Святослав Афанасьевич Раевский (1808—1876) — личность весьма известная, поскольку с детских лет дружил с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. За активное распространение знаменитых стихов «На смерть поэта» был выслан из Петербурга в Олонецкую губернию. В 1840 году вышел на пенсию и поселился в своем имении Раевка Пензенской губернии, где у него в 1854 году родился сын Игорь (дед нашего героя), человек трагической судьбы. В известном словаре Брокгауза и Ефрона о нем сказано так:

«Раевский Игорь Святославович — зоолог... окончил курс в Московском университете; сопровождал Великого князя Александра Александровича (наследника престола) в поездке по Ледовитому океану к Новой Земле. Это был весьма талантливый начинающий исследователь, который, к сожалению, окончил жизнь самоубийством 25-ти лет от роду, оставив два исследования по энтомологии...»

К счастью, помимо двух статей о насекомых, Игорь Святославович оставил после себя еще и маленького сына Вадима. Семья этих Раевских (не надо путать их с ветвями знаменитого генерала или известного декабриста,

хотя дальнейшее родство не исключается!) жила в конце прошлого века в Воронеже, где Вадим Игоревич усердно работал в земской управе. Служил он заведующим экономическим отделом и в 1906 году возглавил специальный комитет, созданный при земской управе для естественно-исторических обследований Воронежского края. Эти его усилия увенчались изданием ценного научного сборника, авторами которого были знаменитые ученые проф. Ю. М. Шокальский, К. Д. Глинка, Г. Ф. Морозов, Б. А. Келлер и другие.

Мать Вадима Вадимовича — Екатерина Сергеевна Мещерская — также принадлежала к известнейшему дворянскому роду. Детей у Раевских было трое — старший Сергей, средняя дочь Ольга и младший Вадим, названный в честь отца.

Когда грянула Октябрьская революция, Вадим Игоревич не отверг новой власти, а стал активно с ней сотрудничать. Служил в системе Центросоюза и по линии Губпродторга был командирован в Уральск. Там его неожиданно арестовали, и вскоре он погиб в каком-то холерном бараке. Ни дата, ни место его кончины в точности не известны...

Екатерина Сергеевна с тремя детьми на руках (старшему было семнадцать, а младшему десять) работала сестрой милосердия, или, говоря по-нынешнему, санитаркой. Как «бывшая» дворянка подвергалась гонениям и преследованию новых властей, а время было очень тяжелое, свирепствовали разруха, голод и болезни. Ольга Вадимовна, сестра зоолога, рассказывала, что именно тогда ее младший брат остался почти без присмотра, бегал по улицам голодный, раздетый и разутый, жестоко простудился и подхватил начальную стадию туберкулеза. Мать арестовали за обмен какой-то драгоценности на продукты, но вскоре выпустили. Узнав о смерти мужа, она не могла ни пить, ни есть и была буквально на краю гибели. Родственники из Москвы выхлопотали для нее вызов в столицу. В чудовищной давке она с детьми попала, наконец, в какой-то случайный поезд, однако вскоре вагон их отцепили, а все вещи отняли... В конце концов они все же добрались до Москвы и поселились где-то на Спиридовке. Екатерине Сергеевне сообщили, что на ее имя пришла посылка от родных из Италии, и она имела наивность отправиться в посольство, где ее немедленно и забрали. На этот раз арест был основательным, несчастную женщину выслали в Сибирь, в город Ачинск.

Между тем, Вадим Раевский учился в московской школе, а Ольга поступила в какое-то непманское кафе, где имелося подсобное хозяйство с коровами и свиньями. Ухаживая за ними, «девушка-дворянка» смогла кормиться и поддерживать близких...

Еще в школьные годы Вадим участвовал в зоологических экспедициях (об этом позднее рассказал его друг, профессор Н. И. Калабухов в книге «Жизнь зоолога», М., 1978 г.), а вскоре поступил в областной краеведческий музей. Вместе с Левой Каплановым (будущим зоологом, директором Судзухинского заповедника, носящего теперь его имя)¹ Раевский ездил по ближнему и дальнему Подмосквовью, на озеро Селигер, участвовал в борьбе с чумой в степях Ставрополя.

Но бедствия не оставляли разбитую семью Раевских. Вскоре Ольгу Вадимовну вызвали «соответствующей инстанции» и предложили стать тайной осведомительницей, ведь в кафе она постоянно общалась с посетителями и могла слышать их разговоры. За категорический отказ и под предлогом ее «сомнительного» происхождения девушку, как и ее мать, выдворили из Москвы сперва в Архангельск, а потом в дальний северный городок Шенкурск, куда вскоре удалось перебраться из Ачинска и Екатерине Сергеевне. Они ужасно бедствовали. Ольга

работала пильщицей на лесоповале, жила в холодном бараке прямо в лесу, а для матери сыскала где-то угол.

О брате Ольга Вадимовна потом с любовью вспоминала: «Нежный девичий румянец играл на его щеках, светились лукавым блеском большие глаза и бронзовые волосы. Он был очень высокого роста и, как говорят, косой сажени в плечах. В автобусах того времени стоял нагнувши голову. При богатерском сложении он был необыкновенно скромным и застенчивым человеком. Это свойство характера не раз ставило его в затруднительное положение».

Рано повзрослевший, но по-юношески романтичный, Вадим вскоре познакомился в Ростове-на-Дону с аспиранткой-микробиологом Анной Феофиловной Раевской (однофамилица и дальняя родственница), которая вскоре получила назначение в Барнаул. Уехали они вместе, соединив свои судьбы. Работы как зоолог Раевский там не нашел и по ночам трудился в типографии местной газеты. Своих детей у супругов не было, и они взяли приемную дочь Любу (Анна пожалела ребенка какой-то нищенки).

А машина сталинских репрессий продолжала набирать обороты, и была прежде всего по культурному слою народа, по истинной интеллигенции. Волны арестов и расстрелов катились по городам Сибири. Не миновали они и Барнаула. В 1937 году А. Ф. Раевская, член ВКП(б), была арестована по процессу микробиологов и получила «десять лет без права переписки». Ее замучили и расстреляли в застенках НКВД, а муж и другие близкие оставались в неведении.

Вадим Вадимович в это время работал уже в Кондосьвинском заповеднике. Ему удалось договориться о преобразовании фельдшерского пункта в Хангакурте во врачебный, чтобы нашлась работа жене, послал ей вызов...

«Незадолго до смерти, — писала позднее Ольга Вадимовна, — он говорил мне, что, находясь на работе в тайге, всегда чувствовал жену рядом с собою и мысленно беседовал с нею. Только любимая работа и постоянное общение с природой помогали ему переживать это горе. Год его смерти (1947) был и годом ее десятилетнего срока. Он все ждал и надеялся, что придет от нее какая-нибудь весточка. И уже совсем больной не переставал говорить мне, что мы отправимся на встречу с ней, где бы она не находилась. Но ему не суждено было узнать даже о ее посмертной реабилитации...»

Трудно представить себе, какой внутренней силой обладал этот человек. Неделями, чуть ли не месяцами бродил он на лыжах и пешком по соболиным следам, вынюхивая во все секреты и тонкости жизни ценнейшего таежного зверька. Местную тайгу он знал лучше старожилов и следопытов, глубоко уважал хантов и манси, и они платили ему тем же. Вместе с необходимыми грузом Вадим Вадимович носил в тяжелых заплечных котомках книги. Рассказывают, что он читал в зимовьях своим спутникам «Войну и мир», просил сестру прислать пластинки с классической музыкой, делал переводы с французского, чтобы не забыть языка.

«Он не курил и не пил вина, — вспоминала сестра, — но, живя в лесных избушках, иногда устраивал себе встречу Нового года: зажигал все имевшиеся свечи сразу, заваривал хороший кофе и, присоединив к нему какие-нибудь лакомства, читал одну из любимых книг, которые таскал в своей котомке...»

Началась война, но в зауральской тайге стояло прежнее заповедное безмолвие. Мужчины ушли на фронт, исчезли товары и продукты. Вадима Вадимовича не взяли в армию по состоянию здоровья, и он писал сестре, что помогать фронту остается только «сокращением потребления» и научной работой в заповеднике. Постоянные скитания по тайге и болотам продолжались ежедневно...

В конце войны руководство заповедника решило пробить прямую трассу на Кондинск (ныне — пос. Октябрьский), чтобы легче было завозить грузы зимой. Попытка оказалась не только неудачной в целом, но и роковой для

¹ Лев Георгиевич Капланов (1910—1943), директор Судзухинского заповедника, трагически погиб от пули браконьера. Ныне заповедник называется Лазовским (Приморский край).

Раевского. Паек в то время был скудный, а так как Вадим Вадимович бережно относился к лесным обитателям и никого не стрелял, чтобы употреблять в пищу, он обходился пайком. Недоедание при физической работе на морозе привело к тому, что залеченный туберкулез вспыхнул с новой силой. Иначе сказать, человек пожертвовал жизнью, чтобы не нарушить святых для него принципов заповедности. Такова была сила духа и воли русского дворянина!

В 1945-м В. В. Раевский поехал в Москву, повез рукопись законченного им труда о жизни кондо-сосвинского соболя (будущую книгу, которую он не успел поддержать в руках, она вышла в год его смерти). Он побывал в санатории, пил кумыс, но болезнь теперь развивалась неумолимо.

Послушаем снова Ольгу Вадимовну. «Весной 1946 года я получила от него телеграмму с просьбой приехать. В управлении по заповедникам знали о его состоянии и дали мне командировку, поручив вывезти его в Москву. Но он ввиду своего состояния не решился на выезд, а я не настаивала, считала, что лучше окружить его заботой на месте, чем потерять его в такой тяжелой зимней дороге. Я провела с ним год (в Хангакурте — Ф. Ш.). Почти до последних дней он продолжал посильно работать...»

Смертельно больной, почти умирающий, Вадим Вадимович взялся подвести итоги наблюдений — как собственных, так и других зоологов — о всех позвоночных животных, населяющих Кондо-Сосвинский заповедник². Это было подлинным гражданским подвигом.

«Умирал он долго, постепенно теряя силы в полном сознании, что дни его сочтены, понимая, как одновременно с покидавшими его силами тают надежды и планы. А планы у него были большие. Это были планы, посвященные любимому делу охраны природы. Как ни трагична была его судьба, но он прожил жизнь, работая на любимом поприще, полностью поглощенный своим делом. Он всегда говорил, что жалеет людей, занимающихся всю жизнь нелюбимым делом. Если бы я был богатым человеком, говорил он, я бы все свои деньги вложил в то дело, которым занят всю жизнь».

Это строки из рукописи Ольги Вадимовны «Слово о брате». Десятого января 1990 года исполнилось десять лет со дня ее кончины. Она прожила вместе с братом год в Хангакурте в неустанных трудах: купила корову, чтобы поддержать жизнь больного, а ведь надо было косить сено не только себе, но и заповеднику (тогда ездили в основном зимой на лошадях), план был изрядный — 6 тонн. Брат и сестра вместе плавали на покосы. Пока Ольга косила и скирдовала, Вадим сидел у костра, варил чай «Это были наши пикники», — с мягкой улыбкой рассказывала много лет спустя Ольга Вадимовна, не вспоминая ни зной, ни дожди, ни обилие гнуса. Вот уж истине, что пройдет — то будет мило...

Весной 1947 года она проводила Вадима Вадимовича в скорбный путь под сень хангакуртских сосен, а в 1975-м приехала снова, чтобы поставить на могиле брата памятную доску.

...Есть старинное русское присловье, которое так уместно упомянул в своем рассказе «Матренин двор» Александр Солженицын: «не стоит село без праведника». Одним из истинных праведников и мучеников многострадальной земли нашей можно назвать потомка славного рода, зоолога Вадима Вадимовича Раевского, чей прах и сегодня покоится над тихой зауральской рекой Малой Сосьею.

Слово это хочется закончить стихами ботаника-природолюбца, соратника и друга Раевского — Крониды Всеволодовича Гарновского. «Поэт и друг всего живого», — сказал о нем Виталий Бианки.

ТОЛОКНЯНКА В. В. Раевскому

По сухим борам у Асе-янги,
Где болот разорвано кольцо,
На подзоле зреет толокнянка —
Ягода хантэйских мертвецов.
В тишине белесого рассвета,
В сизый ягель не вдавлив ноги,
Тихо бродят на исходе лета
Прежние хозяева тайги.
Там, где раньше промышляли лося,
Ставили слопцы на глухаря,
Тихо бродят духи между сосен,
И над ними теплится заря.
Их давно оплакали живые.
Им остались на втором веку
Скудные, мучнистые, сухие
Ягоды, прикипшие к песку.
Обойди, не попирай ногами
Пятна толокнянки на бору, —
Может быть, сюда придем мы сами,
Через годы — рано поутру...

Автор этих стихов, скончавшийся в Ленинграде в декабре 1988 года, завещал похоронить свой прах в заповеднике на Малой Сосье, и желание его исполнилось...

² Рукопись «Фауна позвоночных животных Кондо-Сосвинского заповедника» была завершена В. В. Раевским и намечалась к публикации. Однако опубликована она была только в 1982 г. под редакцией автора этой статьи. Название реки Сосье (от хантэйского «сос» — горностай) раньше писалось без мягкого знака, и заповедник назывался «Кондо-Сосвинским», что не соответствует современной орфографии.

Сергей КАЗАНЦЕВ,
член Федерации космонавтики СССР

Мифы о Гагарине

Тридцать лет назад мир узнал имя первого землянина, своими глазами увидевшего космос. Тридцать лет это имя обрастает мифами. В чем, впрочем, нет ничего необычного. Испокон веку имена народных героев становятся пищей для мифотворчества (как антигероев — для анекдотов). Сам термин «миф» несет в себе больше положительных эмоций, однако среди мифов о Гагарине бытуют еще и порочащие его имя — вот с такими я попытаюсь побороться.

Первый миф о Гагарине родился сразу после его космического полета. Западные средства массовой информации развернули целую пропагандистскую кампанию, стараясь доказать, что Гагарин не был первым. Варьировались версии: до Гагарина были запущены в космос несколько человек, все они не вернулись или покалечились при приземлении; настоящий первый был один, но он погиб, и Гагарин лишь сыграл его роль; вообще никто не поднимался в космос, на орбиту в маленьком спутнике был заброшен магнитофон, а Гагарин, опять же, «артист»...

Можно понять досаду американцев, которых русские второй раз опередили в космосе, и опять, как с первым спутником, на считанные дни (Алан Шепард совершил 15-минутный суборбитальный полет на «Меркурии» 5 мая 1961 года). Но их почему-то постарались переплунуть итальянцы: если «Нью-Йорк джорнэл Америкэнз», «Балтимор сан», «Вашингтон пост» «солидно» утверждали, что до Гагарина в космосе погибли пять русских космонавтов, то «Коррьере делла сера» «насчитала» четырнадцать таких «жертв»...

Казалось бы, фальшивки откровенные. Чего уж там, не у одних нас, советских, водятся халтурщики на уровне того анекдота: «А у вас негров вешают!». Но не так проста пропагандистская машина, отработывавшая свои приемы не 50, а полтора века.

Не знаю точно, как там «делла сера», но солидные американские издания называли конкретные фамилии якобы погибших до Гагарина космонавтов, и что интересно: копии по всем этим фамилиям — и действительно такие люди были, и действительно некоторые из них погибли или покалечились, и профессии у них для космонавтики подходящие — испытатели самолетов, парашютов, скафандров...

Однако несколько похороненных западной прессой вдруг ожили и выступили в советской печати с опровержениями. Отсылаю вас (из-за нехватки места в нашем жеманном журнале) к газетам «Известия» (27.05.63 г., 30.06.65 г.) и «Красная звезда» (29.05.63 г.), а еще лучше — к документальной повести Ярослава Голованова «Космонавт № 1» («Мир приключений», М., «Дет. лит.», 1987).

Добавлю для уточнения цели печатных фальшивок, что к моменту орбитального полета Ю. А. Гагарина американцы еще завершали контрольные «прыжки в воду» — суборбитальные запуски макетов «Меркурия» с обезьянками на борту. Нас обвинили в бесчеловечности космических опытов: мол, русские, торопясь обогнать США, выстреливали ракеты наобум, отработывая капризную технику на живых людях; первый уцелевший счастливец — возможно, Гагарин. Сердобольные американцы прекрасно знали при этом, что в СССР ракетные запуски животных (собак, мышей) начались еще в 1951 году, а перед полетом Гагарина были запущены пять кораблей-спутников типа «Восток» с собаками, причем четвероногие космонавты Белка, Стрелка, Чернушка и Звездочка со-

вершили по несколько витков вокруг планеты, нарабатывая с большим запасом гарантии безопасности обновителем гагаринского полета. Не все гладко было в этой эстафете пред-«Востоков»: при посадке на третьем корабле-спутнике погибли две собачки, пополнив благородный список мучеников науки. Четвертый и пятый слетали очень хорошо. На них вместе с собаками крутнулись вокруг «шарика» и возвратились на землю два человеческих манекена. Второй, прозванный «Иваном Ивановичем», буквально напигованный биологическими объектами, нес на себе лоскутки живой человеческой кожи. Того медика, с которого срезали их перед запуском, друзья до сих пор называют «космонавтом номер ноль». На случай, если спускаемый аппарат приземлится в нерасчетном месте, где его обнаружат несведущие люди, под стекло шлема «Ивана Ивановича» была подложена бумага с крупной надписью «Манекен». Возможно, и это не помогло, возможно, кто-то «слышал звон» или наблюдал издали, как вынимают из кабины «безжизненное тело», — и доморощенные слухи поддержали заокеанские измышления, целью которых, повторюсь, было внушить, что Соединенные Штаты не стали первыми по причине бережного отношения к своим космическим пилотам. В отличие, соответственно, от русских. И вся контрпропагандистская их шумиха была направлена не против лично Гагарина — какая разница американцам, Гагарин ли, Титов или выдуманный итальянцами Лодовский, — главное, не получился реванш за первый спутник, «красную Луну», тут не такое взвоешь от обиды... (Пора сказать, что я вовсе не собираюсь реанимировать социалистический тезис о лживости и продажности «буржуазной печати». В нашей «печати нового типа» тоже хватало всякого. В пору «холодной войны» мы друг друга стоили. Разница лишь, что они выполняли заказы, а мы — приказы.)

Миф второй: почему именно Гагарин стал первым — больше наш, отечественного производства. (Крайшком замечу, что Запад попытался объяснить выбор первого космонавта его принадлежностью к княжескому роду, но настоящие потомки князей Гагаринских, к их чести, не поддались искушению записать на свой счет мировую знаменитость, да и в России по тем временам причастность к дворянству больше скрывалась, нежели афишировалась, так что эта версия не приобрела популярности.) На родине наибольшее распространение получила вполне правдоподобная догадка: Гагарин полетел первым потому, что его полюбил Королев. Да, наверняка Юрий был в хорошем смысле любимцем Сергея Павловича; очень вероятно, что Главный конструктор выделял Гагарина среди других кандидатов на первый космический полет. Когда за пять дней до старта выяснилось, что «Восток-1»

немного перетяжелен, а Титов чуть легче Гагарина, значит... Королев обещал снять часть дублирующих контрольных приборов, чтобы полетел все-таки Гагарин.

Как видите, решающей могла стать даже такая мелочь, как килограмм «лишнего» веса. Но не стала. Что и доказывает, что первый космонавт был выбран по иным параметрам, нежели бессловесный «биологический объект» (хотя, конечно, на самом начальном этапе отбор будущих космонавтов проходил с твердыми ограничениями по росту и по весу).

Но этот факт не подтверждает ли домысел, что Королев, остановив свой выбор на Гагарине, чуть ли не единолично решил его судьбу? Не надо обольщаться. Утверждение всех первых космических экипажей проходило до Госкомиссии множество разных инстанций. Первый начальник Центра подготовки космонавтов Е. А. Карпов даже должен был предъявить фотографии Гагарина и Титова в Президиум ЦК КПСС. Как оценили янки будущих героев Хрущев и его команда — неизвестно, а «курировавший космос» И. Д. Сербин по телефону резюмировал: «Оба отличные, выбирайте сами». Нелюбителей же демократической бюрократии (или бюрократической демократии) пусть утешит такой факт: двадцать молодых летчиков, первый отряд космонавтов, провели собственный референдум; в результате тайного голосования только на трех бумажках были написаны другие имена, все остальные назвали первым Гагарина.

За что? Он не был ярко выраженным лидером, душой компании, как Григорий Нелюбов — второй, вместе с Титовым, его дублер. Он не побеждал всех в спорте, а ведь у молодежи чемпионство и поныне считается главным признаком «первого парня». Многие публикации, подготовленные в эйфории первых восторгов, несколько преувеличили его человеческие, физические способности. Оттого и относился Юрий Алексеевич к журналистской братии настороженно. Оттого и сработал элементарный закон, верный не только в материальной природе, но и в пропаганде: сила действия равна силе противодействия — неумеренные восхваления породили вымыслы, приписывающие Гагарину противоположные качества.

Говорили, что он был службистом до мозга костей, беспрекословно выполняющим распоряжения начальства, — это и импонировало вспылчивому, не терпящему возражений Королеву. В подтверждение приводят легендарный диалог улету, перед стартом, когда Е. А. Карпов спросил: «Как спалось?» «Как учили», — ответил Гагарин... Ну и что? Если я на вашу просьбу шуточно отвечу: «Есть!» — вы сочтете меня милитаристом?

Все, что близко знал Юрия Алексеевича, называя основные черты его характера, так или иначе выделяли доброту. Доброта — свойство души богатой, в рамках уставов не уместающейся. Люди постарше, к примеру, академик Б. В. Раушенбах, подчеркивали интеллигентность Юрия.

Интеллигентность — вот ключевое слово, истинный смысл которого помнят лишь очень немногие оставшиеся в живых те самые интеллигенты, что с 1917 года числятся классовыми врагами, очкастыми хлюпиками-дармоедами... Но в последние дни вдруг начал складываться новый образ интеллигента. Это не белые офицеры («Красиво идут» — «Интеллигенция!») и не Владимир Ильич. Это — Андрей Дмитриевич Сахаров, на трибуне съезда интеллигентно пережидающий хамское улюлюкание народных избранников. Или вот Гагарин — интеллигент. Непривычно? Пресса любила упираться на то, что первый космонавт Земли — коренной пролетарий. Да кем бы он ни родился — крестьянином, рабочим, князем, — вырос он таким, что я, к примеру, не могу представить Ю. А. Гагарина в компании заталпывающих академика Сахарова. В такую компанию он действительно не впился — но об этом чуть позже.

Интеллигентность проявлялась у Юрия Алексеевича в искренности. Он был искренен в отношениях с людьми,

ми, «никогда не заискивал и не нахальничал», отмечает академик Раушенбах. Он был искренен в отношении к учебе: в Центре подготовки космонавтов учился не ради того, лишь только бы полететь, — у него была внутренняя потребность постоянного развития личности, и это помогло Гагарину стать первым учеником в космической школе. А первые ученики и выпускаются первыми.

Еще немного предыстории. Может, и было ему на роду написано — стать космонавтом № 1. Какой-то далекий зов судьбы увел его из литейщиков в летчики. А если бы он стал врачом? Ведь в 1956 году решили было сформировать первый отряд космонавтов из медиков, готовивших собак к полетам на геофизических ракетах. Даже названы были пять кандидатов: Генин, Касьян, Покровский, Серягин, Юганов. Но военные перевесили. Однако и военных летчиков было тысячи. Первоначальный отбор дал более 3000 претендентов. Барьеры комиссий перешагнули 20. Шестеро стали кандидатами на первый полет: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Варламов, Карташов. Валентин Варламов, купаясь в озере неподалеку от Звездного городка, неудачно прыгнул в воду: ударился головой о дно — смещение шейного позвонка. Глупейшая случайность! Варламова заменил в первой шестерке Валерий Быковский. Анатолий Карташов не прошел 8-кратные перегрузки на центрифуге: обнаружился микроскопические кровозлияния под кожей спины. Вероятнее всего, это не помешало бы ему подняться в космос, тем более в противоперегрузочном скафандре, но врачи подстраховались — вместо Карташова в авангард был включен Григорий Нелюбов. (О мертвых либо хорошо, либо ничего — однако все же придется пояснить, почему один из трех кандидатов на первый старт так и не занял кресло ни в одном космическом корабле. Уже после полета Титова — а Нелюбов мог стать командиром «Востока-3» — Григорий Григорьевич был отчислен из отряда космонавтов за нарушение дисциплины: задержанный военным патрулем, он отказался объясниться в комендантуре и довел конфликт до рапорта командованию. Генерал Каманин в геве выставил из отряда и оказавшихся в компании с Нелюбовым Ивана Анникева и Валентина Филатьева. Уж это было несправедливо! А Нелюбов уехал на Дальний Восток. В обстановке повышенной засекреченности космонавтики новые друзья не верили, что он был аж дублером Гагарина... В феврале 1966-го, подвыпив, он попал под поезд... А как благостно изображалась история нашей первой космической дружины! Жизненный полет их всех от рождения до орбиты протекал нормально... самочувствие хорошее... А между тем, за двадцать дней до гагаринского старта погиб, обгорев в судокамере, насыщенной кислородом, Валентин Бондаренко. После восьми лет тренировок для полета на «Востоке», потом на «Восходе», потом на «Союзе» — открылась язва у Дмитрия Заикина, он так и не полетел. Девять лет ждал своего старта Борис Волюнов, прибывший в отряд в одно время с Гагаринным...)

Ну ладно, как бы там ни было — выбор сделан. Даже если он мог иметь равноценную альтернативу, — только завистник скажет, что выбор Гагарина был ошибкой. А любителям подвергать все сомнению, тем, кому не хватило аргументов, я посоветую кратко: поарбуйте-ка убедительно доказать самому себе, что в выборе жены вы не ошиблись...

Да, увы — природа человеческая не совершенна. И люди, сотворив себе кумира, немедленно желают оплевать его. Ходило много слухов, что Гагарина не выдержал испытания славы. Зазнался. К нему не подступись. Желаящих-то подступиться было — миллионы, а Гагарин все-таки — один. Но в силу своей интеллигентности Юрий Алексеевич, будучи к тому же депутатом Верховного Совета СССР, старался отвечать на большинство жалоб и обращений, пытаясь всем помочь, до самой смерти так, наверное, и не поняв, что в одиночку море горя людского не вычерпать, не пробить одному плотину Системы...

Однако молва приводила якобы примеры недостойного поведения первого космонавта. Не буду повторять их, и не потому, что будто бы ни есть числа, — наоборот, в отличие от «хрущевских» и «брежневских» анекдотов их мало, ими просто восполнялась жажда информированности о жизни героя. (Ну хотя бы одно. Гагарин рассек люб. То ли в автомобильной аварии, то ли, я слышал, в Крыму на отдыхе «поцеловался» с подкидной доской. На фотографиях шрам заметили многие. Ага! — жена застучала с очередной любовницей... Ну что бы рассказать народу правду! Так нет же — наш народ и глух, и слеп. И нем?) А у меня есть еще одно, личное подозрение по поводу подобных слухов. Как-то в начале 80-х в Средне-Уральское книжное издательство, где я тогда работал, пришло ошеломительное письмо. На фирменном «официальном» бланке, отпечатанном типографским способом, краснела «головка»: «Секретариат Анны Тимофеевны Гагаринной, матери первого космонавта Земли» (за дословность, извините, не ругаясь, но смысл именно таков). В письме выражалась настоятельная просьба выслать для личной библиотеки «матери первого» какую-то (не помню) миниатюрную нашу книжечку, суперподарочное издание, в количестве 4-х экземпляров. Подпись неразборчива. Бедная простая женщина наверняка не ведала, что вытворять прилебаи за ее спиной! Теперь представьте, сколько нахалапи подобные придиалы, прикрываясь именем Ю. А. Гагарина — депутата, члена ЦК ВЛКСМ, почетного члена всяческих обществ... Попович он хоть чуточку дольше — раскусил бы подлую заспанную возию, и к маме бы своей этих шакалов не подпустил. Не дал Бог... Или люди не дали?

Вот тут мы подходим к главному, пожалуй, на сегодня мифу

о Гагарине. Это миф о его гибели. Об этом столько написано!.. Хотя и с двадцатилетним опозданием. Не смогу пересказать и прокомментировать все версии, остановлюсь на двух, но объемных: 1. Гагарин убит; 2. Гагарин жив.

Предположение о диверсии возникло сразу после катастрофы и получило широкое распространение в массах. Конечно же, не укладывалось в голову, что такой единственный на Земле человек — Гагарин — мог запросто разбиться в тренировочном полете. Не уберегли? Нет — убили! Ежемесячник «Совершенно секретно» (№ 8, 1990 г.) в интервью с профессором С. М. Белоцерковским, генерал-лейтенантом авиации в отставке, членом комиссии по расследованию причин гибели Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина, не прямо, намеками дает понять, что Гагарин, принужденный вращаться в брежневском «высшем обществе», «не вписывался в образ жизни партийной и административно-командной верхушки», а поскольку он «не приручался», и нечего было даже пытаться его купить, — то... Слишком много «случайностей» намешалось в создании аварийной обстановки: не успели провести воздушную разведку метеоусловий в зоне учебного полета, не работал наземный радиовысотомер, руководители полета не явились на предполетную подготовку, они не знали, что в соседней зоне в опасной близости работает еще один учебный самолет, через минуту после взлета Гагарина и Серегина с того же аэродрома поднялась пара скоростных истребителей, они обогнали в облаках учебную спарку, риска столкнуться с ней... Столько совпадений не бывает? Господи, у нас все может быть! Вспомним: в чернобыльской катастрофе не было злого умысла, «просто» на великолепный русский «авось» так долго и упорно насильовали атомный реактор, что он наконец не выдержал.

Я думаю, причина гибели Гагарина — наша общая, обычная, привычная безалаберность, когда мелкую ошибку «стрелочника» готовят и затем продолжают вплоть до крупной катастрофы многие эшелоны его руководителей. В случае с Гагаринным изначальная ошибка была небольшой, не смертельной; «земля» передала на борт спарки, что нижняя кромка облачности на высоте 900 метров, а на самом деле было — 400. Когда УТИ МИГ-15 свалился в штопор (это — главная причина аварии, но вот вопрос: почему он попал в штопор? — вероятнее всего, или резко уклонился от соседнего самолета, или был сбит его вихревым потоком; в параллельной версии соседний самолет подменяется неопознанным летающим объектом), из штопора он выходил еще в облаках, и никто не мог помочь пилотам правильно определить высоту: наземный высотомер не работал, а бортовой на спарке, где он разделяется на две приборные доски, при резком снижении запаздывает, показывая цифру вдвое меньше реальной. Я представляю: самолет в крутом пике выходит из штопора, летчики, ничего не видя вокруг, ожидают, что, когда очистится обзор, они будут иметь около километра высоты. Направленный вниз самолет на полной скорости, с ревушим в полную силу движком выскакивает из облаков — до земли 400 метров. Им оставалось две секунды.

Что такое две секунды для военных летчиков первого класса, каковыми были Гагарин и Серегин, — это возможность проделать десяток операций. Выработанный годами практики автоматизм движений должен был заставить их обоих катапультироваться в тот же миг. Наверно, в момент открывшейся истины они оба обрушили ладони на спусковые скобы катапульти. Но... Спарка УТИ МИГ-15, кроме специфической работы высотомера, имела еще одну техническую особенность: первым из нее обязан был катапультироваться тот, кто сидит во втором кресле, иначе выстрел передней катапульти оставит его в самолете. Сзади сидел Серегин. Мог ли он, спасаясь, бросить Гагарина? А тот, в свою очередь, знал, что, катапультируясь первым, погубит Серегина. На решение этой дилеммы ушла вся оставшаяся жизнь...

Вторая версия — Гагарин жив. Он все-таки катапультировался, но сильно ударился при приземлении, потерял память и попал в сумасшедший дом. На чем основан этот миф, кроме извечного «детского» желания, чтобы «Чапаев не утонул»? Действительно, был человек, упорно искал встреч с космонавтами, утверждал, что он — спасший Гагарин, а внешнюю несхожесть с Юрием объяснял пластической операцией лица. Этот человек состоял на учете в психиатрической больнице. Мало ли в психиатрии классических примеров, когда больные считали себя Наполеоном, Гитлером, иной известной личностью. Но на всякий случай с «Гагариним» повидались несколько космонавтов. Юрия в нем не признали.

Может, это — второе рождение? Душа Гагарина вселилась в другого человека? Подобные случаи известны, однако такие люди вспоминали массу подробностей из «предыдущей жизни». Здесь этого не получилось.

В последние месяцы мустируется миф о том, что Гагарина живым забрали инопланетяне. Знаменитая болгарская Ванга сказала об этом; болгарская же девочка Даниэла, в комнате которой завелся «Барабашка», отвечающий на вопросы стуками (два стука — «да», один — «нет»), общаясь со своим (внешним, как выяснилось) Кики, спросила: «Гагарин умер?» — «Нет», «Вы его взяли?» — «Да», «Вернете?» — молчание... В сегодняшних предположениях о биоэнергетическом информационном обмене есть и такая теория: Высший Разум (некоторые проявления которого мы считаем инопланетянами) вбирает в себя биоэнергетические матрицы сознания умерших людей, используя их затем по своему усмотрению: может вселить в новое тело — в прежнем виде (редко) или со стертой памятью, может разрешить побеседовать с оставшимися на земле людьми — телепатически (во сне), стуками или верчением блюдца... Что называется, душа не умирает. В этом смысле любой погибший, т. е. потерявший брэнное тело, продолжает жить, только уже не в нашем материальном мире. Так, видимо, и надо толковать слова Ванги и Даниэлы.

Ко многим мифам о Гагарине я хотел бы добавить еще один. Но домысел свой могу построить на несбывшейся реальности. Кем мог бы стать Юрий Алексеевич, не погибни он в расцвете сил, в 34 года? Он был заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, хорошим, деловым руководителем. Но вряд ли бы остался в административной работе. Он готовился к новым полетам в космос, был дублером Владимира Комарова перед его стартом на первом «Союзе». «Союз-1» разбился при посадке. Запуск второго был отложен. Гагарин продолжал тренировки, в программу которых входили и полеты на самолете. Говорят: зачем разрешили Гагарину летать? Не могли, что ли, поберечь единственного в мире человека? С самого начала мировой известности Гагарин отказался быть «музейным экспонатом», «свадебным генералом». Он был и оставался — космонавтом. И никакие себе побряк не допускал. Что ж делать, если он избрал профессию, неотъемлемая часть которой — риск. У американцев пять астронавтов разбились на самолетах, так и не попав в космос. Жестоко обошлась судьба и с экипажем нашего «Бурана»: умер один пилот, космонавт Анатолий Левченко, а затем разбились двое военных летчиков — его дублиеры.

Гагарин непременно поднялся бы в космос еще раз. Как Николаев, Попович, Быковский. Как первый астронавт США Алан Шепард, побывавший на Луне через 10 лет после первого старта. Гагарин стал бы в космонавтике ученым — его диплом, с блеском защищенный в Военно-воздушной инженерной академии им. Жуковского, мог быть основой диссертации.

Единственно, кем он не стал бы — это идолом, обмананным мифами. Он изо всех сил боролся бы за то, чтобы остаться человеком.

Братья — декабристы

Алексей КУРТЕНКОВ, краевед

В славной когорте декабристов есть два моих земляка — Алексей и Петр Черкасовы, родные братья, уроженцы белевской земли. Могилы их до сих пор не найдены.

Что известно об Алексее Ивановиче Черкасове? Родился в 1799 году в селе Волотково (теперь произносится и пишется — Володьково) Белевского уезда Тульской губернии в семье богатого помещика секунд-майора Ивана Петровича Черкасова. Воспитывался в доме отца, а затем в Московском университетском пансионе. Посещая Белев, он не раз оказывался гостем Василия Андреевича Жуковского.

После окончания пансиона будущий декабрист поступил в Муравьевскую школу колонновожатых с зачислением в свиту по квартирмейстерской части и был выпущен прапорщиком.

В конце 1824 года Алексей Черкасов вступил в Южное тайное общество. Вел пропаганду среди офицеров своего полка. Арестован он был по месту службы во 2-й армии и из Тульчина доставлен в Петербург жандармским унтер-офицером Любенко. Сидел в Петропавловской крепости, а затем был осужден по VII разряду и приговорен к двум годам каторжных работ (потом срок сократили до одного года).

Последовала дорога в Сибирь, в Читинский острог. В сопроводительном документе значились приметы декабриста: «лицо белое, круглое, глаза темно-карие, нос посредственный, волосы на голове и бровях темно-русые».

По отбытии каторжного срока Черкасова перевели на поселение в город Березов Тобольской губернии, потом в Ялutorовск. Годы пребывания там Алексей Иванович, как и другие декабристы, использовал для просветительской работы среди местного населения: учил детей, участвовал в благотворительных концертах. Близ города он получил участок земли, но обрабатывать его не стал, а передал товарищам.

В. А. Жуковский, сопровождая в путешествии наследника престола, будущего императора Александра II, во время пребывания в Ялutorовске попытался вызвать его сочувствие к своему земляку. В письме, отправленном с дороги императрице, поэт описал бедственное положение декабристов и просил милости к А. И. Черкасову. «Милостью» оказалась перевод его на Кавказ, под пули горцев.

Там Черкасов был произведен в унтер-офицеры и в 1839 году переведен в Кабардинский егерский полк. Летом 1841 года, находясь в Пятигорске, он познакомился с М. Ю. Лермонтовым.

В 1843 году Алексей Иванович был уволен со службы, купил имение в Орловской губернии, а затем ему был разрешен приезд в Москву.

Все это время Алексей Иванович дружил с братьями Киреевскими и их матерью Авдотьей Петровной Киреевской-Елагиной, владевшей имением в селе Петршицево Белевского уезда. Под влиянием Петра Киреевского, зна-

менитого собирателя русских народных песен, Алексей Иванович тоже занялся сбором фольклора.

По рассказам декабриста Розена, А. И. Черкасов умер в Москве в конце апреля 1855 года. Однако сведений о его могиле не найдено. Поиски в Жабынской пустыни, что рядом с Володьковым, и на родовом кладбище Черкасовых тоже остались безрезультатными: свой отпечаток на фамильном кладбище оставила война.

Но неожиданно краеведы получили письмо из Ташкента от нашего земляка, писателя С. П. Бородин (1902—1974), который писал: «В детские и юношеские годы я хорошо знал семью Черкасовых. Их семейное кладбище находится в Жабыни, внутри монастырской ограды, справа от главных ворот, у стены старой церкви. Он, Черкасов, похоронен в ряду семейных могил. Его надгробную плиту я видел. С тех пор, как я не был в Жабыни, прошло не менее 55 лет. Поэтому точно вспомнить, какая по счету она была от края, я уже не могу. Не знаю, сохранился ли склеп под монастырской церковью, но не под той, которая помещалась напротив ворот снаружи, а под старой, внутри монастырской ограды... Кстати, на случай, если уцелели надгробные плиты Черкасовых, вспоминаю, что плита Алексея Черкасова была из коричневого камня».

Прошло много лет, но ни краеведческий музей, ни районное общество ВООПиК, ни областное управление культуры не предприняли попыток отыскать могилу декабриста, ссылаясь на отсутствие документальных данных о его захоронении в Жабынской пустыни. А их могло и не быть при похоронах опального декабриста. Однако, где же он может покоем, если не на фамильном кладбище?

В Жабыни сохранился склеп, покрытый большим слоем земли, который никто до сих пор не осмелился снять. Кто знает, может быть, под этим слоем и лежат надмогильные плиты?

Составитель «Некрополя» дворянин Тульской губернии В. А. Чернопяттов, перечисляя надгробия на кладбище Черкасовых, указывает полностью имена, отчества и фамилии погребенных. Но в одном случае, рядом с погребениями братьев и сестер декабриста, он ограничивается одной фамилией, а имя и отчество заменяет многоточием. Может быть, благонамеренный автор «Некрополя» опасался, что полное имя декабриста будет звучать неуместно и вызовет недовольство начальства?

Так что могилу А. И. Черкасова, как и его родного брата Петра, надо, мне кажется, искать в Жабыни.

Несколько слов о Петре Черкасове, бароне, поручике, адъютанте генерала Бороздина. Судьба обошлась с ним более благосклонно. Он подозревался в принадлежности к тайным обществам, был арестован, но за недоказанностью обвинения освобожден с оправдательным аттестатом. Выйдя в отставку в звании полковника, он поселился в Волоткове и был похоронен на кладбище в Жабыни.

г. Белев Тульской обл.

**Николай
ВАГНЕР**

Рисунки
Натальи
Ермолаевой

Дорогая редакция!
Я — бабушка, мне 77 лет. Мой отец — профессор Ларионов Дм. Конст. до 1922 года работал в Киевском политехническом институте. У него часто бывал преподаватель этого института Вагнер Николай Юльевич. Моей маме он подарил три тома «Сказок Кота Мурлыки», автором которых был его дед. Мама очень любила эти книги и, хотя она считала, что это сказки для взрослых, а не для детей, все же некоторые из них читала мне вслух.

С тех пор прошли войны, бедствия — библиотека моей мамы погибла, и мамы уже нет... Я иногда вспоминаю наши старые книги и думаю, почему больше никогда, нигде, ни у кого я не встречала «Сказки Кота Мурлыки»? Почему автор забыт и нигде не упоминается?

Н. ЛАРИОНОВА, г. Киев

Сказки Кота Мурлыки

Фея Фантаста¹

Я помню ее с тех пор, как стал помнить себя, но кто может сказать: когда и где в первый раз явилась на свет она — фея Фантаста?

Она везде и нигде! Она является из воды, из леса, из воздуха, из маленькой искорки, которая блеснет на мгновение, в темных потьмах осеннего вечера, из большого пожара, от которого зарево высоко стоит в небесах; из холодной струйки, бойкого студеного ключика, из бурной волны широкого могучего моря.

Она является вдруг, незваная, негаданная и исчезает, как тень. Она является, как вечерний туман над уснувшей рекой, и улетает при первом свете дневной работы.

Она все увеличивает и уменьшает, но у ней самой нет границ. В ней все, что когда-либо существовало, и все, что никогда не будет существовать. В ней целый, громадный, беспредельный мир, и весь этот мир обращается в ничто при первом слове, при первом движении хо-

лодного рассудка. Но без нее рассудок ничего не может создать, без нее мир пуст и холоден, без нее нет жизни и красоты, той жизни, неуловимой, неосязаемой, которая хранится только в ее дыхании. Поэт, художник, музыкант, ученый приходят к ней, к ее ключу живой воды, который живит и движет весь мир.

В тихий, ясный, теплый вечер, когда вы лежите на лугу и кругом вас встают бесконечной сетью луговые травы и былинки — с головками, колосиками и шапками цветов, всмотритесь в их бесконечную игру, и вы почувствуете их жизнь и тайны. Они встают толпой фантастических образов, они уходят в беспредельную темнеющую даль тихого вечера, — и из этой туманной дали смотрят на вас, кивают вам своими головками, манят своими листочками; а вечерний туман, тихо крадучись, накрывает их своими неопределенными очертками. Всмотритесь — они растут в этом таинственном тумане. Это уже не травы, не цветы, это странные деревья уродливых, невиданных форм. Они встают перед вами, как громадные великаны, и смотрят на вас таинственные, страшные, грозные, смотрят в вашу совесть, в вашу душу, как повелительные силы всей летней ночи, всей величавой, могучей природы. Вы делаете легкое движение головой и... весь таинственный мир улетел, фея Фантаста унеслась, и вы снова среди тихого, ясного летнего вечера...

¹ «Фея Фантаста» — это предисловие автора ко второму изданию «Сказок». Мы печатаем его с некоторыми сокращениями. — Ред.

В светлое, ясное утро вы тихо плывете в лодке по спокойному морю. Так приветливо опрокинулось над вами безоблачное, темно-синее небо. Теплый, ароматный воздух с такой лаской и негой вливается в вашу грудь, а вся даль тонет в серебристом тумане. Всмотритесь в темную глубь воды, туда, где в таинственной мгле чуть-чуть скользнул слабый солнечный луч. Какие странные, роскошные картины плывут перед вами! Фантастические луга с невиданными растениями,— луга, голубые, зеленые, красные. Среди чудовищных корней тихо движутся чудовищные цветы. Их лепестки шевелятся или стоят неподвижно. Вы останавливаете лодочника. Вы усиленно, со страстным любопытством, вглядываетесь в зеленые бездны. Вас поглотит таинственный мир—раздражающий своею таинственностью. Перед вами встают уже не растения, не луга,

Фантаста часто являлась ко мне, являлась в бессонные ночи и летала со мной по всему миру. Я помню, раз, в темный зимний вечер, когда вьюга злилась и завывала в печных трубах, я лежал на теплой лежанке. В комнату внесли самовар и поставили на пол. Пар от него валил густыми клубами и белел, освещенный салынным огарком. Он чадил и догорал. Пламя порывисто, ярко вспыхивало и снова затухало. Мне представились облака, быстро несшиеся над волнами темного, колыхавшегося моря. Я слышал шум этого моря, и тяжелое чувство сдавило мою грудь. Мне казалось, что все погибло в этом мраке, в этом море, в сильных волнах разрушения, и мы остались одни,—одни с феей Фантастой. Мы плавали по этим вол-

а целые рощи всевозможных гигантских деревьев. Вы видите, как среди них тускло сверкают какие-то чудные здания—прозрачные, фантастические. Это чертоги морской царицы. Вы чуть-чуть видите ее, окруженную, как туманом, целым роем таинственных красавиц... Картина становится яснее, яснее... Она выплывает из таинственной бездны, к вам выше, выше...

— Эччеленца! — кричит лодочник,—эччеленца! Вы можете получить солнечный удар, вы упадете, перевернете лодку, и мы очутимся в гостях у морской царицы.

Вы просыпаетесь—оглядываетесь. Фея Фантаста улетела... Над вами опрокинулось темно-синее небо и чудная даль вся тонет в серебристом тумане.

Я помню, давным-давно, когда я еще был очень молодым котом и голова моя работала так энергично, как будто бы в ней был паровик в сто лошадиных сил, фея

нам громадного моря. Фея Фантаста скользила, неслась по ним на могучих крыльях творчества. Огонь вдохновения гордо горел над ее прекрасной головой. Цветы поэзии дождем сыпались с ее колен, сыпались в холодное шумящее море и тонули в нем бесследно. Она вся была гений увлечения, и я плыл у ее ног,—плыл в маленькой, уютной корзинке, которая была колыбелью. В корзинке, кроме меня, было еще двое детей, двое мальчиков, и в них было все, что осталось от всего человечества. В них был конец прошлого и начало новых, будущих великих сил.

Один мальчик, сонный и вялый, спал безмятежно. Его не занимали ни цветы поэзии, ни движения холодной моря. Другой—сухошавый, с маленькой кудрявой головой, был весь движение. В нем было столько энергии, столько дорогого, милого, что я ласкался к нему невольно и шептал ему мои лучшие, дорогие сказки...

Кругом нас была ночь Темные тучи бурно неслись по небу и отражались в волнуемом море.

— Смотри,— сказала фея Фантаста, указывая рукою в даль, смотри,— там, на горизонте, где собрались темные образы, там будущий свет и жизнь!..

Я зорко всматривался и ничего не видал.

Но мой маленький мальчик уже увидел, различил и, может быть, больше, чем сама фея Фантаста.

— Я вижу свет,— говорил он,— свет неясный... Заря это или зарево пожара?! Но как хорош этот свет! О! Как он дивно прекрасен!..

И я сам увидел этот свет. Да! Он был дивно прекрасен. И я начал будить другого, спящего мальчика. Он проснулся, посмотрел, мигая сонными глазами, ничего не видя, посмотрел на свет, на море, на небо,— повернулся и снова свалился и заснул.

— Оставь его,— сказала фея Фантаста.— Это — балласт!.. Но если бы не было этого тяжелого балласта, то не было бы и движения, и люди не могли бы отличить легкого от тяжелого, света от тьмы!..

— Как же,— сказал я,— там, на горизонте виден свет, и мы его ясно различаем!

— Да! потому что он окружен тьмою. И здесь, где мы плывем, был для нас прежде свет и все уродливое казалось прекрасным.

Я обернулся кругом, я долго всматривался в тьму и действительно увидел бледный, чуть брезжащий свет. Я взглянул в глубь моря и увидел, что оно все наполнено образами прошлого, неуклюжими, уродливыми, но милыми, дорогими сердцу, как все прошлое и родное.

— Это все,— сказала фея Фантаста,— что совершило свой круг и отошло в глубину, в пучины морские. Но если бы не было балласта, то не было бы и источника, из которого возникает и вертится неизмеримый, бесконечный круг того, что идет постоянно вперед, не было бы и этого мальчика,— и она указала на хорошенькую курчавую головку.

Мальчик слышал наш разговор, но его, очевидно, занимал и вдохновлял тот свет, который блестел впереди. Он так боялся, чтобы этот свет не закрыли темные, грозные тучи. В его глазах было столько блеску, столько веры в собственные силы и в силы всего человечества...

«Обманется или нет?» — подумал я.

Вдруг страшный удар. Я вздрогнул и привскочил в испуге. Фея Фантаста исчезла... Кругом меня темная комната. Я сидел на теплой лежанке. Самовар давно уже унесли, а на полу валялась пустая бутылка, которую я нечаянно столкнул лапой.

Много, много лет прошло с тех пор. Я поседел. Фея Фантаста реже является ко мне. Но до сих пор жива и ярка в моей памяти картина молодого, юного, давно улетевшего сна.

Много балласта лежит кругом меня, но я знаю, что без него не было бы движения и много движения перелетает в огне пылких, чудно-прекрасных снов феи Фантасты.

Они манят вдаль, к лучшему, святому, великому. Они дают свет и тепло нашей бедной жизни и, сгорая блестящими бенгальскими огнями, оставляют после себя не холодный пепел, а твердый, торный путь для развития мысли и чувства.

Курилка

Жил-был Курилка. Тот самый Курилка, про которого песенка поется:

*Как у нашего Курилки
Ножки тоненьки,
Душа коротенька!*

Курилка был из чистой сосновой лучинки с черной головкой.

Раз собрались в большую залу на святки много нарядных детей, девочек в белых и розовых платьицах и мальчиков в хорошеньких курточках и рубашечках. Сели все в кружок; зажгли курилку и пошел он переходить из рук в руки. Каждый поскорее передавал курилку соседу, и все весело пели:

*Жив, жив Курилка,
Жив, жив, не умер.*

— Видишь, как все боятся, чтобы я не умер! — думал Курилка,— значит я хороший человек.— И он от удовольствия пускал всем дым в глаза. Но у одного мальчика с большой белой головой он погас.

— Ах, дрянной Курилка,— сказал мальчик,— не мог ты погаснуть у соседа.

Курилка обиделся и как только снова попал к этому мальчику, он опять нарочно уже погас.

— Ну,— сказал мальчик,— гадкий Курилка надоед, будем играть в фанты.

И он бросил Курилку, да так ловко, что тот из залы полетел в гостиную, из гостиной в диванную и там упал в уголок с игрушками.

— Здорово живете, как поживаете! — закричал Курилка.— А я приехал с экстренным поездом прямо из большой залы. Там очень много теперь народу, славное большое освещение и все это для меня. Там каждый старался подержать меня в руках, потому что, согласитесь, ведь это большая честь. Все радовалось, что я еще не умер, и пели: «жив, жив Курилка». Я очень люблю такое внимание. Меня потчевали яблоками, конфетами, вареньем, но я ничего этого не ел, потому что не хотел, я только курил дорогие, хорошие сигары,— пуф, пуф, пуфф, и все восхищались моим курением. Наконец, все мне надоело, и я приехал сюда с самым скорым поездом, на крыльях ветряной мельницы, как птица — шишшш!

— Какой там болтун мне спать не дает? — сказала глиняная уточка.— Я целый день свищу, хоть бы вечером мне дали уснуть немного. Какая-то дрянная лучинка прилетела и шумит, как не знаю что.

— Сударыня! Позвольте вам заметить, что я вообще не лучинка. Так как вы простая глиняная уточка,

то и не можете меня оценить. Я никогда не был лучинкою. У меня дедушка был Курилка, бабушка Курилка и сам я настоящий Курилка, граф Курилка. Вот как!

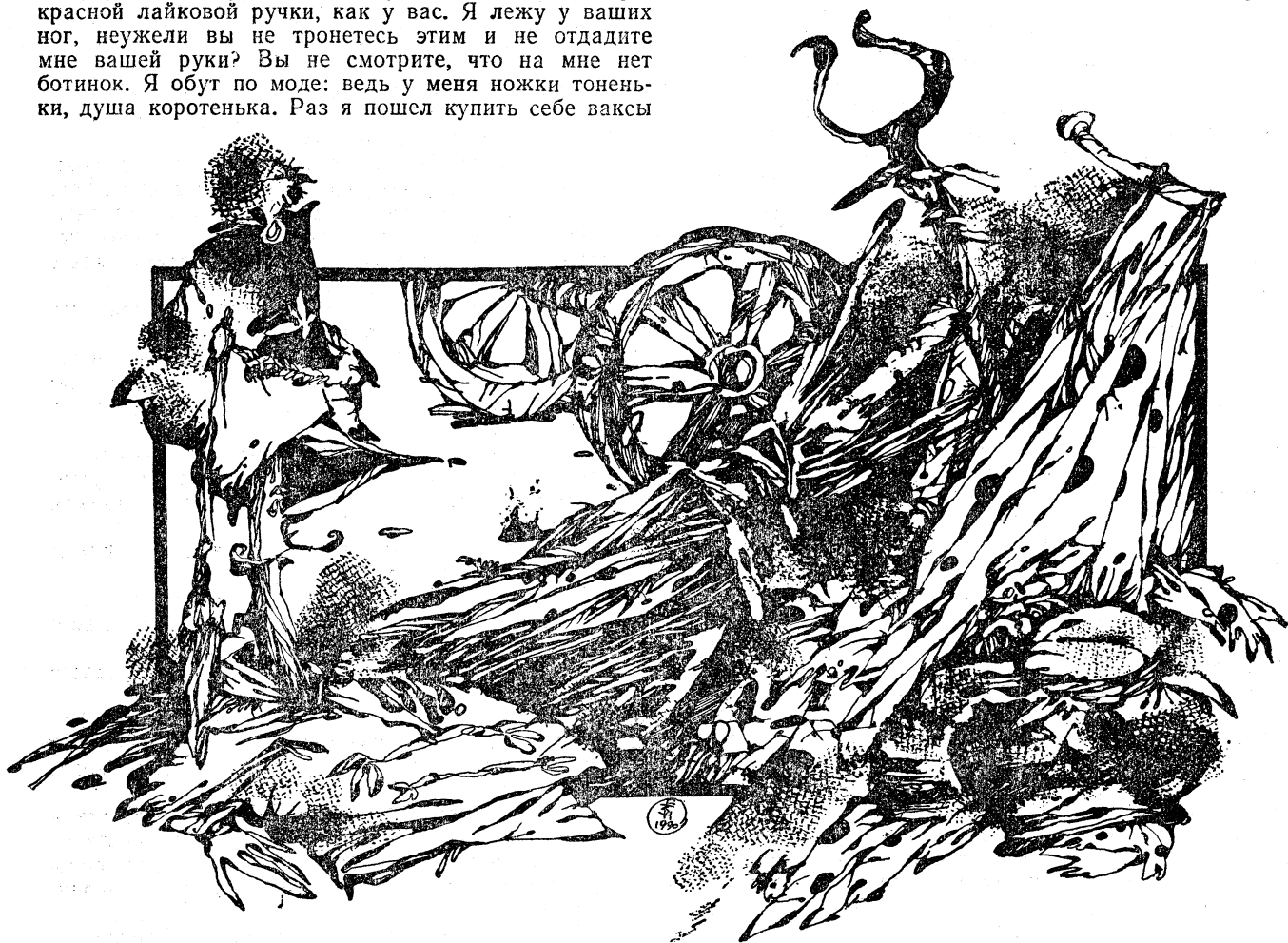
— Послушайте, граф Курилка,— сказала кукла, у ног которой на полу лежал Курилка.— Вы всех нас крепко обжали бы, если б немножко помолчали.

— Ах, мадемуазель! Прошу тысячу извинений, что не заметил вас тотчас же. Но вы просто меня ослепили! Такой прекрасной дамы я еще не видывал. Вы вероятно были в большой зале, там все барышни носили меня на руках, но ни у одной нет такой прекрасной лайковой ручки, как у вас. Я лежу у ваших ног, неужели вы не тронетесь этим и не отдадите мне вашей руки? Вы не смотрите, что на мне нет ботинок. Я обут по моде: ведь у меня ножки тоненьки, душа коротенька. Раз я пошел купить себе ваксы

«Пах!» А я его трах. И оно тыррр... все разлетелось в мелкие дребезги. Вот как!

— Ну, погоди,— сказал деревянный солдатик,— только бы все улеглись спать. Я тебе покажу такой трах, какого ты еще никогда не видал.

— Что же! Я уважаю всех солдат. Я сам солдат. Когда я был генералом Курилкой, то я вскочил на печку и тотчас же все ко мне. Шумят, кричат: «Жив, жив Курилка, жив, жив, не умер!» Веди нас в огонь, и мы все за тобой: в огонь и в воду. И я тотчас же бросился в самый огонь, на все пушки. Вдруг, бам, бах, ядро сквозь меня, я сквозь ядро, грох, прямо

для лайковых сапожек в самый лучший магазин. Почем, говорю, стоит банка лучшей ваксы-стираксы: просите дороже, потому что я сам богат.— Две копейки с гривной.— Это дешево. Отрежьте мне на полтинку одну половинку.— С большим бы удовольствием, говорят, но у нас теперь нет отрезалок, все вышли...

— Уймите вы этого пустомелю,— закричал барабан,— никому он покою не дает. Всех оглушил!

— Позвольте вам заметить, милостивый государь, что я вовсе не пустомеля. Я — князь Курилка и притом очень храбрый. Раз я подрался с толстым поленом. Оно легло мне поперек дороги и сказала:

в печку. Все горит, трещит, трах, брах, крах!..

Но никто уже не слушал Курилку. Все зажали уши и, кто как мог, крепко спали, а он говорил, говорил, бормотал, бормотал и, наконец, сам заснул.

В полночь все игрушки проснулись, потому что они играют в самих себя только тогда, когда все в доме спят.

— Кукареку! — закричал картонный петух. Барабан пробил зорю. Уточка начала пищать. Труба затрубила. Кошка сказала: «Давайте петь, меня никто не продувал уже третий день, и у меня животики засорился». Она начала прыгать и кричать: мя, мя, мя!..

— Ах, это отлично,— вскричал Курилка и вскочил на ноги,— давайте петь! Когда я был в большой зале, там все пели, и я лучше всех: я удивительный музыкант и сочинил отличную песню, которую везде поют на святках!

И он завизжал самым тонким голосом:

*Жив, жив Курилка,
Жив, жив, не умер.*

Все зажали уши.

— О нет, будем лучше танцевать,— закричал волчок,— ведь это так приятно — вертеться и жужжать.

— Будем танцевать,— сказала кукла,— мой кавалер будет попугай, кошка будет танцевать с петухом, труба с барабаном, а деревянный солдатик с уточкой.

— Танцевать, танцевать! — закричал Курилка,— становитесь скорей, живо, живо! Я сейчас покажу вам удивительный танец. Я танцевал его на кухне перед самим королем, вместе с казачком. Смотрите, нужно только стараться прыгать выше себя, вот как: фить так, вот как, фить так, вот как, вишь ты, ишь ты! — и Курилка до того распрыгался, что сбил с ног сперва волчка, потом уточку, лошадку, трубу и куклу.

— Уймите, пожалуйста, этого кухонного нахала! — закричали все.— Он до того развернулся, что не помнит себя. С ним просто играть нельзя.

— Курилка дурак! — закричал попугай.

— Как! — закричал Курилка.— Как вы смеете говорить мне дерзости; вы мою честь затронули, вы мне оскорбление нанесли, вы должны со мной драться сию минуту, сию секунду, тут же на месте, в упор, на пистолетах, шпагах, рапирах, пиках, секирах, саблях, граблях,— защищайтесь, защищайтесь!

— Эй, пан! — закричал тут деревянный солдатик и схватил Курилку за шиворот,— ты хоть и не пьян, а все-таки буян, и тебя надо немножко прохладить.

Курилка попробовал вырваться, но солдатик был крепкий. Он так его встряхнул, что из Курилки все занозы выскочили.

— Ой, ой, послушайте! — захныкал Курилка,— г. солдат, ваше благородие, я ведь ничего, я так только, я очень смиренный, я уважаю г. попугая и всех военных...

— В бурак его, в пустой бурак! — закричали все,— пускай сидит там до утра.

И отвели Курилку в бурак, посадили и крышкой закрыли. Он там стучал, стучал, стучал, наконец где-то щелку нашел, высунул сквозь нее голову и закричал:

— Эй, вы, вот я, храбрый Курилка! А вы все там господу меледа, чушь, глушь, огородники, сковородники, дрянь, шваль, гниль, плесень, толокно, чепуха, телятина, колбаса, труха, носки, колпаки, пешки!

Но все танцевали и никто не слушал Курилку, а он бормотал, бормотал, бормотал, вплоть до белого утра.

Когда утром дети подошли к игрушкам, то все они были на своих местах и даже Курилка лежал у ног куклы, как будто ни в чем не бывало.

— Посмотрите-ка,— сказали дети,— ведь это наш вчерашний Курилка сюда забрался. Скажите пожалуйста, разве здесь твое место. Ах, ты! вон его! — и его выбросили за окно.

— Вот я теперь страдаю за правду и прямо в Си-

бирь,— закричал Курилка.— Ух, как быстро! — И хлоп! Курилка упал на каменную плиту.

— Ах! — говорил он каменной плите.— Если б вы знали, откуда я приехал, с какой высоты спустился. Я был там, там, в большой зале. У меня было много игрушек: барабан, труба, флейта, уточка, курочка, хорошенькая мадемуазель, которая непременно хотела выйти за меня замуж, глупый попугай, которого я звал «попка дурак», и дрянной деревянный солдатик, он был страшный буян, но я его укротил, схватил за шиворот, тряхнул, трах и посадил в бурак! Ах! Как бы это было хорошо, если б каждый дурак был посажен в бурак и каждый бурак стоял бы на тротуаре, вместо столбика. Вы не поверите, как бы это было красиво.

— Послушайте,— сказала плита,— как бы я желала теперь треснуть и провалиться сквозь землю, чтобы только не лежать под вами...

— Ах, я понимаю вас, я понимаю вас,— затараторил Курилка.— Я знаю, вам тяжело, вы не можете вынести, я слишком велик для вас. Но поверьте, ваша заслуга не пропадет перед признательным потомством. На вас напишут золотыми буквами: здесь лежал барон фон Курилка, лет...

Но тут Курилку подхватила метла, которою мел дворник тротуар, и он слетел с плиты.

— Мети, мети! — закричал он.— Я люблю чистоту. Долой весь сор, всякую дрянь, вот как, вот как!

И он прыгал по тротуару вместе с сором, до тех пор, пока не завяз в метле.

— Ну! Я теперь поеду верхом на метле,— кричал он,— прощайте! Я поеду прямо в Китай, к китайскому императору. Он меня сделает наследником престола.

Но дворник отнес его вместе с метлой в кухню и поставил в углу подле печи.

— Здравствуйте! — закричал Курилка.— Я приехал от китайского императора. Там было много свечей.

— Ну, это неправда,— сказала метла,— я просто вымела тебя с улицы.

— Как ты смеешь мне возражать! — закричал Курилка,— ты, ты, ты простой мужик, я тебя сейчас же посажу в часть, и тебя заставят целый день мести улицу.

— Ах! — сказали лучинки, лежавшие на шестке,— посмотрите, это ведь та лучинка, которую взяли от нас вчера наверх. Ах, какая она стала гадкая, обгорелая, грязная, но все-таки она наша родная. Здравствуй, милая сестрица!

— Какая я вам сестрица! — закричал Курилка.— Вы кухонная сволоочь, дровяное дубье, а я князь, граф, барон Фиш, фон Курилкирр.— И Курилка выскочил из метлы и упал на пол подле печки.

— Прошу тут не потерять терпение,— бормотал он,— но я не злопамятен. Я люблю греться подле камина.

*Когда постранишь, воротись опять,
И дым отечества нам сладок и приятен.*

— Все здесь так хорошо. Я вернулся в свои владения. Здравствуйте, г. кот Васька. Я вас сделаю своим интендантом, я знаю, у вас глаза так хорошо блестят. Я тоже умею блестеть. Когда я был в большой зале, у меня на голове блестела звезда в туманных облаках...

— Послушайте,— сказал кот,— вы самое бесполезное существо в целом свете. Как бы хорошо было, если бы вас бросили в печку. По крайней мере, вы дали бы хоть немножко тепла.

И желание кота исполнилось. Кухарка подняла Курилку и бросила в печку.

— Смотрите все! — закричал он,— смотрите! Ну! живей за дело! Вы все, глупые дрова! Я иду в огонь за честь отчизны! Берите с меня пример, вот как надо гореть, трах, пышь, тук, тшик!..

И Курилка сторея! От него осталась только шепотка золы.

И если когда-нибудь ты возьмешь золу в руки, то, пожалуйста, не хватайся потом за глаза руками. В них может попасть зола от Курилки, и ух как она защиплет тебе глаза!

А знаешь ли? Курилки все-таки полезны. Они удобряют землю своим прахом. И если тебе случится когда-нибудь в твоей жизни встретить Курилку, который всем надоедает, постоянно болтает и ничего не делает, то знай, что это не что иное как ходячая машина для удобрений твоей родной земли. Вот и все.

Два Ивана

Жило-было два Ивана, два родных брата. Старший брат был совсем умник, младший Иван был совсем дурак, так что все соседи говорили: «Ну, брат, видно у тебя в голове-то спящая баба помелом вымела да песочком посыпала!»

Впрочем, все соседи любили Ивашку. «Он дурашный да покладистый! — говорили они.— Положишь — лежит, поставишь — стоит». И правду сказать, был наш Ивашка покладистый. Добреющая душа: всем со всяким делится, всякому поможет. Только не всякий пойдет к нему за помощью, потому что, известное дело, заставь дурака Богу молиться — он лоб прошибет.

Казалось бы, такому дураку с голоду надо помереть или по миру побираться, а у него все шло так, что загляденье: изба новая, крепкая, две лошадки здоровых, породистых, своя коровушка, двадцать голов овец... Одним словом, живет Ивашка, как заправский мужик. Только вот, жены Бог не дал. Женился было Ивашка, да жена его бросила: больно уж глуп был. Так он и жил — не то парень, не то вдовец.

— Что это Ивашке за счастье,— дивятся соседи,— лошадь у него каждый год жеребится, корова каждый год телится, овцы нанесут ему ягнят! Горох ли засеет,— горох выйдет такой крупный да ядреный.

Репу ли посадит — просто репа врозь лезет. У соседей неурожай, у Ивашки нет неурожая. Точно на его ниву полосой дождь идет, углом солнце светит. Видно, правду пословица говорит: «не родись богат, а родись удачлив».

Совсем другая история с другим Иваном, с умным. Такого умного пойти да поискать — наверно, не найдешь. Каких только он штук и хитростей не придумает. Были у него на полях мочежники,— все осушил: понаделал канавок и отвел воду. Чем только он ни удобрял поля! Весной, когда снег сходит, он всякую дрянь со двора тащит на поле: старый лапот, тряпницу, дохлую кошку, крапиву, что по пустырям росла, словом; все, что попадетя. В огороде сад развел; на капустных грядках желтофиоли рассадил да махровые розы. На пчельнике у него разъемные ульи, складные, на крыше у него мельница вертится, для домашнего обихода муку мелет. В хлеве у него холмогорская корова по два ведра в день доит; да сорок штук меринсов шпанских, да свиньи чухонские!.. Только все у него не в прок идет. Посадит ли он пшеницу-белотурку, глядь, ее градом побьет. Разведет ли гусей голландских — все гуси переколют. То морозом гречу положит, что червь хлеб подточит, то дождем сено сгноит. Со всех сторон беды да напасти. Нет ни в чем ему ни счастья, ни удачи.

И вот завел он кур шпанских. Отличные были куры, черные, белобородые, а петух — так просто загляденье, точно конь вороной, хвост словно генеральский султан, а гребень так и пышет, как платок кумачный... И что же? Всех этих кур в одну ночь лиса передала. Осталась только одна, маленькая да юркая.

— Постой! — думает Иван.— Я тебя, проклятая кума, изловлю; я с тебя сдеру шкуру твою поганую барыне на шубку!

И вот смастерил он крепкий капкан и поставил подле лазейки. В ту же ночь попалась кумушка, да еще какая лиса-то — пушистая, чернобурая, краснолапая.

— А, разбойница, добыл я тебя! — радуется Иван.— Рубля два, чай, дадут за твою шкуру, а может быть и больше. А тушку я отдам Кудлашке.— А Кудлашка визжит, лает и радуется, что ей тушка достанется.

Дерет с кумушки шкуру Иван, а сам песню поет. Только приходит и Иван-дурак, глядит и дивуется, какую это брат такую лису достал.

— Братай милый, говорит, подари мне тушку.

— На что, говорит, тебе?

— Да так, говорит, больно она мила мне.

— Есть, что ли, ее станешь? Ее, дурак, не едят люди, а Кудлашка съест.

— Подари, братай, пожалуйста. Я Кудлашке мяса дам.

— На, возьми! — И подарил Ивану-дураку тушку.

Схватил дурак тушку и унес к себе.

На другой день собрался Иван-умный в город, на рынок. Повезу, думает, продам шкурку, а на два рубля опять кур куплю.

Выехал он со двора, глядь, а Ивашка дурашный за ним катит, лисью тушку везет.

— Куда ты, дурашный?

— А я, братец, тушку продавать; хорошая тушка: коль за шкуру деньги дают, так за тушку и по давню.

— Ах ты, дурак, дурак! — хохочет над ним братай, потешается. — Ты бы еще крысых тушек набрал, авось, такой же дурак и купил бы.

— Крысыя тушка, братай, поганая, ее грешно есть. А это ишь ты какая!.. Мы с тобой в ней скуса не знаем, а баре все едят.

Приехали братья, вышли на базар, ходят, продают.

— Лисью тушку, братцы, эй, лисью тушку, народ честной, — кричит Иван-дурак, и хохочет над ним народ честной.

Только в ту пору заболел царевна тяжкою немощью, а главный лекарь прописал ей лекарство мудреное: «Надо, говорит, поймать лису чернобурую, да не собаками, а капканом, и у той лисы вынуть сердце и печенку, с наговором, да запечь ту печенку и сердце в пресном пироге и дать царевне съесть рано на заре, с молитвою и приговором, — и всю болезнь как рукой снимет».

И вот принялись искать чернобурую лису. Ищут, ищут по лесам, по горам, да видно, в недобрый час: где ее найдешь, да еще капканом возьмешь. Главный ловчий совсем голову потерял, ибо объявлен ему царский приказ: «Коли в два дня лису не представит, так быть ему самому в капкане, в петле глухой, что на перекладине качаться». Разослал он всех доезжачих: «Ищите, дескать, лису, а то быть мне без головы». И вот рыщут, ищут. Один доезжачий и на базар пошел, а на базаре Иван дурашный орет на все горло: — Лисья тушка, по тушку, по тушку лисы чернобурой!

Уцепился за него доезжачий обеими руками.

— Что просишь за тушку?

— Пятьдесят рублевиков да пять алтын на чай.

— Ах ты дурак!.. Это за лисью тушку-то; протри глаза-то, проснись. Что ты, разве есть ее будешь?

— Нет, я, друг, ее не ем, а твое здоровье на нее, верно, ластится. Коли тебе бы она была не надобна, ты бы не торговал, а я не просил пятьдесят рублей.

Нечего делать, повели Ивашку к главному ловчему: «Вот, дескать, пятьдесят рублей да пять алтын на чай». А главный ловчий: «Давайте, давайте, кричит, царская казна все запластит».

И вот отсчитали Ивану-дураку пятьдесят рубликов, да пять алтын на чай, да легонького подзатыльника вдогонку: «вот, дескать, дурак, проси вперед, да с оглядкой!»

А Иван-умный целый день проходил со шкуркой; к вечеру, наконец, напал на купца, дал он ему за лису рубль с гривной, да и то на пятак обсчитал.

— Вот, — говорит Иван-дурак брату, — я говорил, братай, что баре и лису едят...

— Молчи, дурак, — говорит братай, — да Бога благодари за твое дурацкое счастье.

Вот к концу лета стал Иван-умный мед ломать. Наломал он его из своих разборных ульев гибель, наложил на него в кадки, разобрал как следует и приготовился в город продавать везти. Только приходит к нему Ивашка-дурашный и дивуется, сколько братай меду наломал, а братай на это лето последнюю колоду в разъемный улей перегнал и свалил эту колоду подле омшанника; а колода большущая, старая-престарая, трухлявая, гнилая, вся так и сыплется.

— Ах, братай, — говорит Иван-дурак, — отдай ты мне эту колоду, пожалуйста, отдай.

— На что тебе, дурашный, колоду. Ведь она гнилье, в огне не горит, врозь ползет, как прах сыплется. — И пнул он ногой колоду так, что она крякнула.

— Ничего, братай, мне пригодится! Отдай, пожалуйста!

— Возьми, говорит, мне она даром не нужна.

И вот собрался Иван-умный мед продавать везти. Глядь, а за ним Иван дурак едет и колоду везет, рогожей ее покрыл. Запряг своего бурко, — а бурко лошадь здоровенная, — и насили он эту колоду прет.

— Куда это ты, дурашный?

— А я, братай, колоду продавать: колода большущая, может, кому-нибудь и спонадобится.

— Ах ты, дурак, дурак!.. Лошадь-то только ты, дурень, измучаешь. Родятся же на свете такие олухи!

Приехали братья на базар, а в тот год, как нарочно, на мед урожай приключился. Целый базар медом завален. По рублю за пуд дают, да и то за первый сорт.

Ходит по базару купчина-брюхан, старый-престарый, седой-разседой, а с ним приказчик, парень степенный. Подходят они к Ивану дураку.

— Что, добрый человек, продаешь?

А добрый человек вытаращил свои большущие дурацкие глаза и рот открыл, дивуется на брюхана-кушца!

— А я, говорит, гляжу на ты да дивуюсь, ровно ты моя колода!.. — И показал он купцу колоду... — Это, говорит, мне братай подарил, я и продаю.

— Ах ты, дурень, дурень!.. да и брат-то твой дурак: как это можно колоду продавать, все пчелы изведутся...

А сам купчина думает: «Семка, возьму я у него колоду, — вот счастье-то мне привалит. Он же этаким дурашным, должно быть блажной». И глаза у купчины разгорелись.

— А что, говорит, друг, за колоду просишь?

— Да сто рублей!

— Ха! ха! ха!.. Ах ты, дурак! Да вся ей цена полтина без гривны!..

Прикрыл опять дурак колоду рогожей и шапкой тряхнул, отвернулся от купца.

Мы, дескать, знаем цену; нас не надуешь.

Отвернулся от него купчина, пошел по базару, а сам все на колоду зарится. «Экой дурень, думает. А была бы та колода мне очень способна. Чай в первый же год она бы дала вод пчелам. А то воду им нет, все неурожай да неурожай...»

Подходит опять купец к Ивану-дураку.

— Ну, что, говорит, друг, надумался ли; а я тебе, так и быть, за колоду-то дам рубль да еще поднесу тебе.

Молчит Иван-дурак, только знай что за обе щеки каравай уминает.

— Сто рублей! — говорит. — Коли тебе колода способна, то сто рублей не жалей: на счастье купишь.

Ничего не сказал купец, отвернулся и пошел.

— Что, — спрашивает он приказчика. — Купить нам на счастье колоду-то или нет?..

— Отчего не купить? — судит приказчик. — Известно, счастье да удача от Бога; ну, однако, стары люди говорят, что и хорошая колода из чужой пасеки счастье приносит, а эта не из простой пасеки, — у его брата, слышь, пчелам вод хороший.

Повернулся опять купец, подошел к Ивану.

— Ну, говорит, облюбилась мне колода, да и ты хороший человек — даю тебе десять рублей. Тащи ко мне колоду.

Молчит Иван-дурак, только знай каравай уписывает.

— Давай, говорит, сто рублей, — а то полтораста запрошу!

— Ах ты, дурак, дурак! — вскинулся на него купчина. — Да ты очнись, дурашник ты, бестолочь чухонская: ведь ты за простую колоду экую цену ломишь, ведь я только так, для счастья, по нраву моему хочу купить ее!

— А коли для счастья, по нраву своему хочешь купить, так ты, милый человек, ста рублей не жалея. Пожалеешь сто рублей, тысячу потеряешь. Вот что!

Делать нечего... Распоясался купчина, отсчитал Ивану-дураку сто рублей, да не просто, а с наговором: уж он честил, честил его на все корки, инда до тошноты.

— Плюнул бы, говорит, на тебя, дурак, да плевать жалко.

Проходит год или два, и слух прошел по земле: говорят, царь свою волю объявляет: вызывает досужих людей, кто во что горазд, чтобы показали царю свое искусство.

И точно, едут глашатаи по всей земле, царский указ объявляют:

«Сведомо нам, гласит указ, что в земле есть досужие люди, кои всякие искусства измышляют. Занятно нам о том ведать, дабы ни одна штука, к чему-либо способная, не

могла даром сгинуть. В силу сего объявляем о том воеводам и старостам, дабы они тех досужих людей к нам препровождали, того ради для, дабы сии люди нам

— Да ты умеешь ли, дурень, считать-то? — говорит.

— Об этом не хлопочи, — говорит, — милый человек, отлично считаю.

И подлинно считать был горазд Иван-дурак.

А с другим братом другая история: в силу к вечеру продал он мед за двадцать рублей, да и то наполовину в долг.

Едет он домой, думу думает: отчего ему во всем неудача; а Иван-дурак за ним катит, и сто рублей в кошеле бренчит.

— Вот, говорит, братай, колоду-то ты мне подарил, — спонадобилась она: за сто рублей купцу сбыл! Посмотрел на него братай.

свой талант показали. А для сего назначаем через три года Юрьев день, в него же будет большой сбор со всей земли и будет наше царское смотрение!»

И вот прослушали царскую волю Иван-умный и Ивашка-дурашник. Задумался Иван-умный.

«Что же, — думает, — недаром мне Бог ума дал. Подумаю, авось что-нибудь и надумаю». Думал он два года, на третий придумал. Смастерил он машину большую, хитрую-прехитрую: сама веет, сама мелет, сама выгребают. Дивуется весь народ на эту машину и говорит, что в ней нечистый сидит и всем делом заправляет.

Настал, наконец, Юрьев день, царское смотрение. Собрались со всех сторон досужие люди, весь цар-

ский двор битком набили. На высоком крыльце сидят все бояре да думные дьяки, а вокруг них стоит почетная стража.

И вот загудели бубны и литавры, выходит царь на смотрение, а глашатаи кричат, вызывают:

— Эй, добрые люди, придите, покажите, кто во что горазд.

И стали выходить добрые люди, всякий свою сноровку и умение показывает. Кто идет с новым гудком, кто с новой балалайкой, кто с салагами немецкими, что носки врозь выворочены. Кто просто с пирогами, что жена напекла да впрок засушила. Но больше всего идет народ честной со всякими машинами да инструментами. И было тут столько этих машин, что Иванова машина исчезла в них как капля в море, точно ее и не бывало.

Только как кончилось смотрение, кто-то сзади кричит:

— Эй, люди, расступитесь, я еще свое досужество покажу!

И люди расступились.

Идет Иван-дурак, и все на него дивуются, что за пугало такое движется. И подлинно: вырядился он хуже пугала воронья. Все, что было у него в сундуке платья, все на себя наворотел, была шубка заячья, и ту надел, да не просто, а шерстью вверх: «вот, дескать, коли царю занятно мое досужество посмотреть, так я все ему покажу: на, мол, царская милость, смотри!» И несет Иван-дурак в руках не разберешь что: взял он жердь, согнул ее в дугу, стянул ее жилой толстой и звонкой, а к дуге прицепил-подвесил сковороды, заслонки, колокола, ширкунцы, бубенчики.

Подошел Иван-дурак к царю, поклонился. Отставил одну ножку вперед, оперся на жердь да как дернет за струну, — батюшки мои!

— Дз! бум, динь, бум! — такой звон пошел, что все собрание покатилося со смеху; даже сам царь засмеялся.

— Этакого досужества, говорит, мы еще не видели! Из какой ты волости, добрый человек?

— Волости я не ведаю, а зовут меня Ивашка-дурашный, — и опять как дернет за струну! Бзз, бум, динь, динь! Такой опять звон пошел.

— Вот, дескать, говорит, царская милость, мое старание — любо тебе или нет?!

— Любо, любо! — говорит царь.

— А честный ты человек или нет? — спрашивает царь.

— Честный, честный, — говорит народ честной.

— То-то и есть... лучше быть дураком, да честным, чем умным, да мошенником.

И посмотрел тут царь на многих, и многие при этом глаза потупили.

— А хочешь ли ты, — спрашивает опять царь, подумав немного, — хочешь ли ты, честный человек, быть моим казначеем?..

— Как не хотеть, вестимо хочу, — говорит Ивашка и поклонился царю в ноги.

— А умеешь ли ты считать?
— О! считать-то он горазд, всякого плута обочет!..— кричит народ честной.

И взял царь Ивашку-дурака к себе в казначей. А умный Иван поехал с смотренья ни с чем. Едет он и злится-злится:

— Я,— говорит,— подожду, пока народ честной узнает, что за штука за такая счастье да удача, да пока дуракам счастья на свете не будет!

Ну и ждет он до сих пор, все еще не дождался!

Кто был Кот Мурлыка?

Загадочная поэтесса Черубина де Габриа (в поэзии крестная дочь М. А. Володина) призналась, что в детстве больше всего любила сказки Кота Мурлыки. То же самое могли бы сказать многие наши бабушки и прабабушки. Полстолетия, начиная с 70-х годов прошлого века, в домах простонародья и в уважаемых гостиницах сказки Кота Мурлыки были одной из самых любимых книг как у детей, так и у взрослых. Книжки сказок выходили десять раз, а иллюстрировали их такие самобытные русские художники, как Микешин, Якоби, В. Васнецов, Куинджи, Шишкин, Зичи и другие. Последний раз сказки выпустил отдельной книгой Госиздат в 1923 году.

Кто же он был такой, этот Кот Мурлыка?

Его настоящее имя Николай Петрович Вагнер. А литературное ему подсказал поэт Жуковский своими строками:

Жил Мурлыка, был Мурлыка
Кот сибирский...

О самом себе-сказочнике Николай Петрович написал так: это был старый и весьма почтенный Кот, но, к сожалению, полный всяких противоречий. Он родился на свет вниз головой, и с тех пор все ему кажется вверх ногами.

За этой шуткой Кота Мурлыки видны реальные парадоксы личности Н. П. Вагнера.

Известный ученый-зоолог, ординарный (т. е. штатный) профессор столичного университета, он одновременно всю свою жизнь пишет сказки, отмеченные самой необузданной фантазией.

Российская академия наук награждает его Демидовской премией за сенсационное открытие педогенеза — особого способа размножения ряда беспозвоночных. И в то же время Вагнер широко известен как ревностный поборник спиритизма, затеявший по этому поводу публичный спор с Менделеевым.

Несколько лет он издавал в Петербурге едва ли не единственный в своем роде журнал «Свет» — «орган общечеловеческого развития», в котором одинаково уютно чувствовали себя и науки, и искусства.

Ему одинаково легко удавались и кабинетные занятия, и медиумические сеансы, и популярные лекции, и романы из реальной жизни. Но давайте, однако, оставим пока в стороне Вагнера-ученого, спирита, романиста¹, а займемся чуть подробнее сказочником — котом Мурлыкой.

Сказочная муза, которую он назвал феей Фантастой, рано посетила нашего автора. Родиной ее, как и самого Вагнера, крестными их родителями стали наш уральский край, природа и люди Урала.

Коля Вагнер появился на свет в поселке Богословского завода бывшего Верхотурского уезда Пермской губернии (ныне г. Карпинск Свердловской обл.), где тогда служил лекарем его отец. На северном Урале и в Екатеринбурге мальчик жил до 12 лет. Его няней была крестьянка Наталья Степановна Аксенова, женщина весьма

незаурядная. Овдовев совсем молодой (муж погиб в кампании 1812 года), она по праву вдовы-солдатки избавилась от крепостной зависимости, пошла в няньки и прожила с семьей Вагнеров всю свою жизнь.

Сама выучилась читать и писать, помнила множество старинных песен, рассказывала наизусть стихи из «Светланы» Жуковского и вообще знала русскую поэзию 20—30-х годов. В этой атмосфере и рос Коля Вагнер. И когда семилетний мальчик услышал сказку Ершова «Конек-Горбунок», она легла в его душе на подготовленную почву.

На Урале в то время был популярен водевильный театр Дмитрия Ленского с его французскими сюжетами, наполненными, однако же, бытовыми деталями из жизни русской провинции. Романтика, бутафория, грубоватый комизм очаровали мальчика. Он грезил героями переводных водевилей, устроил в доме свой кукольный театр с декорациями и актерами из бумаги и разыгрывал сцены перед сестрами и дворней.

Здесь, на Урале, явилась ему впервые фея Фантаста, здесь увидел он мир вверх ногами, здесь зародились в нем первые ростки его парадоксальных сказок. Здесь, можно сказать, родился не только Николай Вагнер, но и Кот Мурлыка. Он вспоминает, как уже в Казани, 14-летним, собирал в доме братьев, сестер, соседских детей и часами рассказывал им экспромтом какую-нибудь бесконечную сказку, в которой не было ничего, кроме фантазии.

С тех пор всю жизнь фея Фантаста не давала ему покоя, переполняла душу и выплескивалась наружу.

Вот идут по казанской улице три студента: Бутлеров (будущий великий химик), Пятницкий и Вагнер. Чем бы, думают, удивить честной народ? Низкорослый Вагнер взбирается на плечи высоконому Пятницкому и накрывается его шинелью. От такой комбинации выходит фигура фантастического роста. Прохожие, крестясь, отворачивают в сторону.

Тесно было фантазии в душе Николая Петровича Вагнера. Но вот в 1868 году вышел в свет первый русский перевод сказок датчанина Андерсена. Сказки Вагнеру понравились, но он тут же решил, что тоже не лыком шит. Как всегда, не давая ходу сомнениям, он принялся за дело и за три года в часы досуга написал дюжину сказок. Они и составили в 1872 году первый томик «Сказок Кота Мурлыки».

Что же покорило в них русскую публику? Мне кажется, прежде всего человечность. Прочтя любую, вы почувствуете, что в светлой горнице сказки Кота Мурлыки царит доброта, несмотря на то, что героям (тому же Курилке) приходится туго. За эту нестремимую доброту читатель прощал Коту Мурлыке многое: сентиментальность, растянутасть и назидательность сказок, пренебрежение их формой и сюжетом, слабое знание русской действительности и упование только на неумную фантазию. Удивительно всепрощающ русский читатель к книге, от которой исходит тепло.

Есть, думается, у сказок Кота Мурлыки и еще одна притягательная особенность: их можно читать вместе и взрослым, и детям. С детьми Кот Мурлыка серьезен, со взрослыми — игрив. То и другое обоем весьма по душе.

«Разве все мы не дети в общем росте того ребенка, которого зовут Человечеством? — резонно спрашивает наш сказочник. — Оно, ваше великое Человечество, прожило столько веков и до сих пор... готово драться, царапаться до крови за всякую простую погрешку».

Предлагая сегодняшнему читателю несколько старомодных, неуклюжих сказок Кота Мурлыки, хочется через столетие повторить и вопрос его: «Скажи мне, век молодой, премудрый, до всего доходящий своим умом-разумом: будут ли новые люди любить друг друга и будет ли весь дом людской на этой любви, как на камне крепком, построен?»

Достанет ли у нас с вами сил ответить на этот вопрос утвердительно?

Юний ГОРБУНОВ

¹ См.: Г. Воронов. Ученый и писатель Вагнер. «Уральский следопыт», 1988, № 3.

Возвращение Тарзана В ДЖУНГЛИ

Эдгар
БЕРРОУЗ

Рисунки
Дмитрия ЛИТВИНОВА

На корабле

— Какая необыкновенная красота! — произнесла вполголоса графиня де Куд.

— Что такое? — спросил граф, повернув голову к своей молодой жене. — Чем ты восхищаешься?

И он стал искать глазами предмет ее восхищения.

— Ничем особенным, мой друг, — ответила графиня, и легкая краска смущения залила ее и без того розовые щеки. — Я думала о грандиозных небоскребах, которые мы видели в Нью-Йорке.

Сказав это, хорошенькая графиня уселась поудобнее в своем кресле на палубе парохода и снова принялась за чтение журнала, который она незадолго перед тем уронила к себе на колени.

Муж ее тоже погрузился в свою книгу, слегка недоумевая, почему графиня так восхищается небоскребами, которые три дня тому назад в Нью-Йорке казались ей отвратительными. После нескольких минут молчания граф отложил книгу.

— Какая скука, Ольга, — сказал он. — Пойти разве посмотреть, нет ли на пароходе других скучающих людей, которые согласились бы составить мне партию в карты?

— Ты не очень любезен, мой друг, — заметила жена, улыбаясь. — Но мне и самой очень скучно, а потому прощаю тебя. Иди, играй в свои противные карты, если тебе это доставляет удовольствие.

Когда муж ушел, графиня кинула беглый взгляд на высокого молодого человека, лениво расположившегося в кресле в нескольких шагах от нее.

— Какая красота! — прошептала она снова.

Графине Ольге де Куд было двадцать лет, ее мужу — сорок. Она была верной и преданной женой, но вряд ли могла чувствовать пламенную и страстную любовь к графу, за которого вышла замуж не по своей воле, а по желанию отца, богатого русского аристократа. И все же, восторженное восхваление, сорвавшееся с уст графини при виде прекрасного незнакомца, не было вызвано дурными помыслами, противоречащими супружеской верности. Она просто любовалась им, как можно любоваться совершенным образцом природы.

В тот момент, когда она украдкой взглянула на привлекательного молодого человека, тот поднялся и ушел с палубы.

— Кто этот господин? — спросила графиня лакея.

— У нас, сударыня, он записан: «Мосье Тарзан, из Африки».

Интерес молодой женщины к незнакомцу усилился.

Направляясь в курительную комнату, Тарзан заметил у дверей двух смуглых субъектов, о чем-то возбужденно шептавшихся. Он не удостоил бы их и мимолетным вниманием, если бы не робкий, виноватый взгляд, брошенный на него одним из собеседников. Субъекты напомнили Тарзану мелодраматических злодеев, которых он немало повидал на сценах парижских театров.

Тарзан спустился в курительную комнату и нашел укромное местечко. Сидя в одиночестве над рюмкой абсента, снова и снова задумывался он: благоразумно ли поступил, отказавшись от наследственных прав в пользу человека, которому ничем не обязан.

Да, ему нравился Клейтон, но не в этом было дело. Не ради Уильяма Сесилия Клейтона лорда Грэйстока отрекся Тарзан от своего законного имени. Он сделал это ради той, которую они оба любили, ради той, кого странная прихоть судьбы отдала не ему, а Клейтону. Тарзан знал, что Джен его любит, но ее любовь только увеличивала тяжесть испытания, выпавшего на его долю, ибо то решение, которое человек-обезьяна принял когда-то ночью на маленькой железнодорожной станции, в далеких Висконсинских лесах, было необходимо для ее благополучия.

Счастье любимой девушки было для него важнее все-

го, а недолгое знакомство с культурными людьми убедило, что жизнь без денег и высокого положения в обществе невыносима для большинства из них. Джен Портер была рождена для того и другого, и, если бы Тарзан расстроил брак с Клейтоном, он несомненно обрекал ее на бедность и лишения.

От прошлого мысли Тарзана обратились к будущему. Он старался преувеличить ощущения, с которыми вернулся в родные джунгли, в те суровые, дикие джунгли, где провел двадцать из своих двадцати двух лет жизни. Но кто будет там рад его возвращению? Никто! Только слона Тантора может он назвать своим другом. Даже обезьяны не встретят его как родного.

Хотя цивилизация и не дала Тарзану почти ничего ценного, тем не менее научила его стремиться к обществу ему подобных, научила дорожить теплой товарищеских отношений. В иных условиях жизнь потеряла бы теперь свое очарование. Ему уже трудно представить себя на свете без друга, без живого существа, говорящего на том новом языке, который Тарзан научился любить за два года. Вот почему мысли о будущем не возбуждали радостных надежд.

Раскуривая новую папиросу, Тарзан бросил взгляд на висевшее перед ним зеркало, в котором отражался соседний стол и четыре человека, занятых игрой в карты. Как раз в этот момент один из игроков встал со своего места, и тотчас же к столу приблизился человек, стоявший до того в стороне. Он вежливо попросил позволения занять свободное место, чтобы дать играющим возможность не прерывать своей партии.

Это был один из тех двух субъектов, которые шептались у входа в курительную комнату. Интерес Тарзана к игре несколько усилился, и, размышляя о своем будущем, он не переставал наблюдать за фигурами, сидевшими за его спиной.

Тарзан знал по имени лишь одного из игроков. Это был сидевший как раз напротив нового партнера граф Рауль де Куд, на которого более чем внимательной лаской уже успел указать как на одну из достопримечательностей корабля в этом рейсе.

Тем временем в комнату вошел и стал за креслом графа второй из смуглых заговорщиков, лица которых он успел запомнить. О Тарзана не ускользнул его взгляд, украдкой брошенный по сторонам. Странно было, однако, что субъект не заметил при этом внимательных глаз Тарзана, прикованных к отражению в зеркале.

Заговорщик вытащил что-то из своего кармана, что именно, Тарзан не мог разглядеть, осторожно протянул руку к карману графа и ловко опустил туда вынутый предмет. После этого он не двинулся с места, продолжая следить за игрой. Тарзан недоумевал, но весь превратился во внимание, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Игра продолжалась до тех пор, пока граф не выиграл довольно значительную сумму у нового партнера. Тарзан заметил, как субъект, стоявший за креслом графа, кивнул головой своему приятелю. Сейчас же тот встал и, указывая на графа, произнес в негодовании:

— Если бы я знал, что этот господин — профессиональный шулер, я не принял бы так опрометчиво участия в игре.

Граф и двое остальных игроков поднялись. Де Куд поблещел.

— Что вы хотите сказать, сударь! — воскликнул он. — Знаете ли вы, с кем говорите?

— Я знаю, с кем говорю, — и, надеюсь, в последний раз — с человеком, мошенничающим в карточной игре... Граф через стол ударил говорившего по лицу.

— Тут какая-то ошибка, сударь! — воскликнул один из игроков. — Перед вами — граф де Куд.

— Если я ошибся, — ответил обличитель, — то с радостью возьму свои слова обратно: пусть только граф объяснит нам, откуда у него взялись те карты, которые он только что на моих глазах спрятал в карман.

Его приятель, который проделал то, что теперь приписывалось графу и что не ускользнуло от глаз Тарзана,

попытался в этот момент улизнуть из комнаты. К своей досаде он увидел, что путь отступления отрезан высоким сероглазым незнакомцем.

— Простите! — буркнул он, стараясь проскочить в дверь.

— Погодите! — процедил в свою очередь Тарзан.

— В чем дело? — воскликнул тот с возмущением.

Позвольте мне пройти, сударь.

— Подождите! — стоял на своем Тарзан. — Я уверен, что вы могли бы кое-что объяснить нам...

Субъект потерял терпение и с ругательством попытался отбросить незнакомца в сторону. Тарзан только улыбнулся; схватив своего джюжего противника за воротник, он препроводил его обратно к столу, не обращая внимания на сопротивление и брань. Николаю Рокову впервые пришлось испытать на себе мускулистые руки победителя льва Нумы и исполинской обезьяны Теркоза.

Негодующий обличитель де Куд и два остальных игрока вопросительно смотрели на графа. К месту неожиданно вспыхнувшего скандала поспешили пассажиры, с любопытством ожидая развязки конфликта.

— Этот субъект бредит, — сказал граф. — Господа, я попрошу кого-нибудь из вас обяснить меня.

— Обвинение нелепо, — подтвердил один из игроков.

— Вам стоит только опустить руку в карман графа, и вы убедитесь в том, что оно вполне серьезно, — настаивал обличитель и, заметив, что остальные еще колебались, добавил. — Хорошо! Если никто другой не хочет, я сделаю это сам, — и он шагнул по направлению к графу.

— Нет, сударь, — резко ответил де Куд. — Я позволю обыскать себя только человеку порядочного круга.

— Нет необходимости обыскивать графа: карты действительно находятся у него в кармане. Я сам видел, как они были туда опущены...

Все с удивлением обернулись в сторону, откуда были произнесены эти слова, и увидели статного молодого человека, который вел к столу своего упирившегося пленника.

— Это — заговор! — воскликнул в ярости де Куд. — У меня нет никаких карт. — С этими словами он опустил руку в карман. Все застыли в молчании. Граф смертельно побледнел и медленно вытащил руку. В ней он держал три карты.

Граф смотрел на всех в немом и страшном изумлении. Краска стыда залила его лицо. Лица окружающих красноречиво выражали жалость и презрение.

— Да, это — заговор, сударь! — произнес сероглазый незнакомец. — Господа! — продолжал он. — Граф не знал о том, что эти карты находились в его кармане. Они были опущены туда тайком в то время, когда он был занят игрою. Сидя вон там, я видел отражение всей сцены в зеркале. Этот субъект, которому я вовремя помешал покинуть комнату, положил карты в карман графа.

Де Куд перевел взор с Тарзана на его пленника.

— Николай! — воскликнул он, — это вы? — Затем он повернулся к другому заговорщику и, пристально взглядевшись в него, продолжал. — А вас я не узнал без бороды, Павлович. Теперь мне все понятно, господа!

— Как поступить с ними, сударь? — спросил Тарзан. — Передать капитану?

— Нет, мой друг, — поспешил ответить де Куд. — Это — личное дело, и я хотел бы покончить с ним мирным путем. Чем меньше мы будем возиться с этими субъектами, тем лучше. Но как мне отблагодарить вас за вашу неоценимую услугу? Позвольте передать вам мою карточку. Если вам понадобится когда-нибудь моя помощь, я буду счастлив оказать ее.

Тарзан отпустил Рокова, который вместе с товарищем поспешил покинуть курительную. Уходя, Роков успел шепнуть Тарзану:

— Не сомневайтесь, что вы, сударь, будете иметь случай пожалеть о своем вмешательстве в чужие дела.

Тарзан улыбнулся и, поклонившись графу, вручил свою карточку. Граф прочел: Жан К. Тарзан.

— Мне жаль, мосье Тарзан, — сказал де Куд, — что вы приобрели сегодня не только нового друга в моем лице, но и двух новых врагов — отъявленнейших негодяев во всей Европе. Постарайтесь избегать дальнейших встреч с ними, сударь!

— Я имел в свое время более страшных врагов, — спокойно улыбнулся в ответ на предостережение Тарзан, — и все же до сих пор цел и невредим. Я не представляю им случая чем-нибудь повредить мне.

— Будем надеяться, — сказал де Куд. — Но все же вам следует быть начеку, зная, что сегодня вы приобрели себе по крайней мере одного настоящего врага, который ничего не забывает и не прощает и в чьем злобном уме всегда зреют планы мщения.

В тот же вечер Тарзан, войдя в свою каюту, нашел на полу свернутый листок бумаги, очевидно просунутый в щель под дверь. Он развернул его:

«Г. Тарзан!

Несомненно, Вы не отдаете себе отчета о тяжести нанесенного мне оскорбления. Я склонен думать, что Вы действовали по незнанию, не желая оскорбить незнакомца Вам человека. Поэтому я готов разрешить Вам извиниться передо мною. Если Вы дадите мне обещание никогда больше не вмешиваться в дела, которые Вас никоим образом не касаются, я забуду о происшедшем. В противном случае... Но я уверен, что Вы поймете необходимость поступить именно так, как я Вам указываю. Примите и проч.

Николай Роков».

Тарзан улыбнулся, выбросил записку в иллюминатор и улегся спать, тотчас забыв о ней.

В соседней каюте Ольга де Куд говорила своему мужу:

— Почему ты так мрачен, Рауль? Что тревожит тебя?

— Ольга, с нами на пароходе находится Николай. Знала ли ты об этом?

— Николай? — воскликнула она. — Но это невозможно, Рауль! Он ведь задержан в Германии!

— Так думал и я, пока не столкнулся сегодня лицом к лицу с ним и его приятелем, Павловичем. Ольга, я не могу допустить преследований с его стороны! Рано или поздно я предам его в руки властей!

— О, нет, нет, Рауль! — воскликнула Ольга, опускаясь перед мужем на колени. — Не делай этого! Вспомни о своем обещании Скажи мне, Рауль, что ты этого не сделаешь!

Де Куд взял руки жены и пристально посмотрел на ее бледное, растерянное лицо; казалась, в ее глазах он ищет выражение тех мыслей и чувств, которые побуждают ее защищать этого человека.

— Пусть будет так, как хочешь ты, Ольга! — сказал он наконец, — хотя я не могу понять тебя. Он — живая угроза нашему благополучию и чести, а между тем ты всегда выступаешь в роли защитника.

— О, нет, Рауль, — в волнении прервала его жена. — Я ненавижу его не меньше, чем ты... Но узы крови...

— Я был бы рад сегодня иметь возможность сделать ему маленькое кровопускание, — сквозь зубы процедил де Куд. — Эти два негодяя, он и Павлович, пытались сегодня опозорить меня, Ольга!

Граф рассказал жене все, что случилось с ним в курительной комнате.

— Если бы не этот так вовремя появившийся незнакомец, негодяи блестяще осуществили бы свой дьявольский замысел. Кто бы поверил моим оправданиям, когда я достал из своего кармана карты? Сомнение в моей честности готово было охватить меня самого, и вдруг Тарзан подтащил к столу твоего милого Николая и объяснил, как все произошло.

— Тарзан? — спросила изумленная графиня.

— Да. Ты знаешь его, Ольга?

— Я видела его. Лакей указал мне на него сегодня.
— Вот как? А я и не знал, что он так знаменит! — заметил граф.

Ольга де Куд поспешила переменить тему разговора. Ей было бы трудно объяснить, почему лакей называл ей имя красивого Тарзана.

II

Ненависть и...?

На другой день после обеда Тарзан увидел тех двух человек, с которыми столкнула его накануне судьба и любовь к сильным ощущениям. Субъекты, иначе их не назовешь, находились в безлюдной части палубы и горячо спорили с какой-то женщиной. Тарзан заметил ее богатый наряд, тонкую, девическую фигуру. Густая вуаль, закрывавшая лицо, мешала разглядеть ее черты. Говорили все трое на каком-то странном, непонятном языке — и только по внешнему виду женщины он мог догадаться, что та чем-то налугана.

У Рокова был такой угрожающий вид, что Тарзан не мог не остановиться, почувствовав висящую в воздухе опасность. Он подошел в тот момент, когда Роков схватил свою собеседницу за руку, как бы пытаясь вырвать у нее какое-то признание. Неизвестно, что сделал бы он в следующее мгновение, если бы чьи-то стальные пальцы не впились ему в плечо. Он повернул голову и встретил пристальный взгляд знакомых серых глаз.

— Проклятье! — взвизгнул разъяренный Роков. — Что вам здесь нужно? Вы, должно быть, сумасшедший, если осмеливаетесь вторично становиться мне на дороге.

— Вот мой ответ, сударь! — спокойно сказал Тарзан и оттолкнул от себя Рокова с такой силой, что тот чуть не свалился за борт.

— Черт возьми! — вскричал Роков. — Негодяй, я вас убью тут же на месте!

Вскочив на ноги, он схватился за револьвер.

Женщина в ужасе закрыла лицо руками.

— Николай, — закричала она, — не делай этого! Сударь, бегите скорей, или он на самом деле убьет вас!

Вместо того, чтобы последовать ее совету, Тарзан лицом к лицу встретил своего врага.

— Не делайте глупостей, сударь! — сказал он.

Роков, еще более раздраженный спокойным и пренебрежительным тоном Тарзана, прицелился, но револьвер дал осечку. В тот же момент Тарзан выбил оружие из его руки. Пистолет исчез в волнах океана.

Несколько мгновений противники неподвижно стояли друг против друга. Самообладание вернулось к Рокову.

— Вы, сударь, дважды вмешались в дела, которые вас ни в коей мере не касаются. Дважды вы оскорбили Николая Рокова. На первый все сошло для вас благополучно, так как я предполагал, что всему виной неведение. Но вторичного оскорбления я не оставлю без ответа. Если вы, сударь, до сих пор не знали, кто такой Николай Роков, то теперь вы поближе познакомитесь с ним!

— Вы — трус и негодяй, — ответил Тарзан. — Больше мне ничего не нужно знать о вас! — и он повернулся к незнакомке, чтобы осведомиться, как она себя чувствует, но ее уже не было. Тогда, не устаивая Рокова и его приятеля взглядом, Тарзан продолжил прерванную прогулку.

Поведение двух негодяев казалось ему загадочным. Он никак не мог понять смысла и цели той очевидной интриги, которую они все время вели. В наружности молодой женщины было что-то знакомое Тарзану. Однако, не разглядев ее скрытого под вуалью лица, он не мог быть уверен в том, что встречал ее раньше. Единственное, что запомнилось, — кольцо очень тонкой работы, украшавшее палец руки, за которую схватил ее Роков.

Тарзан начал присматриваться к рукам всех дам, которые встречались ему, надеясь таким путем узнать таинственную незнакомку.

Он опустился в плетеное кресло и занялся разглядыванием проходивших мимо него пассажиров. В каждом из них он видел то жестокость, то себялюбие, то хитрость, с которыми познакомился еще в джунглях, когда первый из людей, с которыми ему пришлось столкнуться — черный, лоснистый Кулонга, — своим метким копьем убил Калу, большую обезьяну-самку, заменившую Тарзану мать с его раннего детства.

Он вспомнил об убийстве Кинга, о том, как мятежники с «Арроу» бросили профессора Портера и его спутников на произвол судьбы, о зверской расправе с пленниками черных воинов племени Мбонга, о том завистливом недоброжелательстве, с которым встретили его на границе цивилизованного мира офицеры и чиновники западно-африканской колонии.

— Увы, — думал Тарзан, — все они одинаковы. Обман, насилие, предательство, — и все это только ради денег, которые открывают доступ к изнеженным наслаждениям. Будучи связанными по рукам и ногам своими глупыми обычаями, которые превращают их в рабов удачи или неудачи, они в то же время твердо верят в свое высшее назначение, в свое превосходство над миром, в то, что они, и только они, наслаждаются жизнью во всей ее красоте.

Этот мир, населенный идиотами и больными, был ненавистен Тарзану. Он не прощал себе того, что свободу и радость жизни в джунглях променял — хотя бы и на короткое время — на ложь цивилизации.

Размышляя таким образом, Тарзан неожиданно почувствовал, что кто-то внимательно наблюдает за ним. Усвоенная в джунглях бдительность позволила ему обернуться так быстро, что молодая женщина, сидевшая неподалеку, не успела отвести глаз. Краска залила ее щеки, она поспешила отвернуться, а Тарзан, довольный результатом своего не совсем галантного поступка, улыбнулся и устроился поудобнее в кресло. Женщина, смотрившая на него, была молода и очень привлекательна. Кроме того, в ней было что-то знакомое. Что именно, Тарзан не мог сказать.

В этот момент молодая женщина встала. Когда она проходила мимо Тарзана, он насторожился, как бы почуввав, что близок к разгадке. Ему не пришлось разочароваться. Женщина подняла руку, чтобы поправить шарф, накиннутый на плечи, и Тарзан увидел знакомое кольцо.

Значит, это была она, — та самая женщина, которую преследовал Роков. Но кто она? Что общего между ней и наглým авантюристом?

Вечером, после обеда Тарзан до наступления темноты прогуливался по палубе, беседуя с помощником капитана. Когда служебные обязанности заставили его собеседника подняться на капитанский мостик, Тарзан лениво оперся грудью на перила и стал наблюдать игру лунных лучей на медленно катившихся волнах.

Он был скрыт боканцами*, и потому два человека, которые в это время проходили вдоль палубы, его не заметили. До Тарзана донеслись отрывки разговора, они и заставили его последовать за ними. Он узнал голос Рокова и заметил, что собеседником его был все тот же неизменный Павлович.

Тарзан услышал лишь несколько слов: «Если она кричит, ты души ее, пока она не...»

Этого было достаточно: Тарзан приложил все свое старание, чтобы не упустить из виду заговорщиков, которые направлялись быстрыми шагами к другому концу палубы.

Они дошли до курительной комнаты, но лишь заглянули туда, чтобы убедиться, видимо, там ли находится человек, местопребыванием которого интересовались.

* Стойка для подвешивания шлюпки.

После этого парочка направилась к каютам первого класса. Здесь Тарзану было труднее наблюдать, оставаясь незамеченным. Все же ему удалось спрятаться поблизости, в тени коридора. На их стук голос изнутри спросил по-французски:

— Кто там?

— Это я, Николэй,— был ответ Рокова.— Могу ли я войти?

— Почему ты продолжаешь преследовать меня, Николэй?— спросила женщина, находившаяся за тонкой дверью.— Разве я в чем-нибудь виновата перед тобой?

— Да ну же, отвори, Ольга,— продолжал Роков деланно-добродушным тоном.— Мне нужно сказать всего два слова. Я ничего тебе не сделаю, даже не переступлю порога каюты. Того, что я хочу сказать тебе, нельзя говорить через дверь.

Тарзан услышал шелканье ключа.

Затаив дыхание, ожидал он дальнейшего развития событий. Из головы не выходили последние слова Рокова: «Если она закричит, души ее...» Роков стоял у двери; Павлович, немного отступив в сторону, прижался к стене. Дверь открылась. Роков сделал шаг вперед и остановился на пороге. Женщину, разговаривавшую с ним, Тарзан не мог видеть, так как ее заслоняла фигура Рокова.

Он услышал ее голос, достаточно громкий, чтобы различать слова.

— Нет, Николай,— говорила она,— это бесполезно. Несмотря на все твои угрозы, я не уступлю твоим требованиям. Оставь, пожалуйста, каюту, тебе здесь не место. Ты обещал не входить в нее.

— Хорошо, Ольга, я не войду, но ты тысячу раз пожелаешь, что не исполнила моей просьбы. В конце концов я все равно добыю своего, так зачем эти лишние хлопоты и потеря времени. Зачем тебе ставить на карту свою честь и честь своего...

— Я никогда не соглашусь, Николай!— прервала его женщина.

Тарзан заметил, как при этих словах Роков кивнул головой Павловичу, который стремительно проскочил в открытую дверь вслед за ним. Через мгновение Роков снова появился в коридоре. Дверь захлопнулась. Он прильнул ухом к двери, стараясь не пропустить ни единого слова из разговора, происходящего в каюте. Коварная улыбка змеилась на его губах.

Тарзан слышал женский голос, приказывающий Павловичу оставить каюту.

— Я пошло за моим мужем!— воскликнула она.—

Он беспощадно расправится с вами.

Из-за двери донесся смех Павловича.

— Пошлите лакея за вашим мужем, сударыня!— ответил тот.— Но лакею уже известно, что с вами наедине в запертой каюте в настоящее время посторонний мужчина.

— Ну что же!— воскликнула женщина.— Мой муж поймет, в чем дело!

— Вполне вероятно, что ваш муж поймет; но лакей этого не поймет, как и те газетные писаки, которые каким-нибудь таинственным путем проведут об этом по вашему прибытии в Париж. Они сочтут это за прелестную новость, и все ваши друзья, читая газеты, завтра же будут осведомлены о забавном приключении. Их интерес не уменьшится, если они узнают, что ваши ласки доставили приятелю вашего брата.

— Алексей,— донесся женский голос, спокойный и бесстрашный.— Вы— трус, и когда я скажу вам на ухо одно известное вам имя, вы задумаетесь над своими угрозами и в дальнейшем, думаю, не будете больше беспокоить меня.

Наступила пауза, во время которой Тарзан представил себе, что женщина наклонилась к уху негодяя и прошептала то, чем надеялась сразить его.

Пауза продолжалась несколько мгновений. Затем послышалось сдержанное проклятие, неясный шум, женский

крик. Он еще не успел стихнуть, как Тарзан выскочил из засады. Роков пытался бежать, но был схвачен за ворот и водворен на место уже знакомой ему стальной рукою.

Ни один из них не произнес ни слова.

Оба инстинктивно поняли, что там, за дверью каюты, совершается убийство. Тарзан был уверен в том, что в расчеты Рокова не входил такой неожиданный оборот дела. Он чувствовал, что цель авантюриста серьезна и что шел он к ней более сложными путями, чем убийство.

Не колеблясь ни секунды, Тарзан налег своим мощным плечом на хрупкую дверцу и, переступив через ее обломки, очутился в каюте, не отпуская пойманного Рокова. На кровати лежала женщина, над которой склонился Павлович, сжимающий ее шею цепкими пальцами. Напрасно жертва отбивалась, пытаясь освободиться— пальцы Павловича с неумолимой жестокостью лишали ее жизни.

Шум заставил Павловича оглянуться и выпустить жертву. Он смерил Тарзана угрожающим взглядом. Женщина с трудом приподнялась. Она держала руку у горла, дыхание ее было прерывистым.

— Что значит все это?— спросил Тарзан Рокова, в котором невольно угадал зачинщика всего происходящего. Тот угромо молчал.

— Будьте добры нажать кнопку,— продолжал Тарзан,— мы вызовем кого-нибудь. Шутка зашла слишком далеко!

— Нет, нет!— воскликнула женщина, проворно вскочив с постели.— Пожалуйста, не делайте этого. Я уверена, что здесь не было настоящего намерения сделать мне зло. Я рассердила этого человека, он потерял самообладание,— вот и все. Мне не хотелось бы, чтобы все это стало известным всем пассажирам.

В ее голосе было столько мольбы, что Тарзан не мог не уступить, хотя ясно сознавал, что во всем происшедшем много такого, что было бы весьма полезно довести до сведения администрации парохода.

— Итак, вы хотите, чтобы я ничего не предпринимал?— спросил он.

— Да!

— Вы согласны на то, чтобы эти два негодяя и в дальнейшем преследовали вас?

Казалось, дама не знала, что ответить. Тарзан заметил лукавую улыбку торжества на губах Рокова. Несомненно, женщина боялась этих двух субъектов и не осмеливалась признаться в этом в их присутствии.

— В таком случае,— ответил Тарзан,— в дальнейшем я буду действовать на свой страх и риск. Вам,— он обратился к Рокову,— вместе с вашим соучастником я могу сообщить, что с этого момента и до конца нашего путешествия беру на себя труд следить за вами, и если случайно до меня дойдет известие о том, что кто-либо из вас чем-нибудь досадил этой даме, вы дадите ответ в этом непосредственно мне, и, предупреждая, этот ответ будет мало приятен для вас. Теперь же убирайтесь отсюда вон!

Взяв Рокова и Павловича за ворот, Тарзан вытолкнул их из каюты и облегчил им быстрое путешествие по коридору сильными пинком ноги. После этого обернулся к женщине. Та смотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами.

— А вы, сударыня, окажете мне большую честь, если обратитесь к моему содействию при первой же необходимости.

— Ах, сударь,— ответила она.— Я хотела бы надеяться, что вам не придется пострадать из-за вашего благородного поступка. Вы нажили себе очень злого и хитрого врага, который не остановится ни перед чем, чтобы утолить свою ненависть. Вы должны быть очень осторожны, мосье...

— Меня зовут Тарзан, сударыня!

— ...Мосье Тарзан. Из того, что мне не хочется давать огласку этому делу, не заключайте, что я сколько-нибудь умаляю значение вашего благородного, рыцарского поступка. Спокойной ночи, мосье Тарзан, я никогда

не забуду моего неоплатного долга,— с прелестной улыбкой, обнаружившей жемчужный ряд зубов, произнесла молодая женщина.

Тарзан, простившись с ней, направился на палубу. Он никак не мог понять, почему эти два человека,— молодая женщина и граф де Куд,— оба одинаково пострадавшие от наглости Рокова и его товарища, не позволили предать оскорбителей достойному суду. То и дело мысли Тарзана возвращались к прекрасной молодой женщине и ее странной судьбе. Он вспомнил, что не осведомился о ее имени.

Однажды он встретился лицом к лицу с молодой женщиной на палубе. Она приветствовала его милой улыбкой и тотчас же заговорила о сцене, свидетелем и участником которой он был два дня назад.

— Я просила бы вас не судить обо мне на основании этого печального случая. Я так страдала, сегодня первый раз выхожу из своей каюты. Мне просто стыдно! — закончила она свою короткую речь.

— Что общего между газелью и львами, которые нападают на нее? — ответил Тарзан. — Я видел этих двух субъектов и прежде — в курительной комнате и убедился, что их вражда является лучшей рекомендацией для тех, кого они преследуют. Люди, подобные им, ненавидят все лучшее и благородное.

— Это очень любезно с вашей стороны, — ответила женщина, улыбаясь. — Я уже слышала о том, что произошло за карточной игрой. Мой муж рассказал мне все.

— Ваш муж? — повторил с недоумением Тарзан.

— Да. Я — графиня де Куд.

— В таком случае, мадам, я вполне вознагражден, узнав, что мне удалось оказать услугу жене графа де Куд.

— Увы, я так многим обязана вам, что у меня нет никакой надежды заплатить свой долг. Не увеличивайте его, по крайней мере! — и она так ласково улыбнулась ему, что Тарзан почувствовал способность совершить еще большие подвиги только ради того, чтобы получить в благодарность ее улыбку. Больше он с ней не виделся, ибо на следующее утро пароход причалил к пристани.

III

Происшествие на улице Моль

По приезде в Париж Тарзан направился к своему старому другу, лейтенанту д'Арно. Моряк откровенно выбрал его за решенные отказаться от титула и состояния, которые принадлежали ему по праву, как единственному наследнику его отца, Джона Клейтона, лорда Грэйстока.

— Вы поступаете безумно, мой друг, — сказал д'Арно, — так легко отказываясь не только от титула и положения в свете, но и от возможности доказать всем с полной достоверностью, что в ваших жилах течет кровь двух лучших семейств Англии, а не кровь дикой обезьяны. Невероятно, чтобы они поверили вам, — Джен Портер, по крайней мере. Еще тогда, в диких джунглях, когда вы, как зверь, разрывали зубами добычу, довольствуясь сырой пищей, когда никому не было ведомо ваше истинное происхождение, — я знал, что вы ошибаетесь, считая обезьяну своей матерью. А теперь, после того, как найден дневник с описанием тех ужасов, которые пережили ваши отец и мать, оставленные на произвол судьбы на диком африканском берегу, после того, как мы прочли строки о вашем рождении и, наконец, — а это самое неопровержимое доказательство, — открыли отпечаток ваших детских пальцев на страничке дневника, — мне кажется невероятным, что вы хотите остаться на всю жизнь все тем же безродным бродягой без имени и каких-либо средств к существованию.

— Мне не нужно лучшего имени, чем Тарзан, — отве-

тил тот, — а вот средства к существованию, конечно, нужны. В первый и последний раз я использую вашу бескорыстную дружбу — подыщите мне работу.

— Ну вот, — усмехнулся д'Арно. — Разве об этом речь? Я говорил вам много раз, что моего состояния хватит на двадцать человек — и половина всего, что я имею, принадлежит вам. И если я отдам вам эту половину, разве она составит хотя бы десятую часть того, во что я оцениваю вашу дружбу, мой дорогой Тарзан! Разве ее будет достаточно, чтобы оплатить услуги, какие вы оказали мне когда-то в Африке? Я не забыл, мой друг, что только вы и ваша храбрость спасли меня от племени Мбонга. Вашему самопожертвованию обязан я исцелением от ран, которые нанесли мне дикари. Только впоследствии я узнал, что значило для вас оставаться со мною в логове обезьян в то время, как сердце влекло вас к берегу, где находилась любимая девушка. Когда мы, наконец, попали туда и узнали, что мисс Портер и ее спутники уехали, — тогда только я начал понимать, чем пожертвовали вы ради меня. Разве все это можно оценить деньгами, дорогой Тарзан?

— Хорошо, — засмеялся Тарзан. — Не будем ссориться из-за денег. Я должен жить, а поэтому должен иметь их, но и независимо от денег человеку надобно иметь какое-нибудь занятие. Иначе я скоро умру от безделья. Что же касается наследственных прав, они — в достойных руках. Клейтон не похитил их у меня. Он уверен в том, что он — действительно лорд Грэйсток, к тому же больше соответствует этой роли, чем человек, родившийся в африканских джунглях. Знайте, мой друг, я до сих пор остался таким же дикарем, каким был раньше. Временами дикие инстинкты, таящиеся во мне, просыпаются и берут верх над всем тем, что дала культура и цивилизация. А затем — разве я мог лишиться любимую женщину состояния и положения в свете? Ведь брак с Клейтоном обеспечил ей и то и другое, чего не в силах был сделать я — не правда ли, Поль?

— Вопрос о моем происхождении не столь важен для меня, — продолжал он, не ожидая ответа. — Я убежден, что для человека ценно только заработанное им самим — его руками и его умом. А потому для меня так же дорога обезьяна Кала, воспитавшая меня, как и та женщина, которая дала мне жизнь. Кала была всегда так нежна ко мне: она прижимала меня в детстве к своей волосатой груди, защищала от диких обитателей леса, она любила меня настоящей материнской любовью... И я любил ее, Поль, не отдавая себе отчета в этом, до тех пор, пока отравленная стрела черного воина из племени Мбонга не отняла ее у меня... Я был тогда еще ребенком. Я упал на ее труп и плакал так, как может плакать ребенок по своей матери. Вам, мой друг, она показалась бы диким, безобразным животным, но я находил ее прекрасной. Любовь преобразует все в наших глазах. Вот почему я рад считать себя сыном обезьяны.

— Я восхищен вашей верностью, — сказал д'Арно, — но, поверьте мне, придет время, когда вы пожелаете воспользоваться вашими законными правами. Но будет ли это так же легко, как теперь, — неизвестно. Имейте в виду, что только профессор Портер и мистер Филандер, — одни на всем свете, — могут засвидетельствовать, что маленький скелет, найденный в хижине вместе с останками вашего отца и вашей матери, принадлежал детенышу человекообразной обезьяны, а не последнему отпрыску рода Грэйстоков... Это показание чрезвычайно важно. Оба они уже старики. И вряд ли проживут еще много лет... Не кажется ли вам, что мисс Портер, узнав всю правду, расторгнет свой брак с Клейтоном? Вы легко можете вернуть себе титул, состояние, наконец, ту женщину, которую вы любите, Тарзан! Задумывались ли вы над этим?

Тарзан покачал головой.

— Вы ее не знаете, — сказал он. — Ничто не привлекает ее к Клейтону сильнее, чем несчастье, которое обрушит-

ся на него. Она — южанка, а южане гордятся своей верностью.

Две следующие недели Тарзан посвятил изучению Парижа. В дневные часы он бродил по библиотекам и музеям, зарывался в книги и с жадностью их пожирал. Его потрясла глубина и бесконечность открывшегося перед ним мира науки, для овладения которым человеческая жизнь слишком коротка. Он посвящал занятиям свой день, отдыху и развлечениям — ночь.

Его увлекла новизна существования. Затаив в глубине своего сердца горечь утраты, Тарзан предался науке и развлечениям, — двум крайностям, которые могли заставить его позабыть прошлое и перестать думать о будущем. Сидя однажды в мюзик-холле над рюмкой абсента и любуясь искусством танцовщицы, Тарзан почувствовал чей-то недружелюбный взгляд, устремленный на него из толпы.

Выходя из мюзик-холла, он уже успел забыть об этом и не заметил человека, который при его появлении скрылся в тени ближайшего подъезда. Тарзан на сей раз возвращался без своего неизменного спутника д'Арно. Следивший за ним человек поспешно перебрался на другую сторону улицы, обогнал его и скрылся в темноте. Тарзан свернул на улицу Моль, своей пустынностью и тишиной привлекавшую его после шумных и светлых кварталов Парижа.

Вам, должно быть, знакомы темные углы и мрачные дома этой улицы, а если не знакомы, то от полицейских агентов можно узнать, что нет другого места в Париже, по которому было бы столь опасно ходить ночью. Тарзан уже углубился в нее, и вдруг внимание его привлекли стоны и крики о помощи, раздавшиеся из окон третьего этажа. Голос принадлежал женщине. Прежде чем крики затихли, Тарзан успел взбежать по лестнице.

В конце коридора была настежь раскрыта дверь. Оттуда-то и раздавались крики. В следующее мгновение Тарзан оказался в тускло освещенной комнате. Керосиновая лампа стояла на камине, бросая слабый луч света на скудную обстановку.

В комнате находилось несколько мужчин и только одна женщина. Ей было лет под тридцать, на лице следы страстей и пороков. Она стояла, прислонившись к стене, положив руку на грудь.

— Помогите! — воскликнула она, увидя Тарзана. — Они хотят убить меня!

Тарзан повернулся к мужчинам и увидел злобные лица профессиональных преступников. Они были совершенно спокойны и не думали о бегстве. Один из них выскользнул из комнаты. Тарзан узнал в нем, к своему удивлению, Николая Рокова.

В ту же минуту он заметил, как рослый мужчина подкрадывается сзади с тяжелой палкой в руке. По его примеру и остальные набросились на Тарзана с разных сторон. Одни вытащили ножи, другие схватили стулья. Дубина поднялась над головой Тарзана и, конечно, раскрасила бы череп, если бы удар не был предотвращен. Что могли противопоставить парижские апаши сноровке, ловкости и силе обитателя джунглей, состязавшегося когда-то со львами и исполинскими обезьянами!

Наметив себе первую жертву — того, кто замахнулся дубиной, Тарзан ударил его в подбородок. Дубина выпала из рук апаши, а сам он очутился в беспмястестве в другом конце комнаты. Тарзана охватил азарт состязания, азарт бойца, чувствовавшего всю опасность минуты. Налет цивилизации, к которой он приобщился за последнее время, сразу сошел с него, обнажив дикого, неукротимого зверя.

За дверью, в конце коридора стоял, ожидая результатов схватки, Рсков. Ему очень хотелось узнать перед уходом, прикончили ли Тарзана, но присутствовать при убийстве не входило в его расчеты.

Женщина все еще стояла там, где ее увидел Тарзан при входе в комнату, но лицо ее постоянно менялось.

Отчаяние, которое было на нем при появлении Тарзана, сменилось коварной улыбкой, когда сзади к Тарзану подкрался сообщник мнимой пострадавшей. Этой улыбкой Тарзан уже не видел. Коварная улыбка сменилась изумлением, затем — ужасом. Да и кто бы не ужаснулся?

Безобидный на вид человек, завлеченный в комнату притворными криками о помощи, превратился в демона.

— Что он делает! — воскликнула она. — Это же зверь!

В эту минуту зубы Тарзана впились в горло одного из нападавших. Он сражался так, как научил его опыт борьбы с исполинскими обезьянами — самцами из племени Керчака. Он обрушивал удары сразу во все стороны, носясь, как метеор, по комнате из одного угла в другой. То его мощный кулак разбивал чей-то подбородок, то его цепкие руки душили кого-то за горло, то ногами он отбрасывал в сторону тех, у кого еще хватало смелости нападать.

С криками ужаса и боли апаши один за другим обратились в бегство. Но еще до того, как первый из них, окровавленный и разбитый, показался на лестнице, Рсков понял, что Тарзан не отдаст дешево свою жизнь. Поэтому он поспешил к телефону, известив полицию о том, что какой-то злодей совершает убийство на улице Моль, в третьем этаже дома № 27.

Когда полицейские агенты прибыли к месту происшествия, они нашли валявшихся в беспмястестве трех мужчин, испуганную женщину, забравшуюся на грязную кровать, в ужасе закрывшую лицо руками, и, наконец, приличного на вид молодого человека, стоявшего посреди комнаты в ожидании новых вразгов на смену уничтоженным. Несмотря на приличное платье, это был разъяренный дикий зверь, смеривший полицейских жестоким взглядом стальных серых глаз. При запахе крови Тарзан расстался с последними признаками цивилизации. Теперь он готов был дать отпор любому врагу, как леа, окруженный охотниками.

— Что здесь случилось? — спросил один из полицейских.

Тарзан дал короткий ответ. Он обратился за подтверждением своих слов к женщине, лежавшей на кровати. Ее ответ заставил его содрогнуться.

— Он лжет, — пронзительно крикнула та, обращаясь к агентам. — Он ворвался в мою комнату, когда я была одна. Когда я оттолкнула его, он хотел убить меня, и убил бы, если бы не подоспели на помощь прохожие. Это — дьявол! Он один голыми руками и зубами чуть-чуть не убил десятирых.

Тарзан был так поражен вопиющей неблагодарностью, что не мог сказать ни слова.

Кажется, полицейские отнеслись несколько недоверчиво к только что услышанному заявлению. Они уже имели дело с этой дамой и с ее милой компанией, предстательницей которой залялись здесь же на полу. Но они были полицейскими, а не судьями, и потому решили задержать всех застигнутых на месте происшествия, доставив кому следовало разобраться в том, кто прав, кто виноват.

Но оказалось, что объявить этому прилично одетому молодому человеку известие об аресте гораздо легче, чем арестовать его на самом деле.

— Я ни в чем не повинен, — спокойно заявил он, — я думал только о самозащите. Не понимаю, с какой целью эта женщина клеветает на меня. У нее нет оснований питать ко мне вражду.

— Ладно, — сказал один из полицейских, положив руку на плечо Тарзана. — Вы расскажите все это судье.

Через мгновение полицейский лежал, скорчившись от боли, в противоположном углу комнаты. Его товарищей, бросившихся на помощь, постигла та же участь, которая незадолго перед тем выпала на долю нанятых Рсковым апашей.

Тарзан так быстро и с такой силой обрушился на агентов, что те даже не успели пустить в ход свои ре-

вольверы. Во время короткой схватки Тарзан заметил, что окно на улице открыто и что за ним виднеется не то дерево, не то телеграфный столб.

Один из лежавших на полу агентов, наконец, выхватил револьвер и выстрелил в Тарзана. Пуля пролетела мимо и застряла в оконной раме. В тот же момент Тарзан сбросил лампу с камина. Свет погас. Комната погрузилась в темноту.

Полицейские увидели на фоне окна гибкую фигуру, прыгнувшую на телеграфный столб. Те из них, кто еще способен был передвигаться, выбежали на улицу, но она была пуста. Преступник исчез.

Озлобленные полицейские выместили досаду на женщине и оставшихся в комнате апашах. Всю компанию доставили в управление. Бедные исполнители закона чувствовали себя униженными происшедшим эпизодом. Им было в высшей степени неприятно отметить в рапорте, что один небооруженный человек расправился с целым отрядом, а затем улизнул так ловко, как будто и не существовал.

Полицейский, оставшийся на улице, клялся и божился, что никто не прыгал из окна и вообще не покидал здания с того момента, как его товарищи вошли туда. Все думали, что он лжет, хотя все сказанное им являлось чистой правдой.

Когда Тарзан очутился на телеграфном столбе, он взглянул вниз, желая по привычке, усвоенной в джунглях, увериться в безопасности предстоящего пути. Это было к стати. Внизу он заметил полицейского. Наверху же Тарзан не видел ничего подозрительного, а потому и полез туда. Верхушка столба находилась на одном уровне с крышей дома. Понадобилось небольшое усилие мускулов, натренированных в прыжках с одного дерева на другое, чтобы перелететь со столба на крышу. По крышам, переходя с одного дома на другой, Тарзан продолжал свой путь, пока на перекрестке улиц не нашел новый телеграфный столб, по которому и спустился на землю. Быстро миновав два-три бульвара, он вернулся в ближайшее ночное кафе, где, умывшись и почистив костюм, скрыл все следы своего путешествия по крышам. После этого спокойно и медленно пошел домой. По дороге, пересекая ярко освещенный бульвар и задержавшись на углу, чтобы пропустить проезжающий мимо автомобиль, он услышал женский голос, назвавший его по имени. В окошке автомобиля Тарзан увидел блестящие глаза Ольги де Куд. Он поклонился в ответ на ее приветствие. Автомобиль исчез за углом.

— Роков и графиня де Куд, оба в один и тот же вечер,— подумал он.— Нет, Париж не так уж велик, в конце концов.

IV

Исповедь графини

— Ваш Париж опаснее моих диких джунглей, Поль,— заметил Тарзан, рассказывая своему другу на следующее утро обо всем происшедшем между ним, апашами и полицией.— Почему они заманили меня туда? Они были голодны?

Д'Арно улыбнулся в ответ на наивный вопрос.

— Не правда ли, мой друг, обитателю джунглей трудно понять обычай цивилизованного мира?— спросил он с усмешкой.

— Цивилизованного мира!— иронически повторил Тарзан, а затем добавил.— Законы джунглей не одобряют неоправданной жестокости. Там убивают ради пищи или самосохранения. Всегда, как видите,— в согласии с великими законами природы. Ваш же цивилизованный человек кровожаднее любого зверя в джунглях. Он убивает ради убийства, и хуже того, пользуется благород-

ным чувством как приманкой для завлечения доверчивой жертвы в губительную западню. Кинувшись на крик о помощи, я попал в руки убийц. Разве может женщина пасть столь низко, чтобы желать гибели своему спасителю. Всей этой историей я обязан Рокову. Именно он устроил засаду, разработал план до малейших деталей, вплоть до последнего заявления женщины в случае неудачи предприятия. Ловушка устроена именно для меня.

— Хорошо,— сказал д'Арно.— Между прочим, это доказывает то, о чем я не раз говорил вам, а именно: по улице Моля не следует гулять ночью.

— Наоборот,— улыбнулся Тарзан,— я убедился в том, что это — единственная достойная внимания улица во всем Париже. Я никогда не позволю себе в другой раз миновать ее. С тех пор, как я покинул Африку, только здесь я испытал в первый раз сильные ощущения.

— Боюсь, что это приключенное может обойтись вам дороже, чем вы думаете,— сказал д'Арно.— Вы еще не знаете парижской полиции. Я же достаточно знаком с нею и могу вас уверить, что она не скоро забудет неприятность, которую вы ей причинили. Рано или поздно они вас поймут и посадят за решетку, как настоящего зверя из джунглей. Понравится ли вам это?

— Они никогда не посадят Тарзана за решетку,— ответил тот мрачно.

В его голосе было что-то такое, что заставило д'Арно пристально посмотреть на своего друга. Стиснутые челюсти и решительное выражение холодных серых глаз внушили лейтенанту мысль о том, что этот большой ребенок не может признавать иного закона для себя, чем закон своей мощной физической силы. Он понял, что нужно предпринять что-нибудь, чтобы помирить Тарзана с полицией прежде, чем между ними начнется настоящая война.

— Вам нужно многому научиться, Тарзан,— сказал он строго.— Человеческий закон должен быть уважаем независимо от того, приходится он вам по вкусу или нет. Ничего, кроме неприятностей для вас и ваших друзей, не принесет спор с полицией. На этот раз я заступлюсь за вас, но впредь вы должны повиноваться закону. Если его представители говорят «киди», вы должны идти, если они говорят «стой», вы должны остановиться. А теперь пойдете к моему приятелю, в управление полиции, и покончим с этим делом на улице Моля.

Через полчаса оба друга вошли в кабинет одного из видных чиновников полиции. Тот принял их чрезвычайно любезно. Он помнил Тарзана еще по первому посещению, два месяца назад, в связи с вопросом об исследовании отпечатков его пальцев.

Когда д'Арно закончил рассказ о событиях прошедшей ночи, чиновник нажал кнопку звонка и до прихода дежурного успел найти в куче бумаг, лежавших перед ним, нужный документ.

— Жюбон,— сказал он вошедшему дежурному,— вызовите ко мне, пожалуйста, всех перечисленных в этой докладной.

— Вы совершили большое преступление, сударь,— продолжил он любезно, обращаясь к Тарзану,— и если бы не объяснения нашего общего друга, закон наказал бы вас весьма сурово. Вместо этого я склонен сделать не совсем обычную вещь. Я вызвал к себе тех, кого вы побили прошедшей ночью. Они выслушают рассказ лейтенанта д'Арно, а затем я предоставлю им самим решить вопрос,— подлежит ли вы наказанию или нет. Вам следует поглубже разобраться в обычаях цивилизованного общества. Многие из того, что кажется вам странным или ненужным, вы должны принять как закон, прежде чем окажетесь в состоянии судить об основаниях и причинах, вызвавших к жизни тот или иной порядок. Полицейские, на которых вы напали, исполнили свой долг. Они ведь ничего не знали о происшедшем. Каждый день они рискуют своей жизнью, охраняя неприкосновенность других людей, вашу в том числе. Они

храбрые люди, и очень удручены сейчас сознанием, что один невооруженный человек справился с целым патрулем. Постарайтесь сделать так, чтобы они забыли об этом.

Дальнейший разговор был прерван появлением четырех полицейских. Увидя Тарзана, они застыли в изумлении.

— Ребята,— сказал начальник,— это тот самый человек, с которым вам довелось встретиться вчера ночью на улице Моль. Он пришел сюда, и добровольно предался нам в руки. Мне хочется, чтобы вы внимательно послушали рассказ лейтенанта д'Арно, который сообщит вам кое-что из жизни этого человека. Вы поймете тогда причины его вчерашнего поведения. Расскажите, дорогой лейтенант!

д'Арно говорил с полицейскими около получаса. Он рассказал о жизни Тарзана в диких африканских джунглях, о том, как борьба за существование заставила его превратиться в свирепого зверя. Им стало ясно, что этот человек, нападая на них, руководствовался велениями слепого инстинкта, а не голосом рассудка. Он не понял их намерений: ему они казались врагами.

— Ваше самолюбие задето тем,— продолжал д'Арно,— что этот человек победил вас. Но вы не должны стыдиться. Разве постыдно уступить ярости африканского льва или испанской гориллы? Вам же довелось меряться силами с тем, чьи мускулы не раз одерживали победу над этими чудовищами черного материка.

Полицейские стояли, глядя на Тарзана и не зная, что им делать дальше. Неожиданно Тарзан подошел к ним и протянул руку.

— Мне очень жаль, что я допустил такую ошибку,— сказал он.— Будем друзьями!

Так было ликвидировано недоразумение. Тарзан стал темой бесконечных разговоров в полицейских казармах, где приобрел четырех преданнейших друзей.

Дома лейтенант д'Арно нашел у себя на столе письмо из Англии от своего друга Уильяма Сесилия Клейтона, лорда Грэйстока. Они переписывались с тех пор, как завязалась между ними дружба, а подружился он во время злополучной экспедиции в поисках Джен Портера, похищенной Теркозом — испанской обезьяной.

— Они обвенчались в Лондоне, через два месяца,— сказал, прочитав письмо, д'Арно. Тарзану не надо было говорить, кто подразумевался под словом «они». Он ничего не ответил и остался внешне спокойным.

Вечером друзья отправились в оперу. Тарзан был погружен в свои думы. Он почти не обращал внимания на спектакль, видя всюду перед собой лицо прелестной американки, и слышал только голос, шептавший ему, что его любовь не остается без взаимности... И эта девушка должна выйти замуж за другого! Он попытался отогнать эти мысли, как вдруг ясно почувствовал устремленный на него пристальный взгляд. Инстинктивно он оглянулся и увидел лицо графини Ольги де Куд, которая сидела неподалеку в ложе и с улыбкой смотрела на него. В ее приветствии Тарзан уловил желание увидеться и в антракте зашел в ложу графини.

— Я так хотела вас видеть,— обратилась она к нему.— Мне очень неприятно, что после того, что вы сделали для меня и моего мужа, я не объяснила вам, почему мы не предпринимаем ничего против наших преследователей. Я боюсь, что вы считаете нас неблагодарными.

— Вы ошибаетесь,— ответил Тарзан,— у меня осталось о вас самое приятное воспоминание. Не думайте, что я требую от вас объяснений. Беспокоили ли они вас с тех пор?

— Они никогда не перестанут беспокоить нас,— ответила графиня печально.— Я расскажу вам обо всем. Это может оказаться полезным для вас, так как я знаю Николая Рокова достаточно хорошо, а он будет пытаться мстить вам. То, что я расскажу, надеюсь, поможет вам предотвратить его преступные замыслы. Я не могу об

этом говорить здесь, но завтра в пять часов я буду ждать вас у себя дома.

— Часы ожидания покажутся мне вечностью,— ответил Тарзан, прощаясь.

Из глубины партера Роков и Павлович заметили Тарзана, сидевшего в ложе у графини. Оба ухмыльнулись.

На следующий день, в половине пятого, смуглый бодротатый человек постучал в дверь особняка графа де Куд. Швейцар впустил его. Они обменялись шепотом несколькими словами. Сначала швейцар задумался над предложением, которое ему, видимо, сделал пришедший, но затем, получив что-то из его рук, провел посетителя по боковому коридору до занавески, скрывавшей маленькую нишу рядом с комнатой, где графиня разливала после обеда чай.

Через полчаса в эту комнату вошел Тарзан.

— Я так рада, что вы пришли,— улыбнулась графиня.

— Ничто не могло бы помешать мне,— ответил он.

Они поговорили об опере, о тех мелочах, которые занимали Париж, об удовольствии возобновления их короткого знакомства, завязавшегося при столь странных обстоятельствах. Это навело их на тему, о которой оба намеревались поговорить.

— Вы удивитесь,— сказала, наконец, графиня,— когда узнаете цель всех преследований Рокова. Она проста. Дело в том, что граф посвящен во многие тайны военного министерства. У него на руках часто бывают бумаги, за которые иностранные державы готовы заплатить баснословные суммы. Ему известны государственные тайны, ради овладения которыми шпионы готовы пойти на насилие, на убийство, на все что угодно. Сейчас у моего мужа хранится документ, обладание которым доставит каждому иностранцу славу и деньги, если он похитит его для своего правительства. Роков и Павлович — русские шпионы. Они не остановятся ни перед чем, лишь бы завладеть этим документом. Тот случай на пароходе — я говорю о карточной игре — был шантажом, чтобы выманить у мужа документы. Удастся проделка с картами, — карьера графа была бы кончена. Вы помешали им. Тогда они решили опозорить меня. Когда Павлович ворвался ко мне в каюту, он предъявил ультиматум: если я раздобуду документ, меня оставят в покое, если нет, то Роков, стоящий за дверьми, пустит слух о том, что я заперлась в каюте с посторонним мужчиной, и сообщит об этом журналистам. Вы подумайте, как это было бы ужасно! Но, к счастью, я знала кое-какие проделки Павловича, за которые его отправят на каторгу, знай о них петербургская полиция. Я шепнула на ухо только одно имя. Он схватил меня за горло и задушил бы, если бы не вы.

— Какие звери! — стиснув зубы, произнес Тарзан.

— Они хуже этого, мой друг,— сказала она,— это дьяволы! Я боюсь за вас, потому что они ненавидят вас. Остерегайтесь их постоянно. Обещайте мне это, потому что мне страшно думать, что вы можете пострадать из-за меня.

— Я не боюсь их,— ответил человек-обезьяна.— Я ходил победителем из схваток с более страшными врагами, чем Роков и Павлович.

Он понял, что графиня ничего не знает про случай на улице Моль, и не упомянул об этом, боясь ее расстроить.

— Я уверена, что вы поймете меня и не осудите слишком сурово.

— Боюсь, что буду очень плохим судьей,— ответила ей Тарзан,— потому что, если бы вы даже совершили убийство, то ваша жертва должна быть благодарна своей завидной участи.

— О, нет,— возразила она,— у меня на совести нет таких преступлений. Но позвольте открыть вам причину того, почему граф и я отказываемся преследовать этих двух людей. Во-первых Николай Роков — мой брат. Николай был плохим человеком, сколько я его помню. Раз-

жалован в армии, причиной чему был грязный поступок по отношению к товарищам, а когда скандал немного утих, отец устроил его на службу в тайной полиции. Много преступлений лежит на совести Николая, но он всегда умел избежать наказания. Недавно он совершил провокацию, предав в руки властей несколько человек, обвиняемых в покушении на царя. Наша полиция всегда рада найти преступников такого рода. Когда же истина обнаружилась, полиция кое-как выгородила брата.

— Неужели всего того, что он предпринял против вас и вашего мужа, недостаточно, чтобы порвать всякие кровные узы между нами? — спросил Тарзан. — Какое же это родство, если он готов опозорить вас?

— Да, но есть еще и другая причина. Я боюсь Николая, потому что он посвящен в один случай из моей жизни... Но лучше расскажу все по порядку, потому что чувствую необходимость рассказать вам это рано или поздно.

— Я воспитывалась в монастыре. Там встретила человека, который внушал мне доверие. Я не знала тогда еще ни людей, ни любви. Мне пришло в голову, что я люблю этого человека, и я, повинувшись ему, бежала из монастыря. Мы должны были обручиться. Я пробыла с ним ровно три часа на глазах у всех — на станции железной дороги и в вагоне. Когда мы прибыли к месту нашей свадьбы, — жениха, представьте мой ужас, арестовали. Он оказался дезертиром и преступником, скрывавшимся от суда, за которым следила полиция почти всех стран Европы. Происшедшее удалось скрыть от моих родителей, но Николай узнал все от «жениха», который оказался его приятелем. Теперь он грозит рассказать об этом графу, если я не исполню его требования.

Тарзан рассмеялся.

— Вы — дитя, — сказал он. — То, что вы рассказали сейчас, никоим образом не порочит вашей чести, и, не будь вы в душе таким ребенком, вы поняли бы это. Сегодня же вечером расскажите вашему мужу эту историю так, как рассказали мне. Я убежден, что она его только рассмешит, и он со спокойным сердцем отправит вашего милого братца в тюрьму.

— Я бы хотела иметь мужество сделать это, — сказала она, — но я так боюсь. Я так привыкла бояться людей.

— Это нехорошо, — сказал Тарзан, несколько смущенный последними словами графини. — Я не могу понять, почему женщина в цивилизованном мире должна бояться мужчины, — существа, созданного для ее защиты. Мне было бы неприятно думать, что хоть одна женщина боится меня.

— Мне кажется, что вас вряд ли можно бояться, — сказала ласково Ольга де Куд. — Я знаю вас очень короткое время, но успела убедиться в том, что вы единственный человек, которого я не боялась бы ни в каком случае. Это странно, потому что вы — такой сильный и грозный. Я удивлялась, с какой легкостью справились вы с Николаем и Павловичем тогда в каюте. Это было непостижимо!

Когда Тарзан вскоре уходил от нее, его поразило крепкое пожатие руки при прощании и та настойчивость, с которой графиня обязала его прийти на другой день. Весь вечер он вспоминал о ее полузакрытых глазах и прекрасных губах, так ласково улыбававшихся при прощании.

Ольга де Куд была милой и красивой женщиной, а Тарзан так одинок и нуждался в женской дружбе, которая одна способна залечить сердечные раны.

Когда графиня «вернулась в комнату, проводив своего гостя, она лицом к лицу столкнулась с Николаем Роковым.

— Когда ты вошел сюда? — воскликнула она, отшатываясь.

— Незадолго до твоего свидания с любовником, — ответил он с отвратительной усмешкой.

— Как смеешь ты говорить это мне, твоей сестре?

— Хорошо, Ольга. Если это не так, готов взять свои слова обратно. В том, что он не овладел тобой, нет твоей вины. Если бы он имел хоть одну десятую часть моего

знания женщин, ты была бы давно в его объятиях. Он — дурак, Ольга! Каждое твое слово, каждый твой жест призывал его, а он не замечал ничего.

Графиня закрыла уши руками.

— Я не хочу слушать тебя! Как смеешь ты говорить мне все это! Завтра же расскажу все Раулю. Он поймет меня, и тогда — берегись, Николай!

— Ты ему ничего не расскажешь, — ответил Роков.

Графиня и в самом деле ничего не сказала своему мужу. Ее положение стало еще мучительнее. Смутная тревога с каждым днем росла, благодаря укорам совести, непомерно преувеличивавшей ее грехи.

V

Неудавшийся заговор

Тарзан стал частым и желанным гостем в доме прекрасной графини де Куд. Иногда он встречал там маленький избранный круг, собиравшийся за вечерним чаем. Но чаще Ольге удавалось под тем или иным предлогом видеться с ним наедине. Раньше она не думала, что ее отношения с Тарзаном выйдут за пределы дружбы, но подсаженная Николаем дурная мысль стала все чаще и чаще наводить ее на размышления о той страшной силе, которая влекла ее к сероглазому молодому человеку. Но она не хотела любить его и не ждала его любви.

Правда, графиня была значительно моложе своего мужа и, сама того не подозревая, жаждала дружбы с человеком более молодым. В двадцать лет мы не решаемся открывать свою душу сорокалетним друзьям. Тарзан был старше ее всего на два года. Она чувствовала, что он способен понять ее. А при этом он был так безукоризненно чист, благороден и предупредителен. Ольга несколько не боялась его, с первой минуты знакомства интуитивно почувствовала, что может довериться Тарзану без страха.

Роков, злорадствуя, наблюдал издали за их быстрым сближением. С тех пор, как ему стало известно, что Тарзан знает о его шпионской деятельности, он стал еще больше ненавидеть человека-обезьяну, боясь, что Тарзан его выдаст. Роков с нетерпением ждал подходящей минуты, чтобы нанести врагу решительный удар, отплатить ему сторицей за унижение и неудачу, виновником которых был молодой человек.

Между тем душевное состояние Тарзана постепенно возвращалось к тому равновесию, из которого было выведено очень давно — с тех пор, как безмятежный покой его родных джунглей нарушила высадка Портера и его спутников. Тарзану было приятно постоянное общение с людьми, окружающими Ольгу, а ее дружба служила источником доброго расположения духа, разгоняла мрачные мысли и действовала как целительный бальзам на его израненное сердце.

Иногда он являлся в дом графа де Куд в сопровождении своего друга д'Арно, который был давно знаком с Ольгой и ее мужем. Граф редко бывал дома во время приемов у жены, так как бесконечные дела, связанные с высоким служебным положением, задерживали его обычно до глубокой ночи.

Роков следил за Тарзаном почти непрерывно. Для осуществления его замыслов нужно было, чтобы Тарзан зашел в особняк графа поздно вечером, но ожидание было напрасным. Случалось, правда, что Тарзан провозжал графиню домой из оперы, но неизменно прощался с нею у дверей, — к чрезвычайному неудовольствию ее «преданного» братца.

Когда стало ясно, что поведение Тарзана не дает повода к изобличению его в компрометирующих поступках, Роков и Павлович решили устроить ловушку при помощи искусственной подтасовки обстоятельств. Шаг за шагом они внимательно изучили распорядок дня графа

де Куд и Тарзана. Их труды, наконец, были щедро вознаграждены. Утренние газеты принесли известие о том, что назавтра назначен вечер у германского посла, причем приглашаются исключительно мужчины. В списке приглашенных стояло имя графа де Куд. Если граф примет приглашение, он, очевидно, вернется домой не ранее полуночи.

На следующий вечер Павлович стал на страже у дома германского посла, выбрав место, откуда видны лица подъезжающих. Ждать пришлось недолго. К дому подкатил автомобиль, из которого вышел граф де Куд.

Павлович только этого и ждал. Он поспешил к себе домой, где находился Роков. Заговорщики дождались одиннадцати часов вечера. Павлович снял с телефонного аппарата трубку и назвал номер.

— Квартира лейтенанта д'Арно? У меня есть поручение к господину Тарзану. Не будет ли он любезен подойти к телефону?

Последовало минутное молчание.

— Господин Тарзан?.. С вами говорит Франсуа, слуга графини де Куд. Осмеливаюсь думать, что господин Тарзан помнит Франсуа, не правда ли?.. У меня, сударь, срочное поручение от графини. Она просит вас приехать немедленно, у нее большая неприятность... Нет, сударь, Франсуа ничего не знает... Позвольте доложить графине, что скоро будете? Благодарю вас, сударь.

Павлович повесил трубку и, оскалив зубы, посмотрел на Рокова.

— Он явится к графине через полчаса,— сказал его товарищ.— Если ты будешь у германского посла через четверть часа, то граф придет домой через сорок пять минут. Вопрос только в том, пробудет ли этот дурак у Ольги хотя бы пятнадцать минут после того, как узнает, что его обманули. Мне кажется, что Ольга не отпустит его от себя так скоро. Вот тебе письмо к графу де Куд. Торопись!

Павлович, не теряя времени, помчался к дому германского посла. У подъезда он передал письмо лакею.

— Графу де Куд. Письмо очень важное. Постарайтесь передать его графу лично и притом немедленно.

Павлович опустил в руку лакея серебряную монету.

Минуту спустя де Куд попросил извинения у хозяина дома и вскрыл конверт. Читая, он чувствовал, что лицо его бледнеет, а рука дрожит.

«Г. графу де Куд»

Некто, желающий спасти честь Вашего имени, считает необходимым сообщить Вам об опасности, угрожающей Вашему семейному очагу. Известный Вам молодой человек, который уже несколько месяцев навещает графиню в часы Вашего отсутствия, находится у нее в настоящую минуту. Если по получении сего Вы немедленно вернетесь домой, то успеете застать их вместе в будуаре Вашей жены.

Ваши доброжелатель».

Через двадцать минут после разговора Павловича с Тарзаном Роков снова снял телефонную трубку и назвал номер аппарата, находившегося в будуаре Ольги.

На звонок отозвалась горничная.

— Я не могу позвать к телефону графиню! Она уже легла.

— Но мне необходимо переговорить с графиней лично,— сказал Роков.— Пусть она наскоро набросит на себя что-нибудь и подойдет к телефону. Передайте, что я звоню снова через пять минут.

Он повесил трубку. Минуту спустя вошел Павлович.

— Ну, что, передано графу письмо?— спросил Роков.

— Должно быть, он находится уже в пути,— ответил Павлович.

— Прекрасно. Наша дама, вероятно, сидит сейчас у себя в будуаре полуголая. Через минуту верный Жак введет к ней без доклада госпождина Тарзана. Несколько минут уйдет на выяснение странных обстоятельств их встречи. Ольга будет очень соблазнительна в своей пау-

тинной ночной сорочке и наброшенном сверху пеньюаре. Она изумится, но вряд ли будет раздосадована тем, что случилось. Если только в жилах ее друга течет не вода, а кровь, то граф, который ворвется в будуар через пятнадцать минут, будет свидетелем очаровательной любовной сцены. Мы с тобой все ловко рассчитали, дорогой Алексей! Пойдем, выпьем на радостях по бокалу абсента за здоровье и благополучие мосье Тарзана. Ведь мы с тобой отлично знаем, что граф де Куд — самый искусный фехтовальщик в Париже и лучший стрелок во всей Франции.

У дверей особняка графа де Куд Тарзана впустил слуга Жак.

— Пожалуйста сюда, сударь,— сказал он, взбегая по широким ступеням мраморной лестницы. Услужливо раздвинув тяжелые портьеры, он с низким поклоном пригласил гостя войти в тускло освещенную комнату. Затем Жак исчез.

В глубине комнаты Тарзан увидел Ольгу, сидевшую перед маленьким столиком, на котором стоял телефон. Она нетерпеливо постукивала пальцами по полированной поверхности столика и не слышала, что кто-то вошел.

— Ольга,— спросил Тарзан.— Что случилось?

Она повернула голову с легким криком испуга.

— Жан,— воскликнула она.— Зачем вы сюда пришли? Кто вас впустил? Что это значит?

Тарзан был ошеломлен, но сразу понял, что он и графиня являются жертвами интриги.

— Так вы не вызывали меня, Ольга?

— С какой стати я стала бы вызывать вас ночью, Жан? Неужели вы считаете меня сумасшедшей?

— Но Франсуа по телефону просил меня прийти сюда немедленно. Он сказал, что я вам нужен, так как вам грозит какая-то опасность.

— Франсуа? Я не знаю никакого Франсуа.

— Он назвал себя вашим слугой. Он даже спросил, помню ли я его.

— Среди наших слуг нет человека по имени Франсуа. Вероятно, кто-нибудь подшутил над вами, Жан,— сказала она со смехом.

— Боюсь, Ольга, что это — очень опасная шутка,— ответил молодой человек.— Шутник не только хотел позабавиться, но и преследовал более серьезные цели.

— Что вы хотите этим сказать?.. Неужели вы думаете?..

— Где граф? — прервал ее Тарзан.

— У германского посла.

— Значит, это новая выходка вашего уважаемого брата. Завтра же об этом узнает граф... Он допросит слуг... Налицо все улики...

— Какой негодяй! — воскликнула Ольга.

Она встала и подошла к Тарзану. В ее глазах было то выражение жуткого недоумения и вопроса, которое охотник видит в глазах несчастной, загнанной лани. Она зашаталась и, чтобы удержаться на ногах, коснулась руками его широких плеч.

— Что нам делать, Жан? — прошептала она.

В ее взгляде, движении, словах было что-то простое и непосредственное, напоминавшее мольбу о помощи, с которой беззащитная женщина первобытных племен обращалась к своему естественному покровителю — мужчине. Тарзан взял одну из теплых маленьких ручек, которые касались его плеч, и сжал ее в своей мощной руке. Это произошло помимо его сознания. Почти так же бессознательно, повинувшись инстинктивному желанию защитить ее от опасности, охватил он другою рукой плечи молодой женщины.

У обоих пробежал по телу электрический ток. Никогда прежде они не допускали себя до такой близости.

Взволнованные, испуганные сознанием своей вины, они встретились глазами. Но вместо того, чтобы противиться своему порыву, Ольга еще теснее прижалась к груди друга, еще крепче сжала руками его плечи. А Тарзан принял маленькую трепещущую женщину в свои могучие объятия и покрыв ее горячими поцелуями.

Между тем Рауль де Куд, прочитав переданное ему лакеем письмо, попросил хозяина извинить его вынужденный и преждевременный уход и тотчас же уехал. Впоследствии он никак не мог припомнить, какой предлог придумал второпях, прощаясь с германским послом... Все его впечатления с минуты получения письма сместились в одно пятно. Только на пороге своего дома он очнулся от забытья и, овладев собой, стал спокойно и осторожно подниматься по лестнице. Почему-то на этот раз Жак распахнул перед ним дверь прежде, чем он добрался до середины лестницы. Граф не обратил на это обстоятельство особого внимания, хотя впоследствии припомнил его. На цыпочках прокрался он по галерее к двери будуара Ольги. В руке граф сжимал тяжелую трость.

Ольга увидела его первая. С криком ужаса вырвалась она из руки Тарзана.

Тарзан едва успел отвести от своей головы страшный удар тростью, которой замахнулся на него де Куд. Раз, другой, третий — обрушилась на него тяжелая палка, и с каждым ударом человек-обезьяна все больше впадал в свое первобытное состояние. С глухим гортанным рычанием разъяренного зверя бросился он на француза.

Вырвав тяжелую, толстую палку из руки графа, Тарзан сломал ее пополам, как камыш, и схватил за горло своего противника.

Сначала Ольга, свидетель чудовищной сцены, не могла шевельнуться от ужаса. Но потом она бросилась на помощь мужу. Человек-обезьяна медленно отнимал у своей жертвы жизнь, трясая ее, как терьер трясет пойманную крысу.

Обезумев, Ольга тщетно пыталась оторвать руки Тарзана от шеи мужа.

— Пресвятая дева! — кричала она. — Вы убиваете его! О, Жан, вы убиваете моего мужа!

Тарзан был глух к ее мольбам. Но вот он швырнул тело графа на землю и, поставив ногу на его грудь, поднял, наконец, голову. По дворцу графа де Куд прогремел ужасный, торжествующий рев обезьяны, которая прикончила свою жертву. Этот ужасный крик разбудил всех слуг и поверг их в трепет.

Ольга опустилась на колени подле тела своего мужа и стала молиться.

Красный туман, застилавший глаза Тарзану, понемногу рассеялся. Окружающие его предметы приняли прежний вид. К нему возвращалось сознание цивилизованного человека. Взор его упал на коленопреклоненную фигуру женщины.

— Ольга! — прошептал он.

Она подняла глаза, ожидая увидеть в его глазах выражение кроважадного безумия. Но теперь в них читалась скорбь и раскаяние.

— О, Жан! — воскликнула она. — Что вы сделали? Ведь он был моим мужем. Я любила его... Зачем вы его убили?

Бережно поднял Тарзан легкое, гибкое тело Рауля де Куд и перенес на кушетку. Затем он приложил ухо к его груди.

— Немного водки, Ольга!

Вдвоем они кое-как раскрыли графу рот и влили несколько капель. Из бледных губ вырвался слабый вздох. Затем де Куд слегка пошевелил головой и еле слышно простонал.

— Он не умрет, — сказал Тарзан, — слава богу!

— Зачем вы это сделали, Жан? — спросила она.

— Я не знаю. Он ударил меня, и я обезумел. Я видел, как это случилось с обезьянами моего племени. Мне не пришлось рассказать вам до сих пор своей истории, Ольга! Было бы лучше, если бы вы знали ее. Может, тогда не произошло бы того, что случилось сегодня... Я никогда не видел своего отца. Матерью я считал дикую обезьяну... До пятнадцати лет я не видел ни одного человеческого существа. Мне было двадцать, когда я впервые увидел белого человека. Немногим больше года

тому назад я был голым, хищным животным в непроходимых джунглях Африки. Не судите меня чересчур строго. Два года — слишком короткий срок для того, чтобы дать дикому человеку то воспитание, которое получила белая раса за много веков.

— Я вас не осуждаю, Жан! — сказала Ольга. — Во всем виновата я одна. А теперь уходите: он не должен увидеть вас здесь, когда придет в сознание. Прощайте.

Печальный, опустив голову на грудь, уходил Тарзан из дома графа де Куд.

Когда он очутился на улице, его рассеянные мысли приняли определенное решение, которое сказало в том, что двадцать минут спустя Тарзан вошел в здание полицейского управления. На его счастье, он встретил агента, знакомого по стычке на улице Моль, который искренне обрадовался человеку-обезьяне и готов был помочь. Тарзан спросил агента, слышал ли он когда-нибудь про Николая Рокова и Алексея Павловича.

— Как же, как же... Оба они зарегистрированы у нас, и, хотя против них чет в настоящее время никакого обвинения, мы все же стараемся не упускать их из виду. Это — обычная мера предосторожности, применяемая ко всем известным нам уголовным преступникам. Но зачем вы спрашиваете о них?

— Мне нужно видеть господина Рокова по маленькому делу. Если вы сообщите его адрес, буду вам премного благодарен.

Через несколько минут Тарзан вышел из полицейского управления с клочком бумаги, на котором была указана улица в одном из сомнительных кварталов Парижа. Молодой человек быстро направился к ближайшей стоянке таксомоторов.

Роков и Павлович были дома и обсуждали возможные варианты событий, происшедших в этот вечер. По телефону они вызвали на квартиру представителей утренних газет, чтобы им первым сообщить сведения о скандале, который на следующий день взбудоражит весь Париж.

Тяжелые шаги послышались на лестнице.

— Однако эти журналисты — проворный народ! Не заставляют себя долго ждать, — сказал Роков.

Улыбка призрачного мгновенно слетела с его лица, когда он увидел суровые серые глаза непрошеного гостя.

— Тысяча дьяволов! — воскликнул он, быстро вскакивая. — Что вам здесь нужно?..

— Сядьте, — сказал Тарзан шепотом.

Приятель не расслышал, но тем не менее, испугавшись его тона, опустились на свои места.

— Вы знаете, зачем я сюда пришел, — продолжал Тарзан тем же зловещим голосом. — Я должен был бы убить вас, но не сделаю этого только потому, что вы — брат Ольги де Куд. Павлович не стоит того, чтобы о нем говорили. Это — глупое и ничтожное существо. Оставляя на этот раз вас, Роков, в живых, до поры до времени пощажу вашего сообщника. Но прежде чем я уйду отсюда, вы исполните два моих требования. Первое — написать полное и откровенное признание в учиненном вами заговоре и подтвердить его своими подписями. Второе — под страхом смерти воздержаться от оглашения событий сегодняшнего вечера в газетах. Если не исполните хотя бы одного из этих требований, будете лежать мертвыми прежде, чем я уйду из этой комнаты. Поняли меня?

Не ожидая ответа, он добавил:

— Торопитесь. Вот вам чернила, перо и бумага.

Роков принял воинственную позу, пытаясь показать своей бравадой, что не боится угроз Тарзана. Через мгновение он почувствовал у себя на горле стальные пальцы человека-обезьяны. Улучив момент, Павлович попытался пробраться к двери, но Тарзан, не выпуская Рокова, поймал беглеца одной рукой и швырнул его в

угол комнаты. Когда лицо Рокова посинело, Тарзан разжал пальцы и бросил жертву в кресло.

Насилу откашлявшись и восстановив дыхание, Роков застыл в кресле, исподлобья глядя на человека, стоявшего перед ним. Павлович тоже пришел в себя и проковылял, по приказанию Тарзана, к своему стулу.

— Теперь пишите! — сказал человек-обезьяна. — Если вы снова выведете меня из себя, я не буду так мягок, как до сих пор.

Роков взял перо и начал писать.

— Помните, что вы не должны упустить ни одной подробности, ни одного имени, — предостерег его Тарзан. Вскоре послышался стук в дверь.

— Войдите! — сказал Тарзан.

Вошел бойкий молодой человек.

— Я слышал, что мосье Роков желает сообщить мне любопытный материал для газеты, — сказал он.

— Вы ошибаетесь, сударь! — ответил Тарзан. — Неправда ли, дорогой Николай, ведь у вас нет никакого материала для газеты?

Роков, склоненный над бумагой, на мгновение поднял лицо, искривленное мрачной гримасой, и проворчал:

— Да, у меня нет никакого материала для газеты — пока...

— И никогда не будет, мой дорогой Николай? — резко оборвал его Тарзан.

Репортер не заметил зловецкого блеска, вспыхнувшего в глазах Тарзана, но Роков мгновенно смирился.

— И никогда не будет, — покорно повторил он.

— Мне очень жаль, что вы понапрасну беспокоились, сударь. Спокойной ночи!

Сказав это, Тарзан выпроводил бойкого молодого человека за порог и закрыл перед его носом дверь.

Час спустя Тарзан вышел из комнаты Рокова, унося в кармане объемистую рукопись.

— Если бы я был на вашем месте, — сказал он на прощание Рокову, — то немедленно покинул бы Францию. Рано или поздно, как только мне представится возможность покончить с вами, не компрометируя при этом вашу сестру, я непременно воспользуюсь случаем.

VI Дуэль

Вернувшись домой, Тарзан нашел своего друга д'Арно спящим. Тарзан не захотел его тревожить и только на следующее утро передал во всех подробностях происшествия минувшего вечера.

— Как глупо я себя вел! — заключил он рассказ. — Де Куд и его жена были моими лучшими друзьями. Чем я заплатил им за сердечное отношение ко мне? Я едва не задумал графа, опорочил доброе имя его жены. Боюсь, что я навсегда расстроил их семейное счастье.

— Вы любите Ольгу де Куд? — спросил д'Арно.

— Если бы я имел малейшее основание предполагать, что она меня любит, я не ответил бы вам на этот вопрос. Но, не боясь оскорбить ее чувство, могу решительно сказать, что не люблю ее и она меня не любит. Мы оба были жертвами минутного безумия, которое прошло бы так же внезапно, как появилось, если бы де Куд не вернулся в это время домой. Как вам известно, я мало знал женщин. А Ольга де Куд так прекрасна! Ее красота, беззащитность, обращение ко мне за помощью, — и при этом слабое освещение комнаты и другие соблазняющие обстоятельства вечера оказались сильнее меня. Может быть, другой, более культурный человек, преодолел бы свой порыв в такую минуту, но ведь ты знаешь, что культура коснулась только моего платья...

— Нет, Париж — не для меня, — продолжал он. — Я знаю, что буду то и дело оступаться и попадать в

ловушку. Придуманные людьми правила поведения утомляют меня. Мне кажется, я нахожусь в тюрьме. Я не выношу этого ощущения, мой друг, и поэтому хочу вернуться в родную чащу, к той жизни, для которой рожден.

— Не принимайте все слишком близко к сердцу, — ответил д'Арно. — Вы сделали все возможное для того, чтобы исправить свою ошибку. Немногие из так называемых цивилизованных людей поступили бы при таких обстоятельствах столь благородно, как вы. Что же касается отъезда из Парижа, то, мне кажется, следовало бы подождать, пока вы не узнаете ближайших намерений Рауля де Куд.

д'Арно не ошибся в предположении, что Рауль де Куд вскоре даст о себе знать.

Неделю спустя, около 11 часов утра, когда Тарзан и д'Арно сидели за завтраком, им доложили о приходе господина Флобера, который в изысканно учтивых выражениях передал господину Тарзану от господина графа де Куд вызов на дуэль.

— Не поручит ли господин Тарзан кому-либо из своих друзей обсудить со мной в кратчайший срок детали предстоящей дуэли. к полному удовлетворению обеих заинтересованных сторон?

— Разумеется, господин Тарзан будет рад передать защиту своих интересов лейтенанту д'Арно. Что же касается срока, то господин д'Арно навестит господина Флобера после обеда.

После долгих поклонов учтивый гость ретировался. Когда друзья остались одни, д'Арно посмотрел на Тарзана испытующим взглядом.

— Ну что? — спросил он.

— Теперь мне предстоит прибавить к своим грехам либо убийство, либо самому быть убитым. Как видите, я быстро усваиваю обычаи моих цивилизованных братьев.

— Какое оружие вы изберете? Говорят, что де Куд с одинаковым совершенством владеет шпагой и пистолетом.

— Мне следовало бы, в таком случае, выбрать отравленные стрелы на расстоянии двадцати шагов или копьа на том же расстоянии, — ответил Тарзан со смешком. — Впрочем, пускай будут пистолеты!

— Он убьет вас, Жан!

— Я в этом не сомневаюсь. Надо же когда-нибудь умереть.

— Остановимся лучше на шпагах. Может быть, он удовольствуется тем, что только ранит вас, да и раны, нанесенные холодным оружием, реже бывают смертельны, чем огнестрельные.

— Пистолеты! — в голосе Тарзана звучала решительность.

д'Арно попытался было уговорить его, но тщетно.

д'Арно вернулся после встречи с господином Флобером около четырех часов дня.

— Все обдумано, — сказал он. — Завтра на рассвете, на пустынной дороге близ Этан. Господин Флобер настаивал на этом из каких-то одному ему известных соображений. Я не возражал.

— Прекрасно! — таким было краткое заключение Тарзана.

В течение вечера он ни разу, даже косвенно, не упомянул о предстоящей дуэли. Ночью написал несколько писем и, запечатав их, вложил в один конверт, адресованный на имя д'Арно. Затем стал раздеваться, причем д'Арно слышал, как он напевал игривую песенку, которой научился в мюзик-холле. д'Арно сердито ворчал про себя. Он был сильно сокрушен, так как не сомневался в том, что солнце, которое встанет на следующий день, увидит труп его друга. Беззаботность Тарзана раздражала его.

— Это — самый подходящий час для убийства, — заметил человек-обезьяна, когда его подняли с удобной постели в черные предрассветные часы. Тарзан крепко

спал в эту ночь, и поэтому ему казалось, что едва только он успел положить голову на подушку, как почтительный слуга пришел его будить.

Он сказал об этом лейтенанту д'Арно, который стоял совершенно одетый в дверях его комнаты. Д'Арно почти не спал в эту ночь. Он был нервен и склонен к раздражению.

— Вы, конечно, спали как младенец? — спросил он. Тарзан засмеялся.

— По вашему тону, Поль, можно подумать, что вы считаете это проступком. Простите, я ничего не мог поделать с собой!

— Нет, Жан, я не считаю сон проступком, — сказал д'Арно, улыбаясь. — Но меня выводит из себя равнодушные, с которым вы относитесь к дуэли. Можно подумать, что вы отправляетесь позабавиться в тир, а не на поединок с одним из лучших стрелков Франции.

Тарзан пожал плечами.

— Я готовлюсь искупить свою вину, Поль. Если бы мой противник был плохим стрелком, это не было бы искуплением. Почему же я должен быть недоволен? Разве вы не сказали, что Рауль де Куд — отличный стрелок?

— Вы хотите сказать, что надеетесь быть убитым? — воскликнул д'Арно в ужасе.

— Нет, я не могу сказать, что надеюсь на это. Но вы сами понимаете, что вряд ли мне суждено остаться в живых.

В глубоком молчании сели они в автомобиль д'Арно и помчались по дороге, ведущей в Этан. Каждый из них был занят своими мыслями. Д'Арно одолевала глубокая грусть, так как он искренне любил Тарзана.

Дружба, связывавшая этих двух людей, столь различных по характеру и воспитанию, становилась с каждым днем все теснее благодаря общности убеждений и вкусов. Обоих привлекали высокие идеалы доблести и чести.

Человек-обезьяна погрузился в воспоминания. Перед ним вновь вставали картины его счастливой жизни в джунглях. Он припоминал бесконечные часы, которые проводил в детстве в покинутой хижине своего покойного отца. Он сидел там на столе, поджав ноги и наклонив свое коричневое тельце над книжкой с чудесными картинками, по которым без всякой посторонней помощи разгадал тайну печатных слов задолго до того времени, когда ушей его коснулись звуки живой человеческой речи.

Улыбка блаженства озарила мужественное лицо Тарзана, когда в его памяти встал лучший день его жизни, который он провел наедине с юной Джен Портер в девственных лесах его родины.

Воспоминание прервала неожиданная остановка автомобиля. Они прибыли к условному месту. Мысли Тарзана вернулись к настоящему. Он знал, что ему грозит смерть, но страха не испытывал. Обитателя лесной чащи смерть подстерегает на каждом шагу. Главный закон природы велит ему всеми силами стремиться к сохранению жизни, бороться за нее. Но природа учит и не боится смерти.

Д'Арно и Тарзан прибыли первыми к месту дуэли. Минуту спустя приехали де Куд, господин Флобер и третий незнакомец. Его представили Тарзану и д'Арно как доктора.

Д'Арно и Флобер обменялись несколькими словами, произнесенными шепотом. Граф де Куд и Тарзан стояли в это время на противоположных концах поляны. Секундantly проверили пистолеты.

Затем господин Флобер сообщил соперникам правила дуэли. Они должны стать один подле другого, повернувшись друг к другу спиной, а по сигналу господина Флобера разойтись в противоположные стороны. Пройдя десять шагов, они обязаны остановиться, повернуться лицом друг к другу и, по сигналу лейтенанта д'Арно, од-

новременно начать стрельбу. Стрелять они могут три раза, либо до тех пор, пока один из противников не упадет.

Пока господин Флобер говорил, Тарзан вынул из портсигара папиросу и закурил. Де Куд был олицетворением спокойствия, — разве не он первый стрелок Франции?

Наконец господин Флобер кивнул д'Арно. Они поставили противников на позиции.

— Готовы ли вы, господа? — спросил Флобер.

— Вполне, — ответил де Куд.

Тарзан кивнул головой. Флобер дал сигнал. Он и д'Арно отошли немного назад, чтобы не оказаться на линии огня. Противники разошлись.

Шесть шагов, семь, восемь...

У д'Арно на глазах показались слезы. Он очень любил Тарзана... Девять шагов, десять...

Бедный лейтенант вынужден был дать, наконец, сигнал, прозвучавший для него самого как смертный приговор другу.

Де Куд быстро повернулся на месте и выстрелил. Тарзан слегка вздрогнул. Его пистолет все еще болтался на боку, на привязи. Де Куд помедлил немного, как бы ожидая, что противник свалится на землю. Он был слишком опытен, чтобы не видеть, что попал в цель. И все-таки Тарзан не протянул руки к своему пистолету.

Де Куд выстрелил во второй раз, но поведение противника, равнодушные, которым веяло от его исполинской фигуры, заставшей в бездеятельной позе, спокойно попыхивавшей папиросой — все это обескуражило лучшего стрелка Франции. После второго выстрела Тарзан даже не вздрогнул, но де Куд знал, что и на этот раз не промахнулся.

Внезапно француза осенила мысль: его противник решил спокойно ждать трех его выстрелов в надежде, что ни одна из полученных ран не свалит на землю. А потом он спокойно, хладнокровно, не опасаясь больше за себя, использует три законных выстрела. Легкий холодок пробежал по спине графа. Это был адский, дьявольский план. Разве не дьявол стоял перед ним в образе человека, который, несмотря на вонзившиеся в его тело две пули, спокойно и равнодушно ждал третьей...

В третий раз де Куд прицелился еще тщательнее. Но его нервы были расшатаны. Он промахнулся. Между тем Тарзан так и не дотронулся до пистолета.

Несколько мгновений противники молча стояли друг против друга. Лицо Тарзана выражало разочарование, на лице графа читалось выражение ужаса, да, ужаса!

Он больше не в силах был сдерживать себя.

— Пресвятая дева!.. Стреляйте же! — крикнул граф Тарзану.

Но Тарзан не поднял своего пистолета. Вместо этого он сделал несколько шагов по направлению к графу де Куд и, когда д'Арно и Флобер, не поняв его намерений, хотели броситься на защиту графа, — он поднял левую руку, чтобы успокоить их.

— Не бойтесь, — сказал он, — я не причиню ему вреда.

Поведение Тарзана противоречило всем правилам, но все же они остановились. Тарзан подошел вплотную к графу де Куд.

— Вероятно, у вас пистолет не в порядке, — сказал он. — Возьмите мой и попробуйте выстрелить еще раз.

Тарзан взял свой пистолет и, повернув его прикладом вперед, протянул изумленному противнику.

— Ради бога, что вы делаете? — воскликнул граф. — Вы с ума сошли!

— Нет, мой друг, — ответил человек-обезьяна, — просто я заслуживаю смерти. Только смертью я могу искупить свою вину перед очень хорошей женщиной. Возьмите мой пистолет...

— Но ведь это было бы убийством беззащитного! —

сказал де Куд.— И в чем заключается ваша вина по отношению к моей жене?.. Ведь она поклялась мне, что...

— Я не об этом говорю,— поспешно ответил Тарзан.— Вы видели все, что произошло между нами. Но и этого достаточно, чтобы боосить тень на ее имя и разрушить счастье человека, к которому я не питал никакой вражды. Во всем виноват я один, и поэтому я хотел умереть сегодня. Я разочарован в вас, так как все говорят о вас как прекрасном стрелке.

— Вы говорите, что виноваты вы один,— жадно переспросил де Куд.

— Да, только я. Ваша жена — благородная женщина. Она любит только вас. То, что вы видели, произошло по моей вине. Но в нашей встрече в ту ночь неповинны ни я, ни она. Вот документ, который подтвердит мои слова.

Тарзан вынул из кармана показание, написанное Рокковым, и протянул графу. Де Куд взял листок. Д'Арно и Флобер подошли ближе. Они были крайне изумлены скончанием странной дуэли, но никто из них не вымолвил слова, пока граф не кончил читать.

Прочитав до конца, де Куд взглянул на Тарзана.

— Вы — доблестный и благородный человек,— сказал он.— Я счастлив, что не убил вас.

Де Куд был французом. Французы — народ экспансивный. Он протянул руку Тарзану и заключил его в свои объятия. Флобер обнял лейтенанта д'Арно. Только доктору некого было обнять. Может быть, чувство обиды заставило его вмешаться и попросить позволения осмотреть раны Тарзана.

— Вы были ранены, по крайней мере, один раз, а может быть, и три...

— Два,— поправил его Тарзан,— сначала в левое плечо, а затем — в левый бок, но, кажется, ни одна из ран не серьезна.

Все же доктор настоял на том, чтобы Тарзан лег на траву и позволил промыть и перевязать раны. После дуэли все вернулись в Париж в автомобиле д'Арно. С души Рауля де Куд точно свалилось тяжелое бремя, когда он получил двойное подтверждение верности своей жены. Правда, Тарзан взял на себя больше вины, чем этого требовала справедливость. Но если он и лгал немного, то только потому, что защищал честь женщины. А это благородная ложь.

Человек-обезьяна пролежал в постели несколько дней. Он считал это лишним и нелепым, но доктор и д'Арно так настаивали, что он подчинился их воле, не переставая смеяться над своим положением.

— Это так смешно — лежать в постели из-за булавочного укола,— говорил он д'Арно.— Была ли у меня такая мягкая и удобная постель во время детства, когда Болгани, величайшая горилла, почти разорвала меня на куски? Я лежал тогда несколько недель под сенью дружественного куста, и только Кала, бедная, преданная мне Кала, ухаживала за мною. Она не давала насекомым тревожить мои раны и стерегла от нападения хищных зверей... Когда я просил воды, она приносила мне ее во рту — другого способа у нее не было. Ни стерилизованной марли, ни антисептического бинта! Наш доктор сошел бы с ума, увидь он, в каких условиях я лежал. И выкарабкался. А теперь лежу в постели из-за таких ничтожных царапин, на которые дикие жители нашей чащи не обращают никакого внимания, если только эта царапина не на носу.

Как только Тарзан встал с постели, он совершенно неожиданно для него самого должен был уехать из Парижа. Произошло это так. Несколько раз во время болезни его навестил де Куд. Узнав, что Тарзана тревожит вопрос о приискании каких-нибудь занятий, граф предложил свои услуги. В тот день, когда молодому человеку впервые позволили покинуть постель, он получил от Рауля де Куд приглашение явиться пополудни в служебный кабинет графа. Граф от души поздравил недавнего соперника со скорым выздоровлением. С того утра, ког-

да они встретились у барьера, граф ни разу не упомянул в разговоре с ним ни о дуэли, ни об обстоятельствах, послуживших причиной столкновения.

— Мне кажется, я нашел занятие, как нельзя более вам подходящее,— сказал Рауль де Куд.— Служба, которую я хочу вам предложить, очень ответственна и требует смелости и физической силы. Я не могу назвать ни одного человека, который бы больше вас соответствовал этим требованиям. Эта служба связана с отъездом из Парижа. В будущем она откроет вам дорогу к значительно более видному положению, вероятно, по министерству иностранных дел.

Вначале же вы будете специальным агентом при военном министерстве. Я сейчас представлю вас вашему будущему начальнику, который лучше меня объяснит предстоящие обязанности. А потом решайте: приемлема для вас эта должность или нет.

Де Куд лично проводил Тарзана в кабинет генерала Рошера, начальника отделения военного министерства. Представив его генералу и дав блестящую характеристику личных качеств Тарзана как право на ответственную должность, он удалился.

Через полчаса из кабинета вышел и Тарзан, зачисленный в штат министерства. Это была первая служба за всю его жизнь. Радостно возбужденный, спешил он домой, чтобы поделиться со своим другом приятной вестью. Наконец-то он будет представлять собою какую-то определенную величину в мире. Будет зарабатывать деньги и, что важнее всего, получит возможность путешествовать и видеть свет.

Едва переступив порог гостиной д'Арно, Тарзан начал взволнованно рассказывать лейтенанту о своих успехах. Его друг отнесся к новостям менее радостно.

— Вы как будто радуетесь своему отъезду из Парижа и тому, что расстанетесь со мной на долгое время. Вы — самое неблагодарное животное, Тарзан, вот что я вам скажу.

Д'Арно шутиливо надулся.

— Нет, Поль,— ответил Тарзан,— я, в сущности, большой ребенок. Сейчас мне подарили новую игрушку, и я вне себя от радости.

На следующий день Тарзан покинул Париж. Маршрут поездки — Марсель — Оран.

VII

Танцовщица из Сиди-Аиссы

Первую миссию, порученную Тарзану, не назовешь особенно интересной и важной. Правительство имело основание подозревать одного из лейтенантов спаги (алжирской туземной кавалерии) в неблагоприятных связях с представителями, точнее шпионами, одной из европейских великих держав.

В распоряжении лейтенанта Жернуа, находившегося в данное время в Сиди-бель-Абессе, имелась важная военная информация, полученная им в служебном порядке во время его прежней службы при генеральном штабе. Офицера подозревали в том, что он ведет переговоры с одной из великих держав относительно продажи этой информации. Основанием для подозрения явился туманный намек, брошенный некой знатной парижанкой в пылу ревности. Но генеральные штабы так заботливо охраняют свои тайны, а измена является столь серьезным преступлением, что одного намека бывает достаточно, чтобы навлечь на человека тяжелое подозрение.

Вот почему Тарзан очутился в Алжире под видом американца — охотника и туриста, чтобы удобнее следить за лейтенантом Жернуа. Он предвкушал удовольствие увидеть снова родную Африку, но пейзаж северной ее части был так не похож на тропические леса! В Оране он провел день, бродя по узким, извилистым улицам

арабского квартала, любуясь странной, не знакомой ему жизнью. На следующий день он был уже в Сиди-бель-Абессе, где передал свои верительные письма гражданским и военным властям, от которых, тем не менее, скрыл истинные цели командировки.

Тарзан обладал достаточным знанием английского языка, чтобы сойти между арабами и французами за американца. Впрочем, когда он встречал англичан, то говорил по-французски, чтобы не выдать себя. Со всеми другими беседовал по-английски, рассчитывая, что даже те из них, кто знает язык, не заметят легких не-правильностей его произношения. Он познакомился со многими французскими офицерами и вскоре стал общим любимцем.

Лейтенант Жернуа оказался мрачным, молчаливым субъектом тридцати с лишним лет, державшимся в стороне от своих сослуживцев.

В течение месяца жизнь текла спокойно. Жернуа не встречался ни с одним человеком, которого, даже обладая большой фантазией, можно было принять за агента иностранной державы.

Тарзан начал уже думать, что весь шум, поднятый вокруг имени лейтенанта Жернуа, безоснователен. В это время тот был отправлен в Бу-Сааду, в Малую Сахару, довольно далеко на юг...

Отряд спаги должен был сменить отряд, уже находившийся там. Один из офицеров — капитан Жерар — оказался хорошим знакомым Тарзана, а потому желание Тарзана присоединиться к отряду с целью поохотиться не возбудило ни в ком ни малейшего подозрения.

В Буиरे отряд пошел с поезда и в дальнейший путь отправился уже верхом.

Проезжая по одной из улиц в Буире, Тарзан заметил, что какой-то европеец бросил на него пристальный взгляд из дверей туземной кофейни. Тарзану не удалось рассмотреть, кто это был, хотя лицо и фигура показались знакомыми. Поездка в Омал утомила Тарзана, не привыкшего долго ездить верхом. Поэтому он, прибыв на место, предпочел мягкую кровать отеля Гросса, в то время как офицеры и солдаты отправились в казармы и на казенные квартиры. И хотя на следующее утро Тарзан встал рано, отряд спаги уже тронулся в путь, прежде чем он успел позавтракать. Тарзан торопился покончить с едой, чтобы успеть догнать спутников, как вдруг его взгляд упал на дверь, которая вела из столовой в примыкавший к ней бар.

К своему удивлению, он увидел там Жернуа, занятого разговором с тем самым неизвестным, которого он заметил в кофейне в Буире. Тарзан не мог ошибиться; было что-то такое в фигуре неизвестного, что отличало его от всех других, хотя он и стоял спиной.

Жернуа оглянулся и поймал пристальный взгляд Тарзана. Неизвестный начал что-то говорить шепотом, но Жернуа прервал его, и оба тотчас же скрылись. Это показалось подозрительным Тарзану. Конечно же, Жернуа и его собеседник покинули бар именно потому, что лейтенант заметил его испытующий взгляд. Кроме того, что-то до неприязни знакомое в спутнике лейтенанта подсказывало Тарзану, что во всем этом таится загадка, раскрыть которую было очень важно в связи с данным ему поручением.

Через секунду Тарзан вошел в бар, но тех, кто интересовал его, там уже не было. Не оказалось их и нигде поблизости на улице.

Свой отряд Тарзан догнал только в Сиди-Аиссе, где солдаты остановились на отдых. Здесь он нашел Жернуа, но уже одного, его собеседник исчез. В Сиди-Аиссе шумел базарный день. Бесчисленные караваны верблюдов, пришедших через пустыню, зрелище живописной восточной толпы побудили Тарзана остаться в Сиди-Аиссе еще на день, чтобы вдоволь налюбоваться ее причудливой жизнью. Тарзан бродил по базару в сопровождении юного араба Абдула, который был рекомендован ему

хозяином гостиницы как хороший слуга и переводчик.

Тарзан выбрал себе коня и, разговорившись с владельцем благородного животного, узнал, что его собеседник — никто иной как Кадур бен Саден, шейх племени бедуинов, обитающих к югу от Джельфы. При посредстве Абдула Тарзан пригласил нового знакомого пообедать вместе с ним. В то время как они втроем пробирались по базару между толпами продавцов и покупателей, среди верблюдов, ослов и лошадей, Абдул держал Тарзана за руки.

— Оглянись, господин, — он указал на чью-то фигуру, прячущуюся за навесом. — Он следит за нами почти с утра.

— Я заметил араба в темно-синем бурнусе и белом тюрбане, — ответил Тарзан, — это он?

— Да. Он мне кажется подозрительным. Следит за нами, чего не подобает делать честному арабу. Нижняя часть лица скрыта повязкой, видны одни глаза. Он — хороший человек, иначе оставил бы нас в покое.

— Он, должно быть, принимает меня за другого, Абдул, — ответил Тарзан. — Здесь нет никого, кто мог бы питать ко мне вражду. Я впервые в этом городе. Он скоро поймет свою ошибку.

— А может быть, он хочет нас ограбить! — возразил Абдул.

— Тогда все, что мы можем сделать, — ждать, пока он не накинется на нас, — засмеялся Тарзан. — Я ручаюсь, что ему не поздоровится в таком случае, — и он постарался забыть об этом, хотя спустя немного времени пришлось об этом вспомнить при весьма неблагоприятных обстоятельствах.

Кадур бен Саден, плотно пообедав, собрался покинуть своего гостеприимного покупателя. В выражениях почтительнейшей дружбы шейх пригласил посетить его дикое владение, где можно найти и антилоп, и оленей, и кабанов, и пантер, и львов — заманчивую добычу для любого охотника.

После обеда Тарзан в сопровождении Абдула снова пошел бродить по улицам Сиди-Аиссы. Его внимание привлекло одно из многочисленных восточных кафе. Опустился вечер, и танцы в кафе были в полном разгаре. Комната полна арабами. Все курили и пили густой горячий кофе.

Тарзан и Абдул заняли места в центре комнаты, хотя ужасающий треск местного туземного оркестра был неприятен такому любителю тишины, как Тарзан. Хорошенькая плясунья, заметив европейское платье Тарзана и почуввав возможность получить награду за танец, бросила ему на колени свой платок, давая этим понять, что ей следует подарить блестящий, звонкий франк.

Когда ее сменила другая плясунья, широкоглазый Абдул заметил, что первая вступила в разговор со стоящими поодаль двумя арабами. За ее спиной находилась дверь, открывавшаяся во внутренний дворик, окруженный галереей, которая вела в комнаты танцовщиц. Один из арабов, объясняя что-то девушке, кивнул головою в их сторону, а та бросила беглый, испытующий взгляд на Тарзана. Вслед за этим арабы исчезли в темноте двора.

Когда снова наступила очередь танцевать этой девушке, она старалась держаться все время как можно ближе к Тарзану, посылая только ему одному свои сладострастные улыбки. Не один злобный взгляд был брошен смуглыми сынами пустыни на степенного европейца, но ни улыбки, ни гневные взгляды не производили на того никакого впечатления.

Снова девушка бросила свой платок ему на колени, и снова в награду ей зазвенел и покатылся, подпрыгивая по полу, блестящий франк. Кончив свой танец, она приблизилась к Тарзану и, наклонившись к нему, быстро прошептала, как бы благодаря его за монету:

— Двое ожидают тебя во дворе. Они хотят убить тебя. Сначала я обещала им заманить тебя, но теперь

вижу, что ты — хороший человек. Уходи скорей, прежде чем они догадаются, что я выдаю их.

Тарзан поблагодарил девушку, обещая, что будет начеку, но совету не последовал. В следующие полчаса не случилось ничего особенного, как вдруг какой-то угрюмый на вид араб вошел в кафе с улицы. Он стал неподалеку от Тарзана и громко, вызывающим тоном сказал несколько дерзких слов по адресу европейцев, но Тарзан не понял их, так как не знал арабского языка. Абдул добросовестно перевел оскорбления.

— Этот человек хочет вызвать ссору, — предупредил Абдул, — и он не один, на его сторону встанут все. Было бы лучше уйти, пока ничего не случилось, господин.

— Скажи ему, что я не трогаю его плясунью, и мне нет дела ни до одной плясуньи в кафе! Хочу только, чтобы меня оставили в покое. Я не желаю ссориться с ним, — пусть и он воздержится от ссоры.

— Он говорит, — ответил Абдул, передав слова своего хозяина арабу, — что кроме того, что вы сам — собака, ваша мать была тоже собакой, а бабушка — гиеной, и что вы, к тому же, — и лжец.

Насмешки по адресу Тарзана, которыми сопровождалась ругательства араба, ясно показывали, на чьей стороне были симпатии. Тарзан не любил шуток над собою, его живо задело слова араба, но он не выказал ни тени раздражения, только встал из-за стола. Легкая улыбка играла на его лице, как вдруг могучий кулак обрушился на голову обидчика. Когда араб свалился на пол, в кафе ворвалось с улицы несколько человек, ожидавших, видимо, сигнала к драке. С криками: «Смерть неверному! Долой христианскую собаку!» они набросились на Тарзана. Тарзан и Абдул были отброшены в противоположный угол комнаты. Юный араб остался верен своему хозяину и, обнажив нож, стоял рядом с ним, готовый к защите.

Сокрушительными ударами своих страшных кулаков Тарзан повергал наземь всех, кто осмеливался приблизиться к нему. Он бился спокойно и молча, все с той же улыбкой на губах. Казалось невероятным, чтобы он или Абдул остались живы среди этой разъяренной толпы, которая окружила их с саблями, ножами, дубинами в руках. Количество нападающих, как ни странно, гарантировало известную безопасность Тарзану и его спутнику. Толпе было так тесно в небольшой комнате, что никто не мог пустить в ход оружие из боязни поранить своего соседа.

Тарзану удалось схватить одного из самых яростных своих противников. Он обезоружил его, а затем, прикрываясь им как щитом, в сопровождении Абдула начал потихоньку отступать к двери, открывавшей путь на темный двор. На пороге он задержался и, подняв своего пленника над головой, бросил его с силой прямо в гущу врагов.

Поднялась невообразимая суматоха, воспользовавшись которой, Тарзан и Абдул выскочили во двор. Дворик освещался только свечами, которые были прилеплены к дверям каждой комнаты.

Едва Тарзан и Абдул выскочили из кафе, за их спиной раздался револьверный выстрел. Две закутанные в плащ фигуры, притаившиеся до того времени в тени лестницы, выскочили из своей засады, продолжая стрельбу.

Тарзан бросился навстречу новым врагам. Через несколько мгновений один из них был обезоружен и брошен со сломанной рукой на землю. Нож Абдула вонзился в другого, когда тот готов был выстрелить в Тарзана почти в упор.

Разъяренная толпа в кафе пустилась в погоню за ускользнувшей от нее добычей. Танцовщицы в страхе погасили свечи, и теперь весь двор освещался только через открытые двери кафе.

Тарзан взял саблю араба, который упал под ударом ножа Абдула, и спокойно ожидал натиска толпы. Внезапно он почувствовал на своем плече легкое прикосновение и услышал женский голос.

— Скорее, скорее. Иди за мной, сюда...

— Идем, Абдул, — сказал Тарзан тоже шепотом, — вряд ли нам будет где-нибудь хуже, чем здесь.

Женщина повела их по узенькой лестнице, находившейся в конце двора. Тарзан заметил золотые и серебряные браслеты на ее обнаженных руках, цепочки из золотых монет, украшавшие волосы. Он узнал в ней ту самую плясунью, которая предупредила его об опасности.

Снизу, со двора, доносились угрожающие крики.

— Сейчас они придут сюда, — прошептала девушка, — хотя ты и дерешься как лев, в конце концов смерть настигнет тебя, но есть выход. Из окна моей комнаты можно выпрыгнуть прямо на улицу.

Совет оказался запоздалым. Преследователи обнаружили их и бросились вверх по лестнице. Передний из нападавших встретил, однако, у цели неожиданное препятствие — острие сабли. С криком боли араб упал вниз, прямо на головы соплеменникам. Поднялась паника. Лестница, не выдержав тяжести и тряски, рухнула вместе с людьми. Тарзан, Абдул и их спасительница оказались одни на верхней площадке.

— Поседем! — воскликнула плясунья. — Они поднимутся по другой лестнице, близкой к моей комнате. Нельзя терять ни минуты!

Едва только они вошли в ее комнату, Абдул услышал, как агрессивная толпа решила разделиться на две части, из которых одной поручалось сторожить улицу, чтобы не упустить неверных.

— Теперь мы пропали! — прошептала девушка.

— Мы? — переспросил Тарзан.

— Да, — ответила она. — Они убьют и меня. Разве я не помогла вам?

Это придавало делу иной оборот. До сих пор Тарзан наслаждался возбуждением битвы и опасности, не думая о судьбе девушки. Он старался обезопасить лишь себя, отступая потихоньку и не желая обращаться в бегство, пока не вынудят обстоятельства. Один он мог бы броситься в самую гущу толпы и, поражая противников ударами направо и налево, как это делает лев, проложить себе путь к спасению. Но теперь это стало невозможным, он обязан позаботиться не только о себе, но и о своих друзьях.

Тарзан подошел к окну. Высунувшись на улицу, он взглянул не вниз, а вверх. Впереди выдавалась низкая крыша. Тарзан подозвал девушку. Крепко охватив ее тонкий стан рукою, человек-обезьяна поднял ее на плечи.

— Подожди здесь, я сейчас спущусь к тебе, — сказал он Абдулу, — а пока загороди дверь всем, что есть в комнате. Задержи их.

Затем Тарзан поднялся на подоконник с девушкой на плечах.

— Держись крепче, — предупредил он ее и через секунду с легкостью и проворством настоящей обезьяны очутился на крыше. Спустил девушку с плеч, он нагнулся над краем крыши и тихонько позвал Абдула.

Тот оказался в окне.

— Давай руку, — прошептал Тарзан. Дверь уже подавалась под ударами преследователей. Она развалилась с треском, и в тот же момент Абдул почувствовал, что сверхчеловеческая сила подняла его в воздух и, как перышко, перенесла на крышу.

План Тарзана удался.

Люди, ворвавшиеся в комнату плясуньи, остановились в изумлении перед волшебным исчезновением беглецов.

VIII

Битва в пустыне

Наши беглецы притаились на крыше. Абдул, прислушивавшийся к гортанным крикам и фразам арабов, переводил их Тарзану.

— Они бранятся с людьми, которые были на улице, обвиняют, что не доглядели. А те, в свою очередь, кричат, что надо обыскать весь дом, а не трусить.

Вскоре шум утих. Тарзан поблагодарил девушку за услугу, которую она оказала иностранцу, чужому для нее человеку.

— Ты мне сразу понравился, — ответила она. — Ты не похож на других, которые приходят в кафе, не оскорблял и был щедр.

— Что же ты будешь делать завтра? — спросил он. — Тебе нельзя возвращаться в кафе, да и в городе вряд ли будешь в безопасности.

— Завтра все будет забыто, — ответила плясунья, — но я бы с радостью не вернулась ни в это, ни в другое кафе. Поэтому и бежала с вами. Ведь я пленница.

— Пленница? — недоверчиво переспросил Тарзан.

— Сказать точнее, рабыня. Меня украли ночью из дуара моего отца, привезли сюда и продали арабу, хозяину кофейни. Около двух лет я не видела родных. Все они далеко на юге и не бывают в Сиди-Аиссе.

— Ты хотела бы вернуться к своим? — спросил Тарзан. — Я могу доставить тебя до Бу-Саады в полной безопасности, а там договорюсь с комендантом, чтобы дал тебе охрану для дальнейшего пути.

— О, господи! — воскликнула девушка, — чем я отплачу тебе за это? Неужели ты сделаешь так много для бедной плясуньи? Но мой отец может вознаградить тебя — и он сделает это. Недаром же он великий шейх, Кадур бен Саден!

— Кадур бен Саден! — воскликнул Тарзан. — Да ведь Кадур бен Саден находится здесь, в Сиди-Аиссе! Он обедал со мною сегодня.

— Мой отец в Сиди-Аиссе? — воскликнула удивленная девушка. — Хвала Аллаху! Я спасена!

— Тише, — прервал ее Абдул. — Слушайте.

Снизу донеслись едва слышимые в ночной тишине голоса.

Тарзан не разобрал отдельных слов, но Абдул и девушка перевели:

— Теперь они ушли, — заметила последняя. — Им почему-то необходимо убить тебя. Чужеземец, который предложил деньги за твою смерть, лежит в доме Ахмед дии Сулефа с поломанной рукой, и он назначил еще большую награду тому, кто убьет тебя по дороге в Бу-Сааду.

— Это тот самый, кто следил за нами на базаре, — воскликнул Абдул. — Я видел его вчера снова в кофейне, его и другого; оба вышли во дворик, поговорив вот с этой девушкой. Это они стреляли, когда мы выбежали из кофейни. За что они хотят убить тебя, мой господин?

— Не знаю, — ответил Тарзан, а затем, после паузы, добавил: — Разве только... — Но он не окончил фразы, потому что мысль, пришедшая в голову, несмотря на то, что только она одна могла объяснить все происшедшее, показалась ему совершенно невероятной.

Улица, дворик и кофейня опустели. Тарзан осторожно спустился на подоконник комнаты танцовщицы, спустил на окно Абдула, а затем и плясунью.

Абдул быстрым взглядом окинул улицу и прыгнул вниз; Тарзан с девушкой на руках последовал за ним. Девушка слегка вскрикнула в испуге, но Тарзан бережно поставил ее на твердую землю.

— Как ты силен, господин! — прошептала она в восхищении. — Ты сильнее, чем лев.

— Мне хотелось бы встретить этого молодца в пустыне, — сказал Тарзан. — Я много слышал о нем.

— Во владениях моего отца ты его увидишь, — пообещала девушка. — Он живет в горах, к северу от нас, и спускается по ночам к дуару моего отца в поисках добычи. Одним ударом лапы лев валит на землю большого быка. Горе тому путнику, который встретит его ночью в пустыне!

Благополучно достигли все трое отеля. Заспанный слуга не соглашался исполнить их просьбу — поискать Кадур бен Садена, откладывая это на утро, но золотой, вложенный в его руку, все изменил. Тарзан боялся промедлить, полагая, что шейх рано утром отправится в обратный путь.

Вскоре слуга вернулся, ведя с собой величавого Кадур бен Садена, видимо, озадаченного столь поздним приглашением.

— Господин оказал мне честь... — начал он, и вздрогнул его упал на стоявшую перед ним девушку. С расprostертыми руками кинулся он к ней. — О, моя дочь! Благодарение Аллаху! — слезы потекли по суровому, мужественному лицу шейха.

Когда вождь племени услышал историю бегства, он протянул руку Тарзану.

— Все мое — твое, мой друг, и даже моя жизнь, — лаконично сказал он, и Тарзан понял, что это — не пустые слова.

Решили отправиться в дорогу ранним утром, чтобы достичь Бу-Саады к вечеру. Для мужчин сравнительно не трудный путь, но для девушки он мог быть утомителен. Тем не менее, она первая настояла на скорейшем отправлении. Несколько часов короткого сна, и небольшой караван выступил в поход.

Вначале хорошая дорога позволяла быстро продвигаться вперед, но затем начались нескончаемые пески пустыни. Лошади вязли на каждом шагу. Кроме Тарзана, Абдула и шейха с его дочерью с ними ехало четыре бедуина из племени шейха, сопровождавших его во время поездки в Сиди-Аиссу... Вооруженные ружьями, они не боялись дневного нападения, надеясь достигнуть Бу-Саады до наступления сумерек.

Дул ветер. Песок поднимался над землей, попадая в глаза людям и лошадям. Вокруг нескончаемые цепи песчаных холмов, а далеко на юге — туманные очертания Атласа. Как непохожа была эта Африка на великолепную, лесистую Африку, в которой Тарзан провел свое детство и юность!

Абдул, который ехал впереди каравана, все время оглядывался назад. Он поднимался на вершину каждого придорожного холма и внимательно вглядывался вдаль. Его бдительность оказалась ненеправдой.

— Смотрите! — воскликнул он. — За нами шесть всадников.

— Твои вчерашние друзья, господин! — заметил спокойно Кадур бен Саден Тарзану.

— Вероятно, — ответил тот. — Я жалею, что мое присутствие может поставить вас лицом к лицу с большою опасностью. Я остановлюсь в ближайшей деревне и узнаю, куда и зачем направляются эти господа. Вы же продолжайте свой путь.

— Если ты остановишься, мы — тоже, — сказал Кадур бен Саден. — До тех пор, пока ты не избавишься от этих людей, мы будем с тобой. Вот и все.

Тарзан только кивнул головой. Он не любил многословия, и Кадур бен Саден сразу проникся к нему искренним уважением, ибо никого так не презирает истый араб, как болтуна.

Абдул весь день следил за таинственными всадниками. Они держались на почтительном расстоянии и во время остановок не пробовали приближаться.

— Они ожидают темноты, — сказал Кадур бен Саден. Темнота наступила прежде, чем они достигли Бу-Саады.

Абдул сумел разглядеть в сгустившихся сумерках, что преследователи начали быстро приближаться, ста-

раясь как можно скорее покрыть расстояние, отделявшее их от караавана великого шейха.

Абдул шепнул об этом Тарзану — он не хотел пугать девушку.

Тарзан придержал лошадей.

— Ты поедешь вперед со всеми, Абдул, — сказал он, — я разделяюсь с ними один!

— Абдул будет с тобою, — ответил молодой араб с решимостью, которая не могла быть побеждена ни угрозами, ни приказаниями.

— Хорошо, — ответил Тарзан. — Вот удобное местечко для засады — камни на верхушке холма. Спрячемся здесь и встретим их как следует.

Они соскочили с лошадей. Передние уже успели уйти довольно далеко и скрылись в вечерней мгле. Вдали уже виднелись огни Бу-Саады. Тарзан осмотрел ружье и вынул револьвер из кобуры. Он приказал Абдулу увести лошадей в сторону, чтобы, в случае перестрелки, животные находились в безопасности.

Тарзан стоял прямо посреди дороги. Ему не пришлось долго ждать. Вскоре до его слуха донесся галоп скачущих во весь опор лошадей, и в темноте проявились смутные контуры двигавшихся белых фигур.

— Стойте! — вскрикнул Тарзан. — Или я буду стрелять!

Всадники остановились. Несколько мгновений ничто не нарушало тишины ночи. Затем послышался шепот, и они рассеялись в разные стороны. Снова пустыня затихла, но тишина эта не предвещала ничего хорошего.

Абдул поднялся на одно колено.

Тарзан напряг все свое внимание. До его слуха донеслась тихая поступь приближавшихся лошадей. Со всех сторон — с севера и с юга, с востока и с запада — они были окружены. Раздался выстрел. Пуля прожужжала над головой Тарзана. Разом отовсюду защелкали затворы и посыпались пули, со зловещим треском взрывавшие песок вокруг Тарзана и молодого араба. Те, в свою очередь, не медлили с ответом. Они целились по вспышке выстрелов, так как самих стрелявших нельзя было различить в темноте.

Стало очевидно, что нападающие окружили их и теперь суживали кольцо, догадываясь, видимо, что противник их малочислен. Один подъехал слишком близко. Глаза Тарзана, привыкшего видеть в темноте, различили фигуру. Раздался выстрел, и испуганная лошадь шаркнулась в сторону уже без всадника в седле.

— Темнота в нашу пользу! — заметил, усмехнувшись, Тарзан.

В это время нападающие словно по сигналу помчались на них. Казалось, схватке наступил конец. Тарзан и Абдул укрылись за камнями.

Началась отчаянная перестрелка. Арабы отступили, готовясь снова повторить свой неудавшийся маневр. Теперь их было только четверо против двоих.

Передышка длилась несколько минут. Тарзан не мог понять — то ли арабы отступили, то ли устроили засаду на дороге. Ему не пришлось долго раздумывать. Раздался залп из четырех ружей. Внезапно ему ответил другой залп, дюжина выстрелов из-за спины арабов. Раздались крики, топот лошадей по дороге в Бу-Сааду.

Нападающие обратились в бегство. Не ожидая приближения своих новых противников, они предпочли умчаться в сторону Сиди-Аиссы. Перед Тарзаном выросли фигуры Кадур бен Садена и его воинов. Старый шейх был чрезвычайно рад, видя Тарзана и Абдула невредимыми.

— Почему ты не сказал, что хочешь устроить засаду? — укоризненно спросил шейх. — Мы бы уничтожили их всех — семеро не двое.

— Засады не получилось бы, — ответил Тарзан, — если бы остановился весь караван. Я не хотел также доставлять вам беспокойства по моему личному делу. Вот почему я и Абдул приняли бой. Кроме того, с тобой

была твоя дочь, не хотелось подвергать ее жизнь опасности.

Кадур бен Саден пожал плечами. Вряд ли его удовлетворило это объяснение.

Перестрелка вблизи стен Бу-Саады привлекла внимание сторожевого патруля. Офицер попросил объяснить причину стрельбы.

— Несколько разбойников, — ответил Кадур бен Саден, — напали на нас, но были обращены в бегство. Двое из них убиты. Из наших никто не пострадал.

Офицер удовлетворился этим и приказал отряду подобраться к убитым.

Двумя днями позже Кадур бен Саден со своей дочерью и спутниками двинулся дальше на юг. Шейх пригласил Тарзана к себе, дочь со своей стороны активно поддержала просьбу. Тарзан не мог, естественно, объяснить истинную причину отказа, поездка в гости отвлекла бы его от ответственного поручения. Он лишь пообещал при первой же возможности воспользоваться приглашением.

Два дня отдыха Тарзан провел в обществе старого шейха и его дочери. Он был очень заинтересован этой расой суровых и величественных воинов, а потому пользовался случаем присмотреться к их жизни и обычаям. Он начал даже приобретать кое-какие познания в языке, участь у черноглазой девушки. С подлинным сожалением распростился он с ними и долго еще смотрел каравану вслед, мечтая о свободной и дикой жизни.

Это были люди в его вкусе. Их суровое существование, полное опасностей и тягот, нравилось Тарзану, которому не могла быть приятна изнеженная жизнь в городах Европы. Эта жизнь привлекала к себе даже сильнее, чем джунгли — потому что здесь были люди, настоящие люди, которых он мог уважать и ценить, и притом оставаться близким к дикой природе, которую так любил. У него мелькнула мысль — исполнив поручение, вернуться сюда и жить рядом с Кадур бен Садедом полудикой жизнью пустыни.

Тарзан повернул лошадей и медленно поехал по направлению к городу. Там он зашел в бар. Было еще утро, время завтрака. В почти пустом офицерском обеденном зале сидел лейтенант Жернуа. К нему подошел одетый во все белое араб и, наклонившись, прошептал что-то на ухо. Во всем этом не было ничего особенного, но когда араб нагнулся к уху лейтенанта, Тарзан заметил, что его распахнувшийся бурнус прикрывал перевязанную и, видимо, сломанную левую руку.

IX

Лев пустыни

В тот день, когда Кадур бен Саден отправился на юг, почта принесла Тарзану письмо от д'Арно. Оно вновь растрезвило старую рану, о которой Тарзан хотел забыть.

«Дорогой друг!

С тех пор, как я в последний раз писал Вам, я успел побывать по делам в Лондоне, где пробыл три дня. В первый же день я посетил Вашего старого друга, совсем неожиданно для него, на улице Генриетты. Вы никогда не угадаете — кого. Никого иного, как г. Самозелья Филандера! Да, это так. Я вижу Ваш недоверчивый взгляд. Но это еще не все! Он настоял на том, чтобы я пошел с ним в отель, где я попал в общество профессора Архимеда Портера, мисс Портер и огромной негритянки, служанки мисс Портер, Эсмеральды. Пришел и Клейтон. Они поженятся очень скоро, так что следует ждать приглашения на свадьбу каждый день.

Когда я остался один на один с Филандером, он сообщил мне по секрету, что мисс Портер уже три раза под разными предлогами откладывала день свадьбы. Он

признался, что, ему кажется, она совсем не склонна выходить замуж за Клейтона, но ее принуждают к тому какие-то посторонние обстоятельства.

Конечно, все они расспрашивали о Вас, но я, помня Ваши инструкции, старался возможно меньше говорить о Вашем прошлом, удовлетворяя их любопытство рассказами о настоящем.

Мисс Портер была особенно заинтересована и задала целый ряд вопросов. Боюсь, что я немножко хватил через край, объясняя мотивы Вашего решения вернуться в джунгли. Я пожалел об этом потом, когда заметил, что это огорчило и опечалило ее.

— Не знаю,— сказала она,— я все же думаю, что бывает более тяжелая участь, чем участь Тарзана, вынужденного вернуться в джунгли. По крайней мере, его совесть будет спокойна. Там бывают минуты безмятежности, дни, полные невиданной красоты. Вам покажется странным, что я, испытывая столько ужасов в этих страшных лесах, иногда страстно хочу вернуться к ним: я не могу не чувствовать, что лучшие минуты своей жизни я провела там.

На ее лице, когда она это говорила, была невыразимая тоска. Я понял ее хитрость. Понял, что в этих словах она хотела передать Вам привет от своего сердца, которое, принадлежа другому, будет всегда учащенно биться при воспоминании о Тарзана.

Клейтон заметно нервничал, когда Вы становились темой разговора. Не знаю, известна ли ему вся правда. Вместе с Клейтоном пришел и Теннингтон. Они — большие друзья. Теннингтон увлечен своей яхтой и намеревается отправиться на ней в плаванье, приглашая с собой всю компанию. Звал и меня, но я ответил, что он и его друзья окажутся когда-нибудь на морском дне, если не поймут, что хрупкая яхта не океанский пароход и не военный крейсер.

Третьего дня вернулся в Париж. Вчера встретил графа и графиню де Куд на скачках. Они осведомились о Вас. Де Куд прямо-таки влюблен в Вас. Ольга прекрасна, как и прежде. Мне кажется, благодаря Вам, она получила урок, который принесет ей много хорошего в жизни.

Ольга просила сообщить Вам, что Николай покинул Францию, получив от нее двадцать тысяч франков отступного. Она довольна, что убрала его раньше, чем он привел в исполнение свою клятву убить Вас при первом удобном случае. Она добавила, что ей также было бы тяжело знать, что у Вас на руках кровь ее брата. Граф заметил при этом, что понадобился бы целый полк Роковых, чтобы убить Вас. Он самого высокого мнения о Вашей силе и храбрости.

Мне приказано вернуться на корабль. Он уходит из Гавра через два дня. Я напишу Вам при первом же удобном случае.

Искренне Ваш Поль д'Арно».

— Боюсь,— подумал Тарзан,— что Ольга совершенно напрасно истратила свои двадцать тысяч франков.

Он снова перечитал ту часть письма, где д'Арно передавал разговор с Джен Портер. Тарзан испытывал при чтении скорбную радость, и это было лучше, чем не испытывать никакой радости.

Следующие три недели прошли незаметно. Несколько раз Тарзан встречал таинственного араба, однажды вместе с лейтенантом Жернуа. Жернуа старался держаться как можно дальше от Тарзана. Он был явно враждебно настроен к нему.

Стараясь не выдать себя и быть тем, кем он значился в своем паспорте, то есть американцем-охотником и туристом, Тарзан провел несколько дней на охоте, поблизости от Бу-Саады. Ему нравилось выслеживать легких, как ветер, газелей, но он никогда не стрелял в них. Какой смысл истреблять самых безвредных и беззащитных созданий? Просто из удовольствия?

Тарзан никогда не убивал ради удовольствия. Он любил радость равной схватки, опьянение победой, осто-

рожное выслеживание добычи, а приходит из города в пустыню, с запасами провизии и всеми орудиями убийства только для того, чтобы лишить жизни изящных, ясноглазых газелей — это казалось ему более жестоким, чем расчетливое, хладнокровное убийство человека.

Тарзан уходил на охоту всегда один — для того, чтобы никто не видел, что он охотится только для виду. Однажды, может быть, именно потому, что не было спутников, он чуть-чуть не лишился жизни.

Медленно ехал он по дну небольшого оврага, как вдруг раздался выстрел. Пуля пробила пробковый шлем. Он тотчас же повернул и быстро поднялся наверх, — холмы были пустынные.

— Да,— заключил Тарзан свои размышления.— Ольга, действительно, напрасно истратила свои двадцать тысяч франков.

В тот же вечер он побывал в гостях у капитана Жерара.

— Ваша охота, по-видимому, была не особенно удачна? — спросил тот.

— Да,— ответил Тарзан,— здесь охота скучна и бедна. Я думаю отправиться на юг, где надеюсь набрести хоть на одного из ваших алжирских львов.

— Прекрасно! — воскликнул капитан.— Завтра мы выступаем в Джельфу. Лейтенант Жернуа и я, с сотней людей, получили приказ отправиться на юг и очистить страну от разбойников. Может быть, мы будем иметь удовольствие вместе поохотиться на льва?

Тарзан был более чем рад. Он не колебался ни секунды в своем ответе, но капитан, наверно, удивился бы, если бы узнал истинную причину его решения.

Но не все, видимо, были так рады предложению капитана. Рядом с Тарзаном сидел Жернуа.

— Вы убедитесь, конечно, что охота на львов во много раз опаснее расстреливания газелей,— заметил капитан Жерар.

— Но и расстреливание газелей, как вы выразились, по-моему, тоже имеет опасную сторону, в особенности, когда едешь один. По крайней мере, я убедился в этом сегодня. А также убедился в том, что, оказывается, не газель самое трусливое животное...

Он как бы случайно взглянул на Жернуа, желая проверить, в какой мере тот причастен к выстрелу в пустыне. Краска залила шею офицера. Тарзан был удовлетворен и быстро сменил тему разговора.

Когда колонна на следующее утро выступила на юг от Бу-Саады, с полдюжины арабов сопровождали ее, образуя арьергард.

— Они не принадлежат нашему отряду,— ответил Жерар на вопрос Тарзана,— а едут с нами за компанию.

Тарзан в достаточной мере изучил характер арабов за время пребывания в Алжире, чтобы догадаться, что не это было истинной причиной. Арабы не любят водить дружбу с европейцами, особенно с французскими солдатами. Затаив в душе подозрение, он не спускал глаз с маленькой кучки людей, двигающейся в четверти мили позади отряда. Они не подвигались ближе даже во время остановок, поэтому он не мог хорошенько разглядеть их.

Тарзан был убежден, что среди этой кучки людей находились его враги, как не сомневался и в том, что все это дело рук Рокова. Но была ли это месть за прошлое, или что-то новое в связи с делом Жернуа, этого он не мог уяснить. Если справедливо последнее предположение, что было весьма вероятно, недаром Жернуа относится к нему с подозрительностью — то он приобрел двух очень сильных противников.

На второй день пути колонна повернула на юго-запад, откуда пришли известия о бесчинствах шайки разбойников. Группа арабов, сопровождавшая отряд от самых ворот Бу-Саады, внезапно исчезла, и никто не мог сказать причину поспешного бегства, равно как и куда они направились.

Все это не нравилось Тарзану, тем более, что Жернуа переговаривался с арабами за полчаса до того, как капитан Жерар отдал приказ об изменении маршрута. Только Тарзан и Жернуа заранее знали о приказе. Тарзан не сомневался в том, что Жернуа сообщил арабам направление дальнейшего пути.

После полудня отряд достиг небольшого оазиса, где был расположен даур шейха, у которого стада были похищены разбойниками, а пастухи убиты. Арабы покинули палатки из козьих шкур и окружили солдат, засыпая их вопросами. Тарзан, который с помощью Абдула делал кое-какие успехи в арабском языке, стал расспрашивать юншу, который состоял при шейхе.

Нет, он не видел шести всадников. В этой местности немало оазисов, возможно, они укрылись в одном из них. Кроме того, многие разбойники обитают в горах, откуда небольшими партиями делают набеги на окрестности, доходя до Омала и Буиры.

На следующий день капитан Жерар разделил отряд на две части. Лейтенанту Жернуа была вверена одна половина отряда, сам капитан возглавил другую. Они должны были очистить от разбойников целую область по ту сторону горного хребта.

— К какому же отряду причислите себя вы, мосье Тарзан? — спросил капитан. — Или, может быть, вас не интересуют дела подобного рода?

— О, напротив, я восхищен! — постарался уверить его Тарзан.

Он затруднился найти подходящий предлог для того, чтобы отправиться с отрядом Жернуа. Но тот сам вывел его из затруднения.

— Если вы, господин капитан, уступите мне удовольствие быть в обществе мосье Тарзана, я сочту за честь пробыть с ним хотя бы один час.

Его тон был необычайно любезен и предупредителен. Тарзан поспешил выразить свое одобрение.

Лейтенант Жернуа и Тарзан конь-о-конь двинулись в путь во главе отряда слогов. Предупредительность и любезность Жернуа оказались, однако, весьма непрочными. Едва они покинули город, как лейтенантом овладела его постоянная молчаливость. Отряд все время двигался вдоль узкого каньона, пока перед глазами не показалась маленькая долина, окруженная обрывистыми утесами. Жернуа приказал остановиться и занялся осмотром местности в бинокль.

— А сейчас мы разделимся на два разъезда, — сказал он.

Лейтенант стал излагать детали своего плана, давать инструкции, а затем повернулся к Тарзану:

— А вы, сударь, будьте добры подождать здесь нашего возвращения.

Тарзан попытался возразить, но тот сразу осадил его.

— Может произойти бой, — сказал он, — а присутствие мирных граждан затрудняет действия войск.

— Но, дорогой лейтенант, — прервал его Тарзан, — я готов и рад быть под вашей командой или под командой одного из ваших сержантов или капралов и сражаться в их рядах. Ради этого я и нахожусь здесь.

— Я был бы очень рад, если бы это было так, — возразил ему Жернуа с усмешкой, которую даже не старался скрыть, а затем кратко добавил. — Вы повинуетесь моим приказаниям, а я предлагаю вам оставаться здесь до нашего возвращения. Покончим на этом! — И, повернувшись, отъехал. Тарзан остался один среди пустынных гор.

Солнце пекло всюду. Человек-обезьяна укрылся в тени ближайшего чахлого дерева и, сидя на земле, развлекался курением. Внутренне он проклинал Жернуа за его проделку. Просто маленькая месть с его стороны, так думал он. Вдруг он подумал, что его враг не настолько глуп, чтобы причинить ему неприятность столь безобидного сорта. Нет, за этим скрывалось что-то другое, по-серьезней! Тарзан поднялся и осмотрел ружье. Обойма

была на месте. Затем вынул свой револьвер. Приняв эти меры предосторожности, осмотрел окружающие возвышенности и овраги, чтобы убедиться, что застать его врасплох нельзя.

Солнце опускалось все ниже и ниже, а саги и не думали возвращаться. Наконец сумерки окутали долину. Тарзан был слишком горд, чтобы поехать обратно в лагерь. Он хотел дать время отряду Жернуа вернуться в долину, где, как он думал, и была назначена общая встреча.

С наступлением ночи человек-обезьяна почувствовал себя в безопасности. Он привык к темноте. Он знал, что никто не сможет приблизиться к нему с такой осторожностью, чтобы обмануть его чуткий слух. Кроме того, его глаза умели различать в темноте, а тонкое обоняние предупредило бы о приближении врага с подветренной стороны. Поэтому он спокойно уснул, прислонившись к дереву.

Тарзан спал несколько часов. Когда проснулся, разбуженный испуганным храпением лошади, луна стояла высоко на небе. В десяти шагах от него стоял тот, кто был причиной тревоги коня.

Громадный, величественный, со сверкающими глазами стоял перед ним лев Нума. Тарзан почувствовал прилив какой-то радости, как при виде старого друга после многих лет разлуки. Несколько мгновений он не шевелился, наслаждаясь могучим видом царя пустыни.

Но вот Нума приготовился к прыжку. Медленно, очень медленно Тарзан прицелился. Он еще никогда не убивал большого зверя из ружья, а всегда защищался копьём, отравленными стрелами, ножом, веревкой или, наконец, просто руками. Теперь он пожалел, что у него нет при себе ножа и стрел, — с ними он чувствовал бы себя уверенней.

Нума низко пригнулся к земле. Стрелять было неудобно, а Тарзан знал, что может произойти в случае промаха. Поэтому он предпочел выстрелить сбоку, а для этого сделал шаг в сторону. Нума, не двигаясь, следил за человеком. Тарзан сделал еще шаг, еще... Теперь он мог целиться между ухом и глазом. Его палец нажал собачку... В этот самый момент Нума сделал прыжок. Испуганная лошадь с такой силой шарахнулась в сторону, что порвала уздечку, и, почувствовав себя свободной, во весь опор умчалась в пустыню.

Никто не избег бы страшного прыжка Нумы. Но Тарзан был необыкновенный человек. С раннего детства его мускулы были приучены действовать с быстротой молнии. Он оказался проворнее, чем лев. Тот, в своем прыжке, налетел на ствол дерева, хотя рассчитывал встретить в этом месте живого человека, а Тарзан сбоку выпустил в него еще один заряд. Лев с ревом упал на песок. Еще два раза выстрелил Тарзан. Лев лежал неподвижно. Над ним стоял уже не мосье Тарзан, а Тарзан-дикарь, поставивший ногу на труп своего врага и потрясающий воздух мощным криком торжества.

Все живое задрожало в диких скалах, услышав этот крик, а внизу, в пустыне, дикие кочевники-бедуины выбежали из своих шатров, встревоженные появлением нового врага, нового похитителя их стад.

Тарзан теперь вполне убедился, что Жернуа и не собирался возвращаться сюда. Однако оставалось непонятным, почему лейтенант покинул его здесь, дав возможность свободно возвращаться в лагерь.

Так как лошадь убежала, он решил тронуться в обратный путь пешком. Едва он добрался до долины, как с другой стороны в нее спустились закутанные в белые бурнусы фигуры... Несколько мгновений они таились за камнями, осматриваясь вокруг, а затем двинулись дальше. Под деревом, где сидел Тарзан, они наткнулись на убитого льва, а потом продолжили свой путь по пустыне вслед за ушедшим Тарзаном, оглядываясь на каждом шагу и прячась за естественные прикрытие, как делают люди, которые охотятся на человека.

X

В долине мрака

Пересекая каньон, освещенный яркой африканской луной, Тарзан думал о джунглях, и только о них. Одиночество и дикая свобода наполняли его сердце жизнью и энергией. Снова он был диким Тарзаном, гордым своей силой, готовым встретить любого врага. Ночные голоса гор были новы для него, и все-таки ухо прислушивалось к ним, как к нежному зову полузабытой любви. Многие из них он узнавал. Вот знакомый кашель леопарда-Шиты. Но нет! Странные ноты слышались в последних протяжных звуках. Это была пантера.

Но вот новый звук — тихий, вкрадчивый — раздался среди других. Человеческое ухо не различило бы его. Вначале Тарзан не мог сообразить, что это такое, но затем понял, что это — шуршание песка под босыми ногами людей. Они шли за ним, шли молча и тихо, как бы подкрадываясь.

Только теперь он понял, почему Жернуа оставил его одного в пустыне. Очевидно, нанятые им арабы несколько опоздали к указанному месту, и им пришлось пуститься в погоню по следам ускользавшей жертвы.

Все ближе и ближе шуршал песок под ногами преследователей. Тарзан остановился и повернулся к ним лицом, с ружьем наготове. Мелькнули в темноте белые бурнусы. Он громко спросил по-французски, что им нужно от него. В ответ раздался выстрел. Тарзан упал на землю ничком.

Арабы не сразу бросились на него. Они подождали некоторое время, чтобы убедиться, что их жертва действительно не может встать. Тогда только они наклонились над телом лежавшего Тарзана. Он не был мертв. Один из напавших замахнулся прикладом своего ружья, чтобы разозлить Тарзану череп, но другой остановил его.

— Если доставим его живым, награда будет вдвое больше, — объяснил он товарищу.

Потом арабы связали ему руки и ноги, взвалили на плечи и тронулись в путь с драгоценной ношей. Спустившись с холма, они повернули на юг и к утру достигли места, где были спрятаны их лошади. Отсюда их путешествие продолжалось с большей скоростью. Тарзан, уже пришедший в себя, был привязан к седлу. Он был только слегка ранен и контужен. Кровотечение прекратилось, но лицо и платье были запачканы кровью. Он не промолвил ни слова с тех пор, как попал в руки арабов, да и они обращались к нему лишь с короткими, отрывистыми фразами.

Шесть часов мчались они по желтым пескам знойной пустыни, избегая всяких встреч, объезжая оазисы, и к полудню достигли дуара в двадцать шатров. Тарзана освободили от веревок. Пленник был окружен толпой мужчин, женщин и детей. Многие из них находили особое удовольствие в издевательствах над ним, в особенности женщины. Одни бросали в него камни, другие били палками. Появился шейх и унял разбушевавшуюся толпу.

— Али бен Ахмет сказал мне, — начал он свою речь, — что этот человек один в горах справился со львом. С какой целью послал нас чужеземец захватить этого человека, я не знаю, так же как не знаю, что он сделает с ним. Все это не мои заботы, но наш пленник герой, и пока он находится в наших руках, мы должны обращаться с ним с величайшим уважением, как с человеком, который один охотится на льва ночью и убивает его.

Тарзан давно слышал о том уважении, которым пользуются среди арабов люди, победившие льва в схватке один на один. Он был счастлив, что судьба так неожиданно избавила его от неизбежных в подобном случае мучений и потехи толпы. Вскоре его привели в шатер, крытый козым мехом, напоили, накормили и связанным положили на ковер. Он мог видеть стражу, которая си-

дела у входа в шатер. Пытаясь освободиться, он убедился, что связали его знатоки своего дела: ни одна веревка не поддавалась усилиям.

Уже в сумерки в шатер вошло несколько человек в арабских одеждах. Один из них выступил вперед и, подойдя к Тарзану, откинул скрывавшее его лицо покрывало. Тарзан узнал зловонные черты Николая Рокова.

Наглая улыбка играла на его губах.

— Ах, мосье Тарзан! Очень рад вас видеть. Но почему не поднимаетесь и не приветствуете вашего гостя? — Затем с отвратительной усмешкой Роков прибавил: — Вставай же, собака! — и ударил Тарзана в бок носком сапога. — А вот тебе еще и еще! — кричал он, продолжая наносить удары куда попало. — Вот моя месть за все прошлое!

Тарзан не отвечал. Он даже не удостоил Рокова взглядом. Наконец стоявший до того в стороне шейх, немой свидетель подлой расправы, вмешался.

— Прекрати! — приказал он. — Убей его, если тебе это нужно, но я не позволю так издеваться над героем в моем присутствии.

— Хорошо, — сказал Роков, — я убью его сейчас же.

— Делай это не в моем дуаре, — ответил шейх. — Что бы ты ни совершил с ним в пустыне — это не мое дело, но я не хочу, чтобы кровь француза пала на голову моего племени. Тогда пришлют карательный отряд, убьют нас, сожгут палатки, угонят стада — и все из-за того, что тебе ненавистен этот человек.

— Ну что ж, — проворчал Роков, — я уведу его в пустыню и там застрелю его.

— Ты уедешь с ним на день пути от моих шатров, — твердо сказал шейх. — Я пошлю своих сыновей проводить тебя, и если ты ослушаешься моего приказания, в пустыне останутся два трупа, а не один!

— В таком случае мне придется ждать рассвета. Уже темно.

— Как хочешь, — сказал шейх. — Но с восходом солнца ты должен покинуть мой дуар. Я не люблю неверных и ненавижу трусов.

Роков еле сдержал себя и с безразличным видом вышел из шатра.

На пороге его он поддался искушению еще раз взглянуть на Тарзана.

— Спокойной ночи, сударь, — сказал он. — Не забудьте помолиться, потому что завтра будет поздно!

Никто не позаботился принести Тарзану пищи и воды после полудня. Он страдал от жажды. Он не знал, стоит ли просить сторожа принести воду. Несколько вопросов, оставленных без всякого ответа, убедили Тарзана в бесполезности каких бы то ни было просьб.

Далеко в горах он слышал рев льва. Он подумал о том, что гораздо безопаснее чувствовать себя между дикими зверьями, чем между людьми. Никогда, за всю свою жизнь в джунглях, его не мучили так безжалостно, как среди цивилизованных людей. Никогда он не был так близок к смерти.

Снова заревел лев. Казалось, он подошел немного ближе. Тарзан почувствовал старое, знакомое ему желание ответить на рев криком своих сородичей. Он совсем забыл о том, что он человек, а не обезьяна.

Тарзан осмотрел свои путы. Как бы он хотел приблизить их к своим зубам! Он был в бешенстве, улавив, что все усилия его освободиться — тщетны.

Лев ревел непрестанно. Было очевидно, что он спустился в пустыню в поисках добычи. Это был рев голодного зверя. Тарзан завидовал его свободе. Никто не связал его веревками и не бросил в угол шатра, как овцу, предназначенную на убой.

Тарзан не боялся смерти, но его ужасало унижение — невозможность биться за свою жизнь, на удар ответить ударом. Возможно, ему удастся найти способ взять с собою в предстоящий далекий путь и Рокова.

Было около полуночи. Тарзан услышал, что дикий властелин пустыни приблизился к дуару. Долгое время царило ничем не нарушаемое молчание, наконец Тарзан услышал шорох осторожно двигавшегося существа. Оно крадлось вдоль стены шатра, с задней стороны его, обращенной к горам. Все ближе и ближе... Он ожидал, внимательно вслушиваясь. Наступила тишина; не слышно было дыхания зверя, притаившегося у шатра. Вот снова легкое движение. Медленно приподнимается задняя завеса шатра, и чье-то тело проскальзывает в образовавшуюся щель...

Зловещая улыбка играет на губах Тарзана. Все-таки Рокв будет обманут! Как он будет взбешен этим! Смерть от когтей льва неизмеримо лучше, чем смерть от рук Роква!

Задняя стена палатки опускается на свое место. Снова — темнота. То, что пролезло в щель между приподнятой завесой шатра и землей, находится уже рядом с ним... Он слышит, как оно подбирается к нему, становится рядом с ним... Тарзан закрывает глаза и ждет удара могучей лапы. На его лицо опускается чья-то нежная рука, и тихий девичий голос шепотом называет его по имени.

— Да, это я, — отвечает он. — Но, ради бога, кто ты?

— Плясунья из Сиди-Аиссы, — слышится в ответ. С этими словами девушка начинает разрезать его путы. Лезвие ножа холодит руку. Еще секунда — и он свободен.

— Идем! — прошептала девушка.

На четвереньках последовал Тарзан за своей избавительницей тем же путем, каким она попала туда. Она ползла, пригнувшись к земле, и наконец остановилась.

— Я не могу понять, — начал Тарзан, — каким образом ты очутилась здесь? Как узнала, что я взят в плен? Почему ты пришла спасать меня?

Плясунья из Сиди-Аиссы улыбнулась.

— Я пришла издалека, и нам придется долго идти, прежде чем минет опасность. Иди за мной, я расскажу все по пути.

Она направилась через пустыню к скалам, возвышающимся вдалеке.

— Я не была уверена в том, что доберусь до тебя, — сказала она наконец. — Лев ходит сегодня поблизости. Мне все время казалось, что он следит за мною.

«Что за храбрая девушка!» — подумал Тарзан и sprисил:

— И ты подвергла себя такой опасности ради чужеземца — незнакомого, неверного?

Она гордо глянула на него.

— Я дочь шейха Кадур бен Садена. Я была бы недостойна быть его дочерью, если бы не спасла человека, который спас мне жизнь тогда, когда считал меня простой плясуньей.

— Несмотря на это, — настаивал он, — ты — храбрая девушка. Но как все-таки ты узнала, что я схвачен и приведен сюда?

— Ахмед дин Таиб, мой двоюродный брат, встретился со знакомым из здешнего племени. Он был в их дуаре, когда тебя привели туда. Приехав домой, он рассказал нам о высоком французе, захваченном Али бен Ахмедом по уговору с другим французом, который хочет убить его. По описанию я узнала, что это — ты. Моего отца не было дома. Я пробовала убедить людей помочь тебе, но все они отказались. Пусть неверные ссорятся и истребляют друг друга, говорили они. Это нас не касается, и если мы вступаемся в дела Али бен Ахмеда, то только навредим себе.

— Поэтому, с наступлением темноты, я пустилась в путь, взяв с собою лишнюю лошадь для тебя. Лошади — здесь, неподалеку. К утру мы уже будем в дуаре отца. Он, наверное, вернулся. Пусть тогда кто-либо попытается отнять у Кадур бен Садена его друга.

Далее они шли молча.

— Странно, что я не вижу лошадей. Они должны быть поблизости.

Девушка остановилась с испуганным криком:

— Они ушли! Я оставила их здесь!

Тарзан наклонился к земле.

— Здесь был лев. По следам видно, что добыча ушла от него. Лошади спаслись, но мы-то их потеряли.

Не оставалось ничего другого, как продолжить путь пешком. К счастью, девушка хорошо знала дорогу. Они шли, разговаривая, не переставая прислушиваться, нет ли за ними погони.

Была прекрасная лунная ночь. Воздух сух и прозрачен. За их спиной лежала безграничная пустыня, с редко разбросанными оазисами. Группа пальм и шатры, покинутые ими, как видение, вырисовывались позади них. Перед ними поднимались суровые, молчаливые горы. Кровь быстрее закипела у Тарзана в жилах.

Вот это — жизнь! Он посмотрел вниз, посмотрел на девушку, шедшую за ним, — на дочь пустыни, следовавшую по стопам сына джунглей, — и улыбнулся. Ему захотелось иметь сестру, похожую на нее. Каким смелым товарищем она была бы ему! Они уже вошли в горы, медленно подвигаясь по крутым склонам.

Каждый погрузился в свои думы. Девушка — о том, успеют ли они достигнуть дуара ее отца прежде, чем их настигнет погоня. Тарзан думал о друге, который бы так же любил дикую жизнь, как он сам. Там, во Франции, у него было много друзей, но они ни за что не променяли бы своих крахмальных воротничков и мягких кресел на привольную жизнь в диких джунглях.

Беглецы внезапно остановились. Прямо перед ними, посреди тропинки, стоял лев-Нума. Его глаза горели, зубы оскалены, он ударял себя хвостом по бедрам. Слышался короткий, страшный рев голодного зверя.

— Нож! — быстро сказал Тарзан. И приказал девушке:

— Беги назад, в пустыню, как можно скорее! Когда услышишь мой голос, возвращайся: значит, все благополучно.

— Зачем бежать? — ответила она. — Нам пришел конец!

— Делай так, как я говорю! Скорее! Лев готов уже броситься.

Девушка отошла на некоторое расстояние и остановилась, будучи не в силах оторвать глаз от ужасной сцены.

Лев медленно подвигался к Тарзану, пригнувшись к земле, дрожа и готовясь к прыжку. Тарзан стоял, сжимая рукоять ножа, лезвие которого блестело при свете луны. За ним — фигура девушки, застывшей и недвижимой, как статуя. Она слегка подалась вперед, тяжело дышала, широко раскрыв глаза. Она была в ужасе и, вместе с тем, — в восторге перед храбростью человека, не побоявшегося встретиться лицом к лицу с царем зверей. Человек ее племени пал бы ниц перед этим чудовищем, отдавая себя в его власть, а здесь — ни одного трезвого движения, ни одного боязливого крика! Спокойствия, выдержки и силы — больше, чем у самого льва.

Зверь был уже совсем близко. Он сжался, как пружина, присел на задние ноги и с ревом взвился вверх, в страшном прыжке.

XI

Джон Колдуэлл из Лондона

Лев бросился на Тарзана, рассчитывал найти в нем легкую добычу, к какой привык во время своих прежних ночных охот. Для него человек был неуклюжим, тяжелым на подъем, беззащитным созданием. Он не питал к нему никакого уважения.

На этот раз, однако, ему пришлось разочароваться. Лев столкнулся с человеком таким же ловким и сильным,

как он сам. Когда мощная лапа зверя опустилась на место, где мгновение назад стояла его жертва,— ее там уже не было. Тарзан ловко увернулся от грозивших ему когтей и прежде, чем лев успел обернуться, сам напал на него сзади и схватил за гриву. Зверь поднялся на задние лапы, как лошадь.

Тарзан ожидал этого: своей стальной рукой он обвил его шею и один, два, десять раз погрузил свой нож в грудь, под лезвую лопатку. Безумен был рев Нумы. Его усилия освободиться были напрасны. Человек крепко держал его в страшных объятиях и опустил уже мертвым. Царь зверей лежал перед ним на земле.

И тут дочь пустыни стала свидетельницей того, что напугало ее еще больше, чем появление льва. Человек поставил ногу на труп зверя и, подняв свое прекрасное лицо, залитое лунным светом, к небу, испустил самый страшный крик, который когда-либо слышали ее уши.

В испуге она отбежала в сторону. Она решила, что в борьбе со зверем ее спутник потерял рассудок. Крик замер в воздухе, и только тогда Тарзан опустил глаза и увидел девушку. Тотчас же на его лице появилась ласковая улыбка— свидетельство его здравого ума— и девушка, улыбнувшись ему в ответ, вздохнула свободно.

— Что ты за существо?— спросила она.— Ты совершил неслыханный подвиг! Я не могу поверить, что человек с одним ножом в руках может преградить путь льву и победить его в борьбе один на один. А этот крик— он не может принадлежать человеку!

Тарзан покраснел.

— Я забываю иногда, что я— цивилизованный человек. Когда я вижу кровь, кажется, что во мне просыпается какое-то другое существо.

Он не мог объяснить ничего больше, так как ему всегда казалось, что женщина должна с отвращением смотреть на того, кто так похож на зверя, как он. Солнце уже взошло, когда они миновали горы, снова спустились в пустыню и среди кустов, у источника, нашли заблудившихся ночью лошадей. Тарзан и его спутница тотчас же вскочили на них и во весь опор помчались к дуару шейха Кадур бен Садена.

Погони не было, и к девяти часам они благополучно достигли цели. Шейх только что вернулся домой и был встревожен исчезновением дочери, считая, что ее снова похитили разбойники. С пятидесятью своими подданными он готов был уже отправиться на поиски в тот момент, когда она сама, в сопровождении Тарзана, приехала в дуар.

Радость шейха по случаю возвращения его дочери была не меньше, чем чувство благодарности к Тарзану, который провел ее через все опасности пустыни.

Старый шейх принял своего белого друга с почтением. Когда девушка рассказала о схватке со львом, удивлению и вопросам не было конца. Арабы готовы были боготворить победителя в этом страшном поединке. Шейх настаивал на том, чтобы Тарзан непременно оставался его гостем. Он хотел даже принять его в свое племя, и на минуту эта перспектива увлекла Тарзана, мечтавшего навсегда остаться среди полудикого народа, с которым у него установилось взаимное понимание.

Его дружба с девушкой была одной из причин, заставивших серьезно задуматься над предложением шейха. Будь она мужчиной, он бы несколько не колебался, потому что знал, что, вступая в племя, приобретает вместе с тем и друга, с которым может вдоволь охотиться и рисковать по пустыне. Но в данном случае между ним и ею встанет непроходимая стена условностей, которые у диких народов пустыни еще более обязательны, чем у цивилизованного человечества. Она выйдет замуж за какого-нибудь воина своего племени, и это будет концом их дружбы.

Поэтому он решил отказаться от первоначального решения и сообщил шейху, что будет его гостем в течение недели.

Дни пролетели быстро, шейх и его пятьдесят воинов проводили Тарзана до самых ворот Бу-Саады. Еще в дуаре, когда отряд готовился сесть на лошадей,— девушка подошла попрощаться с Тарзаном.

— Я молилась, чтобы ты остался у нас,— сказала она ему,— а теперь буду молиться, чтобы ты возвратился к нам!

В ее прекрасных глазах была печаль, а уголки рта дрожали. Тарзан был тронут.

— Кто знает?— ответил он ей вопросом и, повернув коня, поспежал вслед за отрядом.

У Бу-Саады он распрощался с шейхом и его воинами. У него были основания пробраться в город как можно более незаметно. Он поделился своими соображениями с шейхом, и тот вполне одобрил их. Отряд арабов должен был первым вступить в город, не обмолвившись о нем ни словом. Вслед за ними он тоже проберется туда и остановится в каком-нибудь уединенном постоялом дворе.

Под покровом темноты, не замеченный никем, Тарзан проник в город. На другой день, пообедав вместе с Кадур бен Саденом, он отправился в тот отель, где останавливался раньше. Достигнув его окольными путями, Тарзан встретил у входа его владельца. Тот, казалось, был удивлен, увидя своего постояльца живым.

— Да, на имя господина пришла почта. Он может получить ее. Нет, нет, он никому не скажет, что господин возвратился из путешествия.

Несколько писем было передано Тарзану. Одно— от его начальника с приказанием прервать работу в Кейпире и с ближайшим же паромом поспешить в Кейптаун, где он и получит дальнейшие инструкции у лица, имя и адрес которого прилагались при этом. Тарзан решил покинуть Бу-Сааду ранним утром следующего дня.

Затем Тарзан отправился к капитану Жерару, который, по словам хозяина отеля, накануне вернулся во главе своего отряда. Он застал капитана дома. Тот был приятно изумлен и обрадован, увидя Тарзана здоровым и невредимым.

Тарзан объяснил капитану, что заблудился в пустыне и долго бродил по пескам, пока не набрел на шатры Кадур бен Садена, который и доставил его в город.

После этого Тарзан распрощался с Жераром и поспешил обратно к шейху, от которого узнал интересную новость. Какой-то черноробордый европеец поселился с недавнего времени в Бу-Сааде. Он носит арабское одеяние, не так давно его рука была на перезази. Последние дни его не было в Бу-Сааде, а теперь он снова появился на улицах города. Местопребывание его известно. Тарзан решил навестить европейца.

В глубине узкой, извилистой и грязной улицы он нашел указанный дом. Ветхая лесенка вела ко входной двери, рядом с которой было маленькое окошечко. Тарзан подкрался к нему и заглянул внутрь.

Комната была освещена. У стола сидели Роков и Жернуа. Жернуа говорил:

— Роков— вы дьявол! Вы заставили меня расстаться с последними остатками моей совести. Вы довели меня до убийства, так как кровь Тарзана на моих руках. Если бы Павлович не знал моей тайны, я бы убил вас тут же на месте.

Роков засмеялся.

— Вы никогда не сделаете этого, дорогой мой,— сказал он.— В тот момент, как я паду мертвым, Алексей тотчас же поставит военное министерство в известность о ваших делишках. Будьте благоразумны! Я— ваш лучший друг. Разве я не защищал вашу честь так же, как свою собственную?

Жернуа усмехнулся.

— Вы должны уплатить еще некоторую сумму денег,— продолжал Роков,— и отдать мне документы. После этого, даю вам слово, я не буду больше беспокоить вас.

— Еще бы,— ответил Жернуа,— вы отбираете у меня

последние деньги и единственно важную военную тайну, которой я обладаю. Вы должны были бы платить мне за сообщение. Вместо этого мне еще приходится откупаться от вас деньгами.

Роков, казалось, не обратил внимания на последние слова лейтенанта.

— Да или нет? — спросил он. — Я даю вам три минуты на размышление. Если вы не согласитесь, то сегодня же вам будет предъявлено властями то же самое обвинение, которое было предъявлено Дрейфусу, с той, правда, существенной разницей, что тот не был виновен.

Несколько мгновений Жернуа сидел с опущенной головой. Наконец он поднялся и вынул из кармана какие-то бумаги.

— Вот, — сказал он глухим голосом, — я приготовил их, так как знал, что этим все кончится. — Он протянул их Рокову. Тот с улыбкой злобного торжества схватил драгоценные документы:

— Хорошо, Жернуа, больше я вас не буду беспокоить — по крайней мере до тех пор, пока у вас не накопится еще денег и секретных бумаг.

— Никогда! — прошептал Жернуа. — В другой раз я убью вас! Я хотел это сделать сегодня. Целый час перед тем, как прийти сюда, я сидел за своим столом, положив рядом бумаги и заряженный револьвер. Я долго думал и не мог решить, что захватить с собой. Но в другой раз выбор будет не так труден, потому что я уже приготовился к нему. Вы рисковали сегодня своею жизнью, Роков, не дразните же судьбу в другой раз!

С этими словами он направился к выходу. Тарзан прижался к стене, рассчитывая, что открываемая дверь скроет его. На пороге показался Жернуа, за ним — Роков. Никто не говорил ни слова. Жернуа быстро спустился с лестницы. Тарзан услышал вздох облегчения, вырвавшийся из груди Рокова, который вошел в комнату и прикрыл за собою дверь.

Тарзан подождал, пока Жернуа скроется из виду, затем толкнул дверь и очутился в комнате. Он приблизился к Рокову прежде, чем тот успел подняться со стула. Узнав Тарзана, он побледнел.

— Это... вы?

— Я, — ответил Тарзан.

— Что вам нужно?... испуганно прошептал Роков, увидя недобрый блеск глаз Тарзана. — Вы пришли убить меня? Вы не смеете!

— Нет, я смею сделать это, — в голосе Тарзана звучали гневные нотки. — Никто не знает, что вы находитесь здесь и что я пришел сюда. Павлович согласно вашей же инструкции известил всех, кого надо, что это сделал Жернуа. Вы должны быть убиты, Роков, и я убью вас.

Стальные пальцы сжали горло авантюристу. Роков сопротивлялся понапрасну. В руках Тарзана он был похож на мышшь, попавшую кошке в лапы.

Тарзан усадил его в кресло и ослабил мертвую хватку:

— Я дал вам возможность почувствовать, ощутить смерть. Но на этот раз не убью вас. Щажу только ради той женщины, несчастьем которой является родство с вами. Но помните, щажу в последний раз. Если и впредь вы будете беспокоить ее, или ее мужа, или меня — если я услышу, что вы вернулись во Францию или во французские колонии, — я докопчу то, что начал сегодня.

Затем Тарзан повернулся к столу и взял лежащие на нем бумаги. Роков тяжело дышал.

Тарзан просмотрел оба документа. Роков успел только наскоро пробежать их глазами. Вряд ли он мог зрительно запомнить то количество цифровых данных, которые делали их неоценимыми для врагов Франции.

— Это поправится начальнику штаба, — Тарзан сунул бумаги в карман.

Роков застонал. Он не осмелился ничего сказать.

На следующее утро Тарзан выехал из Бу-Саады на север. Проезжая мимо отеля, он увидел на веранде лей-

тенанта Жернуа. Заметив Тарзана, тот поблел, как полотно. Тарзан хотел бы избежать этой встречи, но раз она состоялась, ему не оставалось ничего иного, как издала поздороваться с лейтенантом. Жернуа невольно ответил на его приветствие, провояжая его полными ужаса глазами. Казалось, живой мертвец смотрел на появившееся перед ним привидение.

В Сиди-Аиссе Тарзан встретил знакомого офицера.

— Вы из Бу-Саады? — спросил тот. — Вы ведь выехали рано утром и, наверное, ничего не слыхали о бедняге Жернуа?

— Я попрощался с ним при отъезде, — ответил Тарзан. — В чем дело?

— Он застрелился сегодня, в восемь часов утра.

На второй день пути Тарзан достиг Алжира. До отхода корабля в Кейптаун оставалось два дня. Это время он посвятил составлению подробного отчета о своей командировке. Отправляя пакет в военное министерство, Тарзан не положил туда добытых документов, решив либо передать их доверенному агенту, либо отвезти в Париж лично.

Когда он вступил на корабль, два человека следили за ним. Оба были великолепно одеты и начисто выбриты. Более высокий из них имел рыжие волосы и, вместе с тем, густые черные брови.

Повинуясь указаниям своего начальства, Тарзан путешествовал теперь инкогнито, под именем Джона Колдуэлла, из Лондона. Он не понимал, зачем это нужно, и ломал голову над тем, что ему придется делать в Кейптауне.

— Хорошо, — подумал он, — что я отделался от Рокова. Он уже начал надоедать мне.

За обедом Тарзан оказался рядом с молодой дамой, сидевшей по левую руку от капитана. Тот представил ее:

— Мисс Стронг.

Где он слыхал это имя? Оно было хорошо знакомо ему. Вдруг мать девушки дала ему в руки ключ к разгадке, назвав дочь Элоизой. Элоиза Стронг!.. Сколько воспоминаний связано у него с этим именем!

Ей было адресовано письмо Джен Портер, из которого он узнал о любви к нему прекрасной девушки. Он живо помнит ту ночь, когда украл это письмо со стола, в хижине своего покойного отца, где Джен Портер писала его поздно ночью, не подозревая, что пристальные глаза лесного зверя следят за нею из темноты...

Теперь он вочию увидел Элоизу Стронг — лучшую подругу Джен Портер.

XII

Встреча двух кораблей

Оглянемся на несколько месяцев назад и перенесемся на маленькую железнодорожную станцию в северном Висконсине. Шесть человек на перроне ожидают поезд, который должен увезти их на юг.

Профессор Архимед Портер, заложив руки за спину, прохаживается вдоль платформы под бдительным надзором своего верного секретаря Самюэля Филандера. Увлеченный своими мыслями профессор дважды уже порывался спуститься с платформы и скрыться в лесной чаще, и оба раза его вырвали неусыпные заботы мистера Филандера, возвращающего ученого мужа на место.

Джен Портер, дочь профессора, вяло и принужденно разговаривала с Уильямом Сесилем Клейтоном и Тарзаном. Внутри станции, в зале для ожидания, за несколько минут до этого произошло объяснение, разбившее счастье двух человек. Уильяма Сесилия Клейтона не было в числе этих двух.

За спиной Джен Портер стояла верная Эсмеральда. Она была счастлива. Разве она не возвращалась в родной Мерилэнд?

В вечернем тумане она уже заметила мелькнувшие вдали огоньки приближающегося поезда. Мужчины начали собирать вещи. Вдруг Клейтон воскликнул:

— Черт возьми! Я забыл свое пальто в зале!

— Прощай, Джен,— сказал Тарзан, протягивая ей руку.— Будь счастлива.

— Прощай,— тихо ответила девушка.— Постарайся забыть меня... Нет, нет! Мне будет тяжело думать, что ты позабыл меня...

— Не бойся этого,— ответил он.— Мне следовало бы забыть тебя. Это было бы легче, чем жить с постоянной мыслью о том счастье, которое ушло от меня. Ты будешь счастлива. Скажи всем, что я возвращаюсь в Нью-Йорк. С Клейтоном мне не хочется прощаться. Я не должен сердиться на него, но я не могу оставаться спокойным, когда передо мною находится человек, разлучивший меня с любимой.

Пока Клейтон искал свое пальто, ему попала в глаза телеграмма, валявшаяся на полу. Он поднял ее и стал читать. И вдруг сразу позабыл о своем пальто, о приближающемся поезде, обо всем окружающем, кроме этого маленького листка желтой бумаги. Он перечитал ее дважды, пока уяснил ужасное значение того, что было там написано.

До этого момента он был английским аристократом, гордым владельцем громадных богатств; как только он прочел телеграмму — он превратился в человека без титула и состояния.

Это была депеша д'Арно, адресованная Тарзану:

«Отпечатки пальцев доказывают Вы Грэйсток. Поздравляю.

Д'Арно».

Он пошатнулся, будто получил смертельную рану. В этот момент до него донесся зов его спутников. Поезд уже подошел к платформе. Машинально он взял свое пальто. Он расскажет им все в поезде, решил он.

Уже в купе заметил Клейтон, что Тарзана нет с ними.

— Где Тарзан? — спросил он Джен Портер.— В другом вагоне?

— Нет,— ответила она.— В последний момент он решил вернуться в Нью-Йорк. Оттуда он уезжает во Францию.

Клейтон задумался. Он старался найти подходящие слова для объяснения с Джен Портер по поводу постигшего его несчастья. Согласится ли она теперь выйти за него замуж, — и быть просто госпожой Клейтон? Предъедит ли Тарзан свои права на титул и состояние лорда Грэйстока? Он ведь знал содержание телеграммы, когда спокойно заявил, что ему неизвестны его родители, и признал, что обезьяна Кала могла быть его матерью. Быть может, он сделал это из любви к Джен Портер?

Он не находил другого, более вероятного объяснения. Если Тарзан не обратил внимания на содержание этой телеграммы, можно было ожидать, что он никогда не предъявит прав на титул и состояние Грэйстока.

Какое имеет право он, Уильям Сесиль Клейтон, поступать наперекор желанию этого странного человека, противиться его самопожертвованию? Если Тарзан сделал это ради благополучия Джен, то почему он, чьим заботам она вверена, будет подвергать опасности ее счастье?

Его первый благородный порыв — открыть истину и уступить права их законному владельцу — стушевался за множеством всяких софистических доводов, выдвинутых чувством самосохранения. Все это время он был мрачен и задумчив. Он не мог отогнать от себя мысли, что в один прекрасный день Тарзан пожалеет о своем великодушии и потребует все, принадлежащее ему по закону.

Когда они прибыли в Балтимору, Клейтон решил выяснить мнение Джен Портер насчет возможности ускорения их свадьбы.

— Что вы понимаете под скорой свадьбой? — спросила она.

— То, чтобы она состоялась в ближайшие дни. Я дол-

жен возвратиться в Англию; мне хотелось бы, чтобы к этому времени вы были моей женой.

— Я не могу приготовить все к этому сроку,— отвечала Джен.— Мне нужен, по крайней мере, месяц.

Ее ответ разочаровал его.

— Хорошо, Джен,— сказал он,— вы разбиваете мои надежды, но я покоряюсь: я отложу свое возвращение в Англию на один месяц, тогда мы поедем вместе, хорошо?

Когда назначенный срок пришел к концу, она сумела найти другие отговорки и препятствия, так что Клейтон, в конце концов, был принужден вернуться в Англию один.

Несколько писем, которыми они обменялись между собой, несколько не приблизили его надежд. Тогда он задумал пригласить профессора Портера со всем его семейством, включая Филандера и Эсмеральду, к себе в Англию, надеясь, что здесь Джен не будет так бояться шага, который она не решалась сделать.

Получив приглашение Клейтона, профессор Портер тотчас же объявил, что на следующей неделе он и все его домочадцы едут в Лондон.

Но и в Лондоне Джен Портер не стала сговорчивее.

Она находила один предлог за другим, и когда, наконец, лорд Теннингтон пригласил их всех объехать вокруг Африки на его яхте, она с радостью приняла предложение, решительно отказавшись жениться до возвращения в Лондон. Между тем, путешествие должно было продлиться около года, так как, по плану Теннингтона, они должны были по Средиземному и Красному морю добраться до Индийского океана, а затем плыть вдоль восточного берега черного материка, заходя в каждый заслуживающий и не заслуживающий особого внимания порт.

Случилось так, что в один прекрасный день два судна прошли через Гибралтар. Меньшее из них — нарядная белая яхта — взяла курс на восток, унося на своей палубе молодую девушку, печально смотревшую вдаль. Мысли и сердце девушки были далеко отсюда, в тенистой чаще тропических джунглей.

А на палубе большого судна, взявшего курс на запад, сидел мужчина рядом с другой девушкой. Они любовались игрой волн и белыми барашками на горизонте. Шедшая навстречу яхта поравнялась с ними и, продолжая свой путь, вскоре скрылась вдали. Разговор, прерванный появлением яхты, возобновился.

— Да,— сказал мужчина,— мне нравится Америка и американцы. Я знал там прекраснейших людей. Я вспоминаю одну семью из вашего города, мисс Стронг, к которой я чувствовал особенную симпатию — профессора Портера и его дочь.

— Джен Портер? — воскликнула девушка.— Вы знали Джен Портер? Ведь это — мой лучший друг! Мы росли вместе и знаем друг друга чуть ли не со дня рождения.

— В самом деле! — ответил он, улыбаясь.

— И вот теперь, когда мне кажется, что я теряю ее, у меня на душе особенно тяжело.

— Теряете? — воскликнул Тарзан.— Что это значит? Ах, да, я понимаю. Ведь она выходит замуж и будет жить, как будто, в Англии?

— Да,— ответила она,— и самое печальное во всем этом, что она выходит не за того, кого любит. О, это так ужасно! Выходить замуж из чувства долга! Я считаю это недопустимым и часто говорю ей об этом. Но она решила окончательно. Она убедила себя в том, что обязана выйти замуж за лорда Грэйстока.

— Мне жаль ее,— сказал Тарзан.

— А мне жаль того, кого она любит,— ответила девушка,— потому что он по-настоящему любит ее... Я никогда не встречала его, но, судя по рассказам Джен,— это удивительный человек. Говорят, он родился в африканских джунглях и был воспитан дикими человекообразными обезьянами. Он никогда не видел белых людей до тех пор, пока профессор Портер и его спутники не на-

шли его во время экспедиции. Они привезли его в цивилизованный мир, он стал человеком,— и в довершение всего влюбился в Джен, а она — в него, хотя она и не знала об этом до того, как обещала свою руку лорду Грейстоку.

— Удивительно,— пробормотал Тарзан, стараясь незаметно перевести разговор на другую тему.

Ему было бесконечно приятно слышать от Элоизы Стронг о ее подруге, но когда темой разговора становился он сам, смущался. Он вздохнул свободнее при появлении матери Элоизы. Разговор перешел на обыденные темы.

Ближайшие дни не принесли ничего нового. Небо было ясно. Корабль шел к югу с прежней скоростью. Тарзан не расставался с мисс Стронг и ее матерью. Почти все время проводили они на палубе, читая, беседуя, фотографируя. С наступлением сумерек они прогуливались вдоль борта.

Однажды Тарзан застал мисс Стронг разговаривавшей с каким-то не известным ему господином. Тот, заметив приближение Тарзана, поспешил раскланяться.

— Подождите, мосье Тюран,— сказала мисс Стронг,— вы должны познакомиться с мистером Колдуэллом.

Они поклонились друг другу. Когда Тарзан взглянул в лицо мосье Тюрана, он был поражен страшным сходством его с одним, очень хорошо ему знакомым человеком.

— Кажется, я имел удовольствие встречаться с вами раньше,— сказал он,— хотя и не могу вспомнить, при каких обстоятельствах.

Тюран как будто почувствовал себя несколько смущенным.

— Не знаю, сударь,— ответил он.— Может быть. Нечто подобное кажется и мне.

— Мосье Тюран посвящает меня в тайны мореплавания,— объяснила девушка.

Тарзан не принял участия в возобновившемся разговоре. Он был занят мыслью о том, где приходилось ему встречать этого субъекта. Внезапно солнце показало из-за облаков, и девушка попросила Тюрана отодвинуть ее кресло в тень. Тарзан заметил на руке, которою он взялся за спинку кресла, шрам. Этого было достаточно: цепь ассоциаций довершила догадку.

Тюран все старался подыскать предлог для того, чтобы покинуть девушку и своего нового знакомого.

Низко поклонившись мисс Стронг и кивнув головой Тарзану, он направился к спуску в каюты.

— Одну минуту,— остановил его Тарзан.— Если мисс Стронг позволит мне, я немного провожу вас. Я сейчас вернусь, мисс Стронг.

Тюран угрюмо посмотрел на него. Когда они завернули за угол, Тарзан остановился, опустив тяжелую руку на плечо своего спутника.

— Что вы замышляете теперь, Роков? — спросил он.

— Я покидаю Францию, как обещал вам,— ответил тот.

— Я это вижу,— сказал Тарзан,— но слишком хорошо знаю вас, чтобы поверить, что ваше пребывание на одном судне со мной можно объяснить случайным совпадением. Если бы я мог поверить в это, то уже один факт, что вы изменили свою внешность, убедил бы меня в обратном.

— Ну, что же,— огрызнулся Роков,— судно идет под английским флагом, и я имею полное право находиться на его борту,— так же, как и вы. Ведь и вы едете под чужим именем!

— Не будем спорить об этом, Роков. Вот что я хочу вам сказать: оставьте в покое мисс Стронг, она — порядочная девушка!

Роков покраснел от злости.

— Если же вы забудете это, я брошу вас за борт,— продолжал Тарзан. Затем он повернулся и оставил Рокова, дрожавшего от еле сдерживаемой ярости.

Он не видел его в течение двух-трех дней. Но Роков не бездействовал: он сидел у себя в каюте вместе с Павловичем обдумывая планы.

— Я бы сбросил его в море сегодня же,— воскликнул он, ударяя кулаком по столу,— если бы знал точно, что бумаги не находятся в каком-нибудь из его карманов. Нет смысла выбрасывать их в океан. Если бы ты не был таким трусом, Алексей, то сумел бы пробраться в его каюту и найти документы.

Павлович улыбнулся.

— Почему же ты сам не возьмешься за это?

И снова начался долгий разговор шепотом. Роков в чем-то убеждал и наконец убедил своего товарища.

Два часа спустя Павлович, дождавшись, когда Тарзан ушел из каюты, прокрался туда. Роков остался снаружи, чтобы предупредить своего товарища в случае опасности. Тот в это время обшаривал вещи Тарзана. Его поиски были напрасны. Он уже побледнел от досады, как вдруг на глаза попала куртка, которую перед уходом снял Тарзан. Через секунду он держал в руках казенный конверт. После беглого осмотра угрюмое лицо Павловича осветилось улыбкой.

Он покинул комнату, и сам Тарзан не сказал бы, что в его отсутствие кто-либо прикасался к его вещам: Павлович был большим мастером своего дела.

Когда он передал пакет Рокову, тот вызвал лака и заказал бутылку шампанского.

— Нам нужно поздравить друг друга, дорогой Алексей,— сказал он.

— Нам повезло, Николай,— ответил Павлович,— очевидно, он всегда держал эти бумаги при себе и только в этот раз, переменяв костюм, позабыл переложить их из кармана в карман. Воображаю, что будет, когда он откроет пропажу. Я боюсь что он сразу возьмется за тебя. Зная, что ты — на борту, он первым заподозрит тебя.

— Это не важно, кого он будет подозревать в краже завтра,— со злой усмешкой сказал Роков.

Вечером, попрощавшись с мисс Стронг, Тарзан стоял, облокотившись на борт, и любовался морем. Он выходил на палубу каждую ночь, простаивая иногда больше часу. И те, кто наблюдал за ним со дня отплытия из Алжира, знали его привычку.

И в эту ночь так же, как и всегда, чьи-то внимательные глаза не переставали следить за ним. Вот последний пассажир покинул палубу. Близости не было ни души. Ночь выдалась темная, безлунная. Все предметы на палубе едва различались в темноте. Всплески волн, шум винта, пыхтение машины,— все это заглушало осторожные шаги двух человек, подкрадывавшихся к Тарзану.

Они подошли совсем близко к нему. Один из них дал знак. Разом набросились они на свою жертву, схватили ее за ноги и прежде, чем Тарзан успел опомниться,— он очутился за бортом и с плеском погрузился в волны океана.

Элоиза Стронг через иллюминатор своей каюты смотрела на темное море. Внезапно перед ее глазами мелькнуло и упало в воду что-то, чего она не успела рассмотреть. Был ли то человек? Она прислушалась, не слышно ли тревожного крика «человек за бортом!» Все было спокойно и тихо на корабле. Все было спокойно и тихо на поверхности моря...

XIII

Крушение «Алисы»

На следующий день место Тарзана за завтраком пустовало. Любопытство мисс Стронг было возбуждено, так как ее новый знакомый, мистер Колдуэлл, никогда не

пропускал случая позавтракать вместе с ней и ее матерью.

Когда она отдыхала после завтрака, сидя на палубе, проходивший мимо Тюрэн не преминул обменяться с ней несколькими словами. Он, казалось, был в прекрасном настроении, держал себя чрезвычайно любезно, и мисс Стронг подумала: «Как мил этот Тюрэн!»

Время тянулось очень медленно. Девушка скучала без мистера Колдуэлла, который понравился ей с первого взгляда. Он так интересно рассказывал о своих странствиях. У него была привычка проводить остроумные параллели между дикими животными и цивилизованными людьми, что обличало в нем глубокое знание первых и скептическое, почти циничное отношение ко вторым.

Она начала серьезно интересоваться причиной столь долгого отсутствия мистера Колдуэлла и как-то невольно совместила в мыслях этот факт с таинственным падением в воду неведомого ей предмета. Она спросила Тюрэна, не видел ли он мистера Колдуэлла сегодня. Он ответил, что нет.

— Его не было за завтраком, да и вообще он не появлялся сегодня на палубе,— объяснила девушка.

Тюрэн сделал вид, что чрезвычайно озабочен этим.

— Я не имел удовольствия быть близко знакомым с господином Колдуэллом, кажется, он — весьма достойный человек. Возможно, он плохо себя чувствует, а потому решил остаться в каюте. В этом нет ничего странного.

— Нет,— ответила девушка,— это не было бы странным, конечно, но, к несчастью, по женской привычке я встревожена каким-то глупым предчувствием, что с ним случилось что-то недоброе. Это очень странное ощущение — будто его нет больше на борту корабля...

Тюрэн рассмеялся.

— Простите, мисс Стронг,— шутливо спросил он,— где же он может быть? Мы уже много дней не видели ни полоски земли на горизонте.

— Конечно, это странно,— согласилась она,— но не стоит ломать голову над этим. Лучше я попробую найти мистера Колдуэлла,— и она подозвала проходившего мимо слугу.

«Это будет немножко труднее сделать, чем ты думаешь»,— сказал про себя Тюрэн, но вслух он мог только одобрить решение девушки.

— Будьте добры разыскать мистера Колдуэлла,— сказала Элоиза слуге,— и передать, что его друзья очень обеспокоены его долгим отсутствием.

— Вам, кажется, очень нравится мистер Колдуэлл? — осведомился Тюрэн.

— Он прелестен,— ответила девушка,— мама влюблена в него.

Через несколько минут слуга вернулся с сообщением, что господина Колдуэлла нет в каюте.

— Я не могу разыскать его, мисс Стронг, и,— он запнулся,— понял, что кроватка пустовала всю ночь. Я думаю, об этом следует доложить капитану.

— Конечно! — воскликнула Элоиза.— Я сама пойду с вами к нему. Это ужасно! Я так и знала, что произошло что-то недоброе... Предчувствие не обмануло меня.

Капитан принял встревоженную девушку и смущенного слугу. Он выслушал их очень внимательно и спросил:

— Уверены ли вы, мисс Стронг, что видели сегодня ночью падение какого-то тела в воду?

— Я не могу сомневаться в этом, но вместе с тем не могу утверждать, что упал человек, так как не слышала крика. Но если мистера Колдуэлла нет на борту корабля, то я готова допустить, что это именно он упал в воду.

Капитан тотчас же приказал тщательно осмотреть весь корабль сверху донизу. Мисс Стронг заперлась в своей каюте, ожидая результатов поисков. Капитан задал ей много вопросов о господине Колдуэлле, но она по-

чти ничего не могла сказать. Только теперь сообразила она, как мало мистер Колдуэлл рассказывал о себе и о своем прошлом. Он родился в Африке, а воспитывался в Париже,— вот и все, что она знала о нем, да и то потому, что он сообщил это, желая рассеять ее недоумение — почему он, англичанин, говорит по-английски с таким сильным французским акцентом.

— Рассказывал ли он вам о каких-нибудь врагах? — спросил капитан.

— Никогда.

— Простите, не был ли он, по вашему мнению, мисс Стронг, пристрастен к спиртным напиткам?

— Не знаю, пил ли он вообще, но, во всяком случае, за полчаса до того, как я видела падение предмета, он был вполне трезв.

— Все это очень странно,— сказал капитан.— Если его нет на корабле, мисс Стронг, то остается только предположить, что он выброшен за борт, а тот факт, что вы не слышали крика, наводит меня на мысль, что он уже был это время мертв, то есть убит.

Девушка вздрогнула.

Через час помощник капитана пришел с известием, что осмотр корабля окончен.

— Мистера Колдуэлла нет на борту,— сообщил он.

— Я думаю, мистер Брентли,— сказал капитан,— что здесь нечто более серьезное, чем просто несчастный случай. Я бы хотел, чтобы вы лично внимательно осмотрели все вещи мистера Колдуэлла. Может быть, это поможет в наших розысках.

— Хорошо,— ответил мистер Брентли и ушел исполнять поручение.

Элоиза Стронг пала духом. Два дня она не выходила из каюты, и, когда, наконец, снова появилась на палубе, лицо ее было смертельно бледно, с большими темными кругами под глазами.

К ней подошел Тюрэн.

— Как это ужасно, мисс Стронг,— сказал он,— я не могу опомниться до сих пор!

— Я тоже,— слабым голосом ответила ему девушка.— Мне кажется, что его бы спасли, если бы я подняла тревогу сразу.

— Вам не в чем упрекать себя, мисс Стронг,— заметил Тюрэн,— ни в коем случае это не было вашей ошибкой. Всякий поступил бы так же на вашем месте. Кто мог бы подумать, что предмет, падающий в воду с борта корабля, должен быть непременно человеком. Нет, вы не должны себя винить ни в чем! Вы и так сделали много, сообщив обо всем капитану и дав необходимые разъяснения.

Девушка не могла не поблагодарить своего утешителя. Она как-то привыкла к нему и почти не расставалась с ним в последние дни.

Главным желанием Тюрэна было сойти с парохода в первом же порту. Он завладел нужными документами,— ему больше нечего делать на пароходе. Он хотел вернуться назад в Петербург.

Но тут новая идея мелькнула у него в голове. Он успел узнать стороной, что мисс Стронг — уроженка Балтимора и богатая наследница. Овладеть ее наследством — это ли не заманчивая перспектива? Поэтому Тюрэн решил продолжить путешествие.

Мисс Стронг сообщила ему, что собирается с матерью посетить своего дядю в Кейптауне и погостить у него. Она была в восторге, узнав, что и Тюрэн будет там.

— Я надеюсь, что мы продолжим наше знакомство и на суше,— сказала она.— Вы навестите нас с мамой в Кейптауне?

Тюрэн сделал вид, что не знает о неприязни к нему матери Элоизы Стронг, которая была не в большом восторге от него и вряд ли желала видеть в числе близких знакомых дочери.

— Я не знаю, почему он мне не нравится,— сказала она как-то своей дочери.— Он с виду вполне порядочный

человек во всех отношениях, но иногда в его глазах блеснет что-то такое, что производит на меня очень неприятное впечатление.

Девушка рассмеялась.

— Ты подозрительна, мама,— сказала она.

— Может быть. Все же мне хотелось бы видеть сейчас вместо него бедного мистера Колдуэлла.

— Мне тоже,— ответила дочь.

Тюран стал частым гостем в доме дяди Элоизы Стронг в Кейптауне. Постепенно девушка все больше и больше поддавала под его влияние. Он нравился ей своим умением держаться, своей готовностью быть полезным каждому. Тюран стал у них своим человеком. Наконец, выбрав удобный момент, он сделал предложение. Мисс Стронг была смущена. Она не знала, что ответить.

— Я никогда не думала, что вы на это решитесь,— сказала она ему.— Я всегда смотрела на вас как на друга. Я не дам сейчас ответа. Забудьте, что вы просили меня стать вашей женой. Будем друзьями, как мы были до сих пор, а я буду стараться узнать вас с иной стороны, чем знала до сих пор. Может быть, я открою, что мое чувство к вам — больше, нежели простая дружба. До сих пор у меня не было мысли, что я люблю вас.

Это вполне удовлетворило мосье Тюрана. Он пожалел только, что несколько поторопился с предложением.

— С первой нашей встречи, Элоиза,— сказал он,— я люблю вас. Я готов ждать, так как убежден, что моя большая и чистая любовь будет вознаграждена, в конце концов. Мне только хочется знать, любили ли вы кого-нибудь?

— Я никогда не была влюблена,— ответила она, и Тюран совсем успокоился. Придя домой, ночью он мысленно приобретал себе паровую яхту и строил мраморную виллу на Принцевых Островах.

На следующий день Элоизу Стронг ждал необыкновенный сюрприз. Она столкнулась лицом к лицу с Джен Портер, выходявшей из ювелирного магазина.

— Джен! — воскликнула она.— Откуда ты взялась! Я не верю своим глазам!

— Боже мой! — воскликнула не менее изумленная Джен.

Подруги обнялись и звонко расцеловались.

Вскоре все разъяснилось. Элоиза узнала, что яхта лорда Теннингтона простит у Кейптауна целую неделю, а потом тронется дальше, на этот раз вдоль западного берега черного материка, к берегам Англии.

— Вернувшись туда,— закончила свой рассказ Джен,— я должна выйти замуж.

— Значит, ты еще не замужем? — спросила Элоиза.

— Нет еще,— ответила Джен, добавив совсем некстати.— Я хотела бы, чтобы Англия была отсюда на расстоянии миллиона миль!

Начались взаимные визиты обитателей яхты и родственников Элоизы. Устраивались обеды, пикники, прогулки по окрестностям для развлечения приезжих гостей. Тюран везде был желанным гостем. Он сам устроил обед для мужской компании, очаровав лорда Теннингтона своим гостеприимством.

Однажды миссис Стронг, Элоиза и Тюран гостили у лорда Теннингтона на яхте. Мисс Стронг объявила, что несмотря на удовольствие, которое доставляет ей жизнь в Кейптауне, видимо, придется покинуть его. Она получила известие из Балтиморы, вынуждающее ее возвратиться домой как можно скорее.

— Когда вы уезжаете? — спросил Теннингтон.

— В начале недели.

— В самом деле? — воскликнул Тюран.— Вот счастливое совпадение! Я тоже решил вернуться как можно скорее на родину. Могу ли надеяться иметь честь сопроводить вас?

— Это очень любезно с вашей стороны, мосье Тюран,— ответила мисс Стронг.— Я очень рада быть под

вашим покровительством.— В глубине души она, однако, очень хотела отделаться от него.

— Клянусь небом! — воскликнул лорд Теннингтон.— Мне пришла в голову прекрасная идея!

— Не сомневаюсь в этом,— прервал его Клейтон,— она и не может быть иной, если зародилась в вашей голове. Уж не собираетесь ли вы плыть в Китай через Северный полюс?

— Великолепная острова, Клейтон! — отпаривал Теннингтон.— Нет, дорогой мой! Идея действительно прекрасна. Вы подтвердите это, познакомившись с нею. Мы отправляем в начале недели вместе с миссис Стронг, мисс Стронг и Тюраном.

— Лорд Теннингтон! Вы не даете нам времени даже поблагодарить вас, тем более — решить, можем ли мы принять ваше любезное приглашение,— сказала миссис Стронг.

— Но ведь вы согласны? — убежденно ответил ей Теннингтон.

Таким образом, было решено, что они отправятся в путь в следующий понедельник.

Два ближайших дня девушки провели в каюте Элоизы, рассматривая фотографии, которые она успела проявить и напечатать в Кейптауне. Карточек было бесчисленное множество, но Элоиза не устала давать объяснения своей подруге. Джен с интересом слушала.

— Посмотри,— заметила Элоиза,— вот человек, которого ты должна знать. Несчастный... Я столько раз хотела спросить тебя о нем.— Она держала в руках маленькую фотографию.

— Его звали Джон Колдуэлл,— продолжала Элоиза,— помнишь ли ты его? Он говорил, что встречался с тобой в Америке. Он — англичанин.

— Я не помню такого имени,— ответила Джен.— Дай-ка мне взглянуть.

— Бедняга упал за борт во время плавания,— сказала Элоиза, передавая карточку своей подруге.

— Упал за... Как, Элоиза. Элоиза... Не говори мне, что он погиб, утонул, Элоиза!.. Ты... ведь шутишь...

И прежде, чем удивленная мисс Стронг успела сообщить, в чем дело, ее подруга лишилась чувств.

После того, как Элоиза привела ее в себя, она долго сидела неподвижно, молча глядя на подругу.

— Я не думала, Джен,— сказала Элоиза,— что известие о смерти этого человека так потрясет тебя. Очевидно, он был тебе близок.

— Колдуэлл? — спросила тихо мисс Портер.— Неужели ты хочешь уверить меня, что ты не знаешь настоящего имени этого человека, Элоиза.

— Зачем же, Джен. Я прекрасно знаю, кто он такой: его имя — Джон Колдуэлл, он из Лондона.

— О, Элоиза, мне хотелось бы поверить этому,— со стоном произнесла девушка,— но черты его лица так глубоко запечатлены в моем сердце, что я узнаю и отличу их среди многих тысяч совершенно похожих на него людей.

— Что это значит, Джен,— воскликнула встревоженная Элоиза.— Кто же это?

— Это — Тарзан.

— Джен...

— Я не сомневаюсь, что это был он. О, Элоиза, ты уверена в его гибели? Разве не может быть ошибки?

— Боюсь... что нет... — печально ответила Элоиза.— Мне бы хотелось думать, что ошиблась ты. Между прочим, он говорил мне, что родился в Африке и воспитывался в Париже.

— Да, это он,— прошептала Джен Портер.

— Помощник капитана, осматривавший его багаж, не нашел ничего, что доказало бы, что он — Джон Колдуэлл, из Лондона. На его белье была одна буква «Т» или три буквы «Ж. К. Т.». Мы решили, что он путешествовал инкогнито, под вымышленным именем Джона Колдуэлла.

— Тарзана звали Жаном, — ответила Джен слабым, упавшим голосом. — Он погиб в океане... Невероятно, чтобы такое сердце перестало биться, чтобы его могучие мускулы омертвели навеки. Он — олицетворение жизни и силы — погиб в холодных волнах, стал добычей рыб, — нет, это...

Она не могла продолжать. Рыдания прервали ее на полуслове.

Несколько дней мисс Портер чувствовала себя совсем больной и разбитой. Она никого не хотела видеть, кроме Элоизы и Эсмеральды. Когда, наконец, она снова появилась на палубе, все были поражены происшедшей в ней переменной. Она уже не была прежней живой, подвижной американкой, очаровавшей всех. Джен превратилась в тихую, грустную девушку, с застывшим на лице выражением безнадежного страдания, которое было понятно только Элоизе.

Друзья старались как-нибудь рассеять и развлечь ее, но все было напрасно. Иногда лорду Теннингтону своими шутками удавалось вызвать улыбку на ее бледных губах, но ненадолго. Большой частью она старалась уединиться на корме яхты, устремив безнадежный взгляд в морскую даль.

Вслед за болезнью мисс Джен несчастья одно за другим обрушились на яхту. Сначала сломалась машина, и целых два дня волны играли судном, как им хотелось, пока снова не завертелся аинт и судно опять стало повиноваться штурвалу. Затем, неожиданно для всех, налетел шквал, поломавший и снесший с палубы все закрепленные предметы. Потом два матроса поздорили и подрались, путив в ход ножи и жестоко поранив друг друга. Наконец, в довершение всех бед, третий матрос упал за борт и утонул, прежде чем ему успели оказать помощь.

Пассажиры и экипаж были мрачны и подавлены этими несчастьями. Все ждали худшего. Бывалые моряки изощрались, вспоминая страшные морские штормы, предвестниками которых являлись и драки на корабле, и падение за борт и внезапный шквал. Долго ждать не пришлось.

Уже следующей ночью яхта на полном ходу налетела на подводный камень. Раздался ужасный треск. Толчок сбил с ног людей и на палубе, и в каютах. Машины остановились. Яхта накренилась. Чувствовалось, что через несколько минут она пойдет ко дну.

Все бросились на палубу; механик выскочил из машинного отделения и доложил капитану, что вода проникает через большую дыру в нижней части судна и уже затопила трюмы.

Появились матросы, поднятые водою со своих коек. — Стойте, — крикнул Теннингтон, — пусть дамы спускаются в каюты и соберут свои вещи. Может быть, дело не так уж и плохо, но нам следует сесть в лодки. Лучше быть готовыми ко всему. Ну же, ступайте скорее! А вы, капитан, пошлите какого-нибудь знающего человека вниз. Пусть он установит истинные размеры повреждения. Пока же дайте команду спустить лодки!

Властный, уверенный голос лорда Теннингтона прекратил панику. Через минуту все были заняты исполнением его приказаний. Дамы поднялись на палубу с вещами, лодки были спущены на воду; помощник капитана, сходявший в трюм, явился с докладом.

Вряд ли, однако, нужно было его свидетельство, что «Алиса» пойдет ко дну с минуты на минуту.

— Да, сударь, — произнес капитан, заметив смущение своего помощника.

— Мне не хочется волновать женщин, сударь, по моему, судно не продержится на воде и десяти минут. В трюме — дыра, через которую свободно может пройти лошадь.

«Алиса» накренилась еще больше и начала погружаться в воду. Ее корма поднялась высоко над поверхностью моря. Четыре лодки были благополучно запол-

нены пассажирами и спущены на воду. Джен Портер в последний раз взглянула на злополучную яхту. Раздался ужасный треск. Судовая машина сорвалась с места и перекадилась в носовую часть. Это ускорило гибель судна. Корма встала почти вертикально над поверхностью моря. На секунду тонущий корабль остановился, а затем начал плавно, все быстрее и быстрее погружаться в воду, пока не исчез совсем.

Наступил рассвет. Солнце поднялось над горизонтом, отражаясь в бирюзовой глади моря. Джен Портер спала — солнечный зной разбудил ее. Она оглянулась: в лодке были три матроса, Клейтон, Тюран и она. Остальные лодки исчезли, и ничто не нарушало однообразия беспредельной морской равнины.

Они были одни в маленькой лодке, среди волн Атлантического океана.

XIV

Возвращение в

первобытное состояние

Как только Тарзан очутился в воде, он постарался отплыть как можно дальше от корабля, чтобы не попасть под лопасти винта. Он знал, кого ему следовало благодарить за происшедшее. Удерживаясь на поверхности легкими движениями рук, он с некоторой досадой думал о том, что так легко дал себя одурачить Рокову.

Он лежал так некоторое время, следя за удалившимися огнями парохода и вовсе не думая звать на помощь. Этого Тарзан никогда бы себе не позволил, как не позволял всю жизнь: он всегда полагался только на свою силу и выдержку.

Один шанс из ста тысяч, что кто-нибудь подберет его здесь, в океане, или что он сумеет достигнуть земли. И все же, считая необходимым использовать все возможности, Тарзан решил тихонько плыть к предполагаемому берегу, надеясь на своем пути встретить какое-нибудь судно.

Движения его рук были сильны и размашисты; много часов напряженной работы понадобилось бы для того, чтобы утомить стальные мускулы.

Плывя к востоку, руководствуясь расположением звезд, он вскоре почувствовал, что башмаки начинают отягощать его. Скинуть их — было делом одной минуты. Вслед за ними в волнах океана очутились брюки. Он был готов освободиться и от пиджака. Однако, вспомнив о драгоценных бумагах, спрятанных в боковом кармане, Тарзан решил удостовериться в их целостности и сохранности. Поэтому, вместо того чтобы скинуть пиджак, он засунул руку в карман, стараясь нащупать содержимое. Карман был пуст.

Теперь он понял, что нечто большее, чем простая месь, заставило Рокова столкнуть его за борт. Рокову нужно было завладеть бумагами, которые отнял у него Тарзан в Бу-Сааде.

Он выругался и бросил свой пиджак и рубашку на потеху волнам. Обнаженный и облегченный, он свободно поплыл прямо на восток.

В первых проблесках зари стали заметны смутные очертания какого-то предмета, поднимавшегося над поверхностью океана. Несколько взмахов — и он добрался до остова разбитого судна.

Тарзан взобрался на него и решил дожидаться здесь полного рассвета.

Море было спокойно, разбитое судно слегка покачивалось на волнах, убаюкивая пловца, не смыкавшего глаз в течение двадцати часов. Тарзан устроился на мокрых, скользких досках и вскоре забылся во сне.

Солнечный зной рано разбудил его. Он почувство-

вал мучительную жажду, забытую в следующий момент, ибо ее заглушила радость сразу двух открытий. Первое — перевернутая и плавающая вблизи спасательная шлюпка, второе — узкая полоска земли, протянувшаяся далеко-далеко, вдоль горизонта.

Тарзан прыгнул в воду и полплыл к шлюпке. Холодные волны океана освежили его. С некоторыми усилиями ему удалось подвести шлюпку к судну и втащить на борт.

Здесь он внимательно осмотрел шлюпку и не обнаружил больших повреждений. Тарзан сделал из обломков подобие весел и направил шлюпку к берегу.

Только после полудня подплыл он к земле настолько, что мог ясно различить очертания ее берегов. Перед ним находился вход в маленькую бухту. Леса и расположенная к северу возвышенность были странно знакомы ему.

Уж не привела ли его судьба снова к родным джунглям?

Когда шлюпка вошла в бухту, последние его сомнения рассеялись. Прямо перед ним, на берегу, в тени девственного леса, стояла знакомая хижина, выстроенная еще до его рождения покойным Джоном Клейтоном, лордом Грэйстоком.

Едва только нос шлюпки мягко врезался в песок, Тарзан спрыгнул на берег. Сердце готово было от радости выскочить из груди. Перед его глазами были снова хижина, берег, ручей, густые джунгли, темная непроходимая чаща.

Мириады птиц с причудливым оперением наполняли окрестности щебетаньем и криками.

Снова Тарзан пришел в родной ему край! Все, что он успел усвоить в цивилизованном мире, сразу отошло на задний план. Громкий, дикий крик раздался над джунглями, — это кричал Тарзан, Тарзан-обезьяна, большой и могучий зверь!

Последовало минутное молчание, а затем прозвучали в ответ: с одной стороны — глухой рев льва Нумы, с другой — испуганный вой исполинской обезьяны.

Тарзан направился к ручью и утолил жажду. Затем он приблизился к хижине. Дверь была закрыта. Он отодвинул засов и вошел внутрь. Там все было по-прежнему: тот же стол, та же кровать, та же колыбель, полки, шкафчики, которые стояли здесь двадцать три года.

Желудок начинал напоминать о себе. Голод заставил Тарзана искать еду. В хижине не было никаких запасов пищи, не было и оружия. Только на стене висела его старая веревка, еще пригодная для охоты. Он перебрал ее через плечо и направился в джунгли.

Тарзан шел тихим, осторожным шагом, как ходит дикий зверь в поисках добычи. Он вглядывался в землю, но, не найдя свежих следов, обратил свое внимание на верхушки деревьев. Вскоре он забрался туда — и уже первый прыжок с ветки на ветку наполнил его сердце радостью. Все сожаления и боль сердца были забыты. Теперь он жил полной жизнью. Теперь он был поистине свободен! Кто бы после этого вернулся в смрадные, грязные города цивилизованного человечества, кто бы предпочел их великому миру и великой свободе джунглей? Только не он!

Еще засветло добрался Тарзан до водопада. Он служил местом постоянного паломничества лесных зверей, утолявших свою жажду студеной и чистой водой.

Здесь же по ночам, в густых зарослях, прятались, поджидая антилопу, громадные кошки Сабор или Нума. Сюда приходил кабан Хорта — и сюда же пришел искать добычи Тарзан, человек-обезьяна.

Устроившись на длинной и низкой ветви, он ждал около часа. Наступили сумерки. Вдруг в густой чаще он услышал слабый шум, хрустение веток и шуршание раздвигаемой листвы. Это был Нума, лев, вышедший на охоту.

Кто-то приближался по тропинке к водопаю. Секун-

дой позже на повороте показался кабан Хорта.

Заросли, в которых прятался Нума, были спокойны, зловеще спокойны. Хорта миновал Тарзана. Еще немало — Нума бросится на кабана одним прыжком. Тарзан представлял себе, как сверкают глаза Нумы, как он, затаив дыхание, готовится к прыжку и к яростному реву, от которого его жертва застынет на месте, не имея сил бежать от страшных когтей.

Но в тот момент, как Нума уже приготовился к прыжку, проворная веревка упала с верхушки дерева. Петля затянулась на шее Хорты. Нума заметил, что какая-то сила потащила кабана вверх. Лев прыгнул на несчастного кабана, но тот перед самым его носом поднялся в воздух и исчез в густой листве ветвистого дерева. Среди зелени показалось смеющееся лицо Тарзана, сумевшего выхватить у старого льва его добычу прямо из-под носа.

Нума взревел. Злой и голодный, он начал ходить взад и вперед под деревом, не спуская глаз с дерзкого существа. Время от времени он поднимался на задние лапы, опираясь на ствол и точа об него когти. Тарзан же, втащив наверх полузадохшегося кабана, окончательно придушил его. У него не было ножа, и он освеживал тушу при помощи зубов и цепких пальцев, — на глазах у льва, принужденного следить за тем, как кто-то другой ест обед, собственно говоря, предназначавшийся ему.

Наступила ночь, прекрасная африканская ночь.

Тарзан насытился. Цивилизованный стол и французская кухня не уничтожили в нем жажды свежего мяса, свежей горячей крови.

Он вытер руки листьями, перекинул через плечо остатки ужина и, перелетая с ветви на ветвь, пустился в обратный путь.

Нума шел вслед за Тарзаном, не спуская с него горевших в ночной темноте злых глаз. Теперь уже Нума не ревел. Наоборот, он двигался почти бесшумно, как тень большой, чудовищной кошки, — но все же шаги его легко различались Тарзаном.

Тарзан не хотел, чтобы зверь сопровождал его до поляны, на которой стояла хижина. Это значило, что ему бы пришлось ночевать в дупле дерева, а он предпочитал постель из листьев, под крышей, в закрытой хижине. На всякий случай он постарался вспомнить лучшее убежище поблизости. В случае нужды он скроется там. Сотни раз в прошлом приходилось ему на деревьях спасаться от диких зверей и прятаться на ночь в этом дупле.

Терпение Нумы, очевидно, лопнуло. С ревом досады и разочарования лев ушел, надеясь найти себе более доступную пищу. Поэтому Тарзану удалось пробраться в свою хижину и расположиться на ночь на удобной постели.

Так просто и легко Тарзан сбросил с себя тонкий искусственный покров цивилизации — и погрузился, счастливый и довольный, в глубокий сон хищника, наевшегося досьята.

Но и теперь одно только слово любимой женщины способно было вернуть его к чуждой, далекой отсюда жизни и заставить навсегда забыть родные джунгли.

Тарзан спал долго. Он очень устал за предыдущий день, потребовавший большого расхода энергии.

Проснувшись, он прежде всего поспешил к ручью и наполнил воды. Потом, окунувшись в море, поплавал с четверть часа, вернулся в хижину и позавтракал мясом Хорты. Покончив с трапезой, он припрятал остатки на ужин и, взяв веревку, снова углубился в джунгли. На этот раз он шел на поиски более благородного животного — человека; впрочем, если бы его спросили о правильности этого определения, он назвал бы десятки лесных обитателей, значительно более благородных, по его мнению, чем человек.

Тарзан искал оружие. Вряд ли что-нибудь могло остаться от деревни Мбонга после французской карательной экспедиции, отправленной туда при известии о мни-

мой гибели д'Арно. Тем не менее это нужно было про-
верить.

Около полудня он достиг цели, но к своему разоча-
рованию увидел только одни развалины. Поля вокруг
деревни исчезли — на их месте уже успел вырасти мо-
лодой лес. Не было признака присутствия человека.

Около полудня бродил он среди развалин деревни,
надеясь найти брошенное или забытое где-нибудь ору-
жие, но поиски были бесплодны. Он решил идти вверх
по ручью, зная, что у воды легче найти человеческое
поселение. По пути он подымал полусгнившие бревна в
поисках грызунов, влезал на деревья за птичьими яйца-
ми, гонялся по земле за каким-нибудь зверьком, — все
больше и больше напоминая повадками обезьяну, ка-
кой он был в первые двадцать лет своей жизни.

Тарзан улыбнулся при мысли, что, может быть, в это
самое время его друзья сидят в лучшем парижском
клубе, куда он захаживал несколько месяцев тому назад.
Но он мгновенно останавливал поток воспоминаний, по-
чуяв запах живого существа, которое могло служить ему
добычей или угрожать опасностью.

В эту ночь он спал далеко от своего убежища, спря-
тавшись среди ветвей гигантского дерева, возвышавше-
гося на сотню футов над землей. Он снова наелся вдо-
воль, полакомившись мясом оленя Бара, очередной жерт-
вы его петли.

Рано утром Тарзан пустился в дальнейший путь
вдоль реки. Так шел он три дня, все вперед и вперед,
пока не вступил в совсем не знакомую область джунглей.
За деревьями виднелись горы, переходящие в равнины.
Здесь на больших пространствах паслись стада антилоп
и зебр.

На четвертый день его чоздри уловили новый за-
пах. Это был запах человека. Тарзан обрадовался. Он
быстро и бесшумно пробираясь между деревьями против
ветра, руководствуясь чутьем. Вдруг он заметил в за-
рослях фигуру черного воина.

Тарзан стал красться за ним, поджидая удобного мо-
мента, чтобы пустить в ход веревку. Однако он медлил.
Он помнил, что по законам цивилизованного общества
нельзя убивать ближнего без причины. Тарзану нужно
было оружие; значило ли это, что он имел право убить
человека — его владельца?

Чем больше думал Тарзан об этом, тем отвратитель-
нее казалось ему бесцельное убийство. Так дошел он,
преследуя воина, до поляны, на которой была располо-
жена большая, окруженная частокотлом деревня с до-
мами, похожими на пчелиные ульи.

Воин вышел из лесу, — и тут Тарзан заметил еще
одно существо, жадно следившее за черным человеком.
Это был лев Нума. Тарзан сообразил сразу, в чем дело.
Теперь он почувствовал себя человеком, обязанным за-
щищать подобного себе от нападения дикого зверя —
их общего непримиримого врага.

Лев уже приготовился к прыжку. Не было времени
долго размышлять. Лев бросился из своей засады на
удалявшегося человека. Тарзан вскрикнул, предостерегая
жертву. Но когда черный воин обернулся, Нума уже был
остановлен на полдороге: петля ловко охватила его шею.

Тарзан действовал так быстро, что не успел рассчи-
тать своих действий. Лев был пойман, но бешено рва-
нулся из петли. Тарзан потерял равновесие и упал на
землю в шести шагах от расвирепевшего зверя. С быст-
ротой молнии лев набросился на нового врага, и безза-
щитный Тарзан очутился на краю гибели. Черный воин
спас его. Он сообразил в одно мгновение, что обязан
жизнью этому белому и что только чудо могло бы из-
бавить теперь его спасителя от ударов страшных лап са-
мого грозного из обитателей джунглей.

Он замахнулся своим копьем и что было силы мет-
нул его. Копье попало в цель, угодив льву между лопа-
ток. С ревом бешенства и боли лев обернулся к черно-
му воину. Едва зверь успел сделать несколько шагов, как

веревка Тарзана снова остановила его. Тогда он опять
бросился на белого, но в ту же минуту в его тело впи-
лась зубчатая тонкая стрела. Снова он остановился. Тар-
зан успел тем временем привязать веревку к дереву,
как можно туже закрепив ее конец.

Воин заметил это. Он понял, в чем дело, и улыб-
нулся. Тарзан знал, что со львом надо покончить преж-
де, чем он догадается перегрызть душившую его ве-
ревку. В одно мгновение он подбежал к воину и взял у
него длинный охотничий нож. Затем он дал знак, чтобы
тот не переставал стрелять из лука, а сам попытался при-
близиться к зверю с ножом в руке. Лев был разъярен.
Он ревел до хрипоты, стараясь достать то одного, то
другого из своих врагов, и все ту же и ту же затягивал
петлю на шею. Наконец Тарзан выбрал удобный момент и,
подкравшись, нанес ему удар ножом в то место, где
шея переходит в спинной хребет. Еще удар и еще. Лев
упал.

Тарзан выпрямился во весь рост. Два человека —
черный и белый — встретились взглядами над трупом
общего врага. Черный приветствовал белого знаком друж-
бы и мира. Белый понял это приветствие и ответил ему.

XV

У дикарей

Шум борьбы привлек возбужденную толпу черных
дикарей из деревни. Убитый лев, Тарзан и спасенный им
воин были окружены оживленно жестикулирующими и
кричавшими мужчинами, женщинами, детьми. Посыпа-
лись вопросы. Новый друг Тарзана возвысил голос над
неумолчным гулом толпы и рассказал обо всем, предла-
гая оказать почести тому, кто сразился со страшным
зверем и победил его.

Тарзана отвели в деревню. Ему преподнесли в пода-
рок птицу, коз и плоды. Когда он знаком указал на ору-
жие, они поспешили подарить ему лучшее копьё, щит,
стрелы и лук. Его новый друг отдал ему нож, которым
был убит лев. Тарзану не было ни в чем отказа. Он убе-
дился, что мирным путем иногда можно добиться боль-
шего, чем грабежом. Он едва не убил не знакомого ему
человека, который теперь каждым своим движением и
словом старается доказать свою любовь и преданность.

В эту ночь дикари устроили буйный пир в честь Тар-
зана. Охотники принесли свои трофеи — антилопу и зеб-
ру. Было выпито бесчисленное количество слабого тузем-
ного пива. Глядя на воинов, танцевавших при свете кост-
ров, Тарзан был поражен их прекрасным сложением и
правильными чертами лица. Плоских носов и толстых
губ, типичных для обитателей западного берега Африки,
здесь не было и в помине.

Тарзан заметил также, что многие из мужчин и жен-
щин носят золотые кольца и браслеты на руках и ногах.
Когда он выразил желание рассмотреть одно из этих
массивных украшений, оно было тотчас же отдано ему.
Владелец драгоценности объяснил знаками, что белый
человек должен считать ее отныне своей. Браслет был
сделан из чистого золота. Это удивило Тарзана, потому
что до тех пор он не встречал у дикарей золотых укра-
шений. Он попробовал узнать, откуда они достали драго-
ценный металл, но старания не увенчались успехом.
Дикари не понимали его расспросов.

Когда танец закончился, Тарзан выразил желание
покинуть селение. Однако дикари не отпустили его.
Вождь предложил Тарзану поселиться в приготовленной
для него хижине. Тарзан попробовал объяснить, что вер-
нется на следующее утро, но дикари не поняли его.

Фото Юрия Крутских

Началось с того, что его послали приварить «плюху». И он пошел в эту яму под прессом, набитую проводами, трубами и еще черт знает чем. «Плюха» — такая железная дура — весила килограммов десять и все норовила упасть на ногу. Подхватывать ее и пытаться пристегнуть сварочным аппаратом к чумазой изнанке преса было задачей еще той, и он помогал себе разными словами, которые обычно не употреблял. Да и работа эта на двоих, но напарник исчез еще с обеда, наверное, спал в своем железном ящике для инструментов, отгородившись от

острых углов фуфаечной прослойкой.

«Плюха», наконец, прихвати-лась с одного края и утихомири-лась. Руки перестали метаться по ее неровностям, и каждое движе-ние стало нужным и совершен-ным. Он наблюдал за своими ру-ками и улыбался. И, как всегда, боялся, что кто-нибудь увидит его в такую минуту. Сварка аккурат-но искрила.

Работа правилась ему: никто не ругался над ухом, не требовал взносы, не бил гаечным ключом по каске так, что голова на мину-ту превращалась в колокол с пло-хим звучанием. Он дергался от таких шуточек. Зато они очень нравились его товарищам. Еще больше им нравилось, что каж-дый раз он всерьез обижался. Тогда они легкомысленно проси-ли прощения и уходили. Они были коллективом, теми, кто притерся друг к другу и к заводу, а он сюда не вписывался. Наверное, жизне-радости не хватало. Поэтому и любил работать в одиночку.

Окончив, он присел на корточ-ки, привалился спиной к какой-то трубе. Яма прогрелась недав-ней работой механизмов и их рас-каленной продукцией. Сейчас здесь было спокойно и темно. Пах-ло ржавчиной, электричеством и смазкой. Он вспомнил, как однаж-ды видел крысу, стоящую по брюхо в корыте с солидолом. Кры-са смотрела на него злыми глаза-ми и торопливо заглатывала мас-лянистое месиво.

Вдоль стен, совсем рядом с лицом, струились многочисленные провода. В трубах изредка что-то вскипало и убежало. Долетев-ший гул завода вползал в яму глухими наплывами, будто рядом стучало огромное неторопливое сердце. Он представил себе, что еще не родился. Сидит в животе у матери, обернутый необходи-ми сосудами, через которые его кормят и говорят с ним. Он слы-шит материнское сердце, и ему хорошо и спокойно. Только соли-дол здесь ни к чему.

Его вдруг потянуло в сон. Пос-ле обеда трудно начинать работу, и он позавидовал своему напар-нику.

Он встал. Голова вознеслась над краем ямы. Руки выбросили наверх аппарат и, ухватившись за рельс, неловко вытянули осталь-ное тело. На плече под спецовкой начал проявляться отпечаток не-

БЛУЖДАЮЩИЕ ТОКИ

Виктория
ФРОЛОВА

Рисунки
Владимира
Ганзина

замеченного угла. Он погладил приобретенный сникяк и достал сигарету.

Завод поражал твердостью своих органов. Пресс напоминал полутораметровую мышцу, скованную судорогой будущего рыбка. Мягкость здесь сохраняли только смазка и ветошь. И еще люди.

Внизу брякнуло. Пресс, к которому он так долго цеплял дополнительную железку, сорвался с места, дрогнул рельсами и с лязгом расплющил пространство, где минуту назад находилась его голова.

«Работает», — удовлетворенно подумал он.

Он скользил сквозь цех и сквозь какие-то другие цеха, сдавливался прессами, пролетал через охладительные системы, менявшие пахнувшее огнем лето на минуты дождливой зимы, и чувствовал возникновение того нового, которое теперь будет им. Составные его организма опять сливались в целое, пропитанное горькими запахами окалины и железными стопами. Он приобретал четкое и прочное строение.

— Эй! Паря, ты чего? Уработался?

По уже собранному плечу ударила крепкая рука. Он вздрогнул и оглянулся.

Потом обернулся:

— А ты чего?

Другой взгляделся ему в лицо: — Ты что, там был? Выско-чить-то успел? Надо же, успел! Ну, молодец! Второй раз родился!

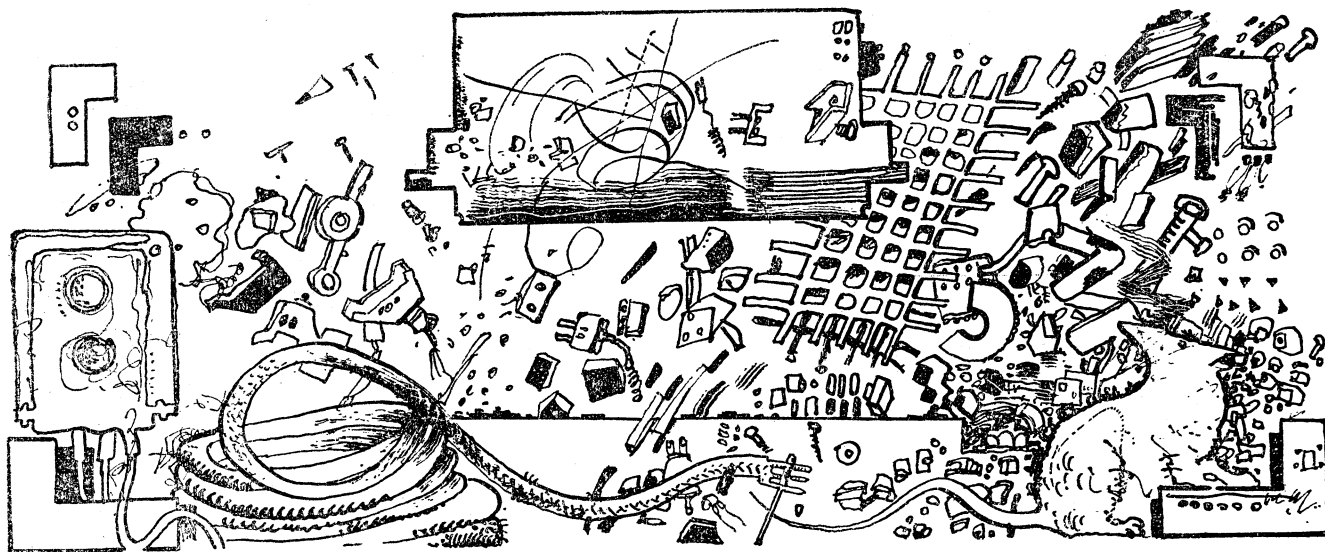
— Блуждающие токи, — сказал первый.

— А такое бывает? — спросил второй.

— У нас все бывает, — ответил первый.

Они засмеялись и ушли. Он не понял их. Он только что родился. Его родили какие-то блуждающие токи.

Он подобрал сварку и побрел к своим. Мимо промелькнула кры-

И вдруг замер. Сигарета поползла изо рта вниз. Но это слишком походило на кино, и в последний момент он поймал ее зубами.

Он закрыл глаза, чтобы остановить воображение, но внутри все уже сжалось, хрустнуло и начало дробиться. Бесшумно разошлась кожа. Жизнь впечаталась в жесткую структуру металла и распалась на кристаллических гранях. Он совершил обратную эволюцию до бессистемного состояния и устремился дальше, туда, где набирал обороты пущенный механизм. Хаос его бывшего организма возродился в первичном состоянии, занял место среди раскаленных металлических тел и рванулся вместе с ними во вздрагивающее нутро завода.

Перед ним стоял напарник. На железном полу перекатывалась и погромыхивала каска.

— Голову-то не теряй! — хмыкнул напарник.

Поднял каску и, напялив ему на голову, щелкнул по ней ногой. Потом пошел дальше.

Он стоял на месте, тупо глядя на пресс. Глаза повернулись к пульта управления. Кнопки нахально тарачились, утверждая, что все нормально, пресс не работает. Он сам его отключил.

Но пресс по-прежнему стискивал воздух.

— Ты смотри... Сработало!

Двое электриков удивленно-радостно разглядывали пульт. Один шагнул к прессу и восхищенно сказал:

— Классно!

са, отпечатав на его лице злой взгляд.

Тогда он повернул в другую сторону, нашел мастера и отпросился домой. Потом сосредоточенно вымылся, оделся и отделился от цеха.

По дороге шуршал пустой ветер.

Человек вышел из проходной, позвякивая внутри чем-то железным. Впрочем, это могла быть и мелочь, заваливавшаяся в карманах.

ВТОРОЕ НЕБО

У неба один купол. У церкви два. Церковь маленькая, но неба имеет больше, чем окружающий мир. Ее небо голубое, выцветшее, будто там уже наступила осень. Среди осени беззвучно живут бледные жестяные звезды. Верхнее общее небо мучилось смогом и из воспаленных глаз роняло в несвой звезды редкий тяжелый дождь. Оно тосковало по забытому.

Тусклые кресты соединяли небо больное и небо осеннее, обещая больному утешение и приход и его чистой осени, когда-нибудь.

Рядом шумно прогрессировало человечество. Оттолкнувшись смачным «икарусным» выхлопом от церковного забора, оно меньшей своей частью устремлялось в избыточную товарами соседнюю даль. Большая часть терпела разболтанные голубые колымаги в обратном от избытка направлении. Город рычал двигателями, медленно вытеснял церковь из своего пролетарского тела прочь, за-

тирая ее смысл усталыми спинами, обвисшими плечами и мускулистыми авоськами оголодалых приезжих. Церковь, туго обернувшись белым забором, прорастила смог крестами. Те, кто в ней нуждался, могли ее увидеть.

Они протолкались сквозь толпу автовокзала и остановились, глядя вверх. Им вдруг захотелось перекреститься, чтобы соединиться с покоем, но они не поняли этого чувства. Оба знали себя некрещеными и побоялись разрушить что-нибудь наивной поспешностью.

Он поглубже затолкал руки в карманы.

— Девушка,— услышала она сухой шелест снизу,— подай бабушке Христа ради.

Они оторвали взгляды от неба.

Вдоль белого забора темнели скопанные фигуры. Бесформенные, неподвижные. Камни, оставшиеся от чего-то давнего. Они жались к подножию церкви, словно тяжестью прожитых жизней хотели удержать ее от безвозвратного вознесения. Они были тихим основанием ее. Они повернули к женщине лица, серые, как их одежда. Они не протянули рук. Они не надеялись.

Она сунула руку в карман к приготовленной десятке и порезалась о ее хищный край. Зашарила вокруг, отыскивая что-нибудь другое, но ничего больше не было. Десятка жалила пальцы, заранее защищая свою банковскую девственность. Женщина растерянно оглянулась.

— Нету,— мужчина вынул руки, чтобы развести ими, и снова спрятал в карманы. Потоптался и вдруг обзидился, чтобы не быть беспомощным.— Пойдем!

Банковский знак вонзился в ладонь.

Она посмотрела на нищих.

Они ждали.

Потом на него.

Он ждал.

Он был длинный, тощий, в хипповатой кепочке. Под кепочкой торопливо моргало и терялось, терялось. Он был более нищ, чем те. Он даже не был ничьим основанием.

— Пойдем,— выбрала она.

И взяв его под руку, съжившись, прошла сквозь пустоту, из которой покорно убрали тяжелые взгляды.

— А крест целовать надо? — спросил он, когда они вошли в ворота. — Когда покрестят?

— Не знаю. — Она об этом не думала.

— А то, это... — Он замаялся. — А вдруг он заразный?

Она опять пожала плечами, но ей тоже стало неприятно.

Они остановились.

Без белой ограды церковь оказалась другой. С каменным телом, старым, усталым и избитым строительным инструментом. Она напоминала тех нищих, что за оградой просят подаяния. И, наверное, так же, как у них, одинокое жилище забито вещами, которые, кроме нее, никому не нужны. Внутренний двор наполняли какие-то пристройки, сарай, домики с многочисленными дверями, как у дореволюционных шкафов. Двери открывали и закрывали деловитые бабки. Бабки тоже были забытыми вещами, и церковь хранила их в своем жилище вместе с остальным ненужным.

Бабки суетливо передвигались через двор, исчезали в храме и обратно являлись неторопливые, с торжественным лицом, у всех одинаковым. На белых полотенцах, чтоб было чисто, они несли иконы.

Выносили иконы. Выносили детей из разрушенного.

— Ремонт, — мрачно определил мужчина.

Женщина вздрогнула и стала смотреть на все снова.

К старому зданию пристраивали два новых крыла. Светился красный кирпич, не заросший штукатуркой. Плоть, еще не тронутая кожей. Церковь теснила себя снаружи, чтобы быть свободнее внутри.

— А если не работают? — забеспокоился мужчина. — Раз ремонт?

— Это ж не государственное предприятие, — усомнилась женщина. — Можно спросить.

Они неуверенно потопали к ближней бабке. Но та вдруг сорвалась с места и заторопилась к дверям церкви. Из врат высоко выплыла женщина с ребенком на руках. В длинных одеждах. Со спокойным лицом. Улыбаясь, она смотрела на своего мальчика, не замечая остального. Бабки, приседавая, поддерживали женщину

под руки своими белыми полотенцами и осторожно вели куда-то. Иногда они, усиливаясь в почтении, останавливались и, обтерев губы краем головного платка, бережно целовали Ее нарисованную руку и крестились. Лицо женщины сияло, и мальчик тянулся к нему, греясь и радуясь.

— Пресвятая Богородица... — донеслось издали. Ласково и благодарно.

— Видишь, икону целуют, — забормотал близко. — Наверное, крест тоже пригодится.

— А? — Она очнулась. Заметила, что руку держит на животе, и внутри от этого тепло и податливо.

Смутилась, отдернула руку в карман.

Икона ушла. Бабки опять мельтешили через двор.

— Пойдем! — Женщину дернули за рукав.

Она шатнулась и двинулась, не понимая, куда.

— Спроси, — подтолкнули. — А то я чего-то... того.

Мимо беззвучно проплывала еще одна, совсем незаметная икона. Крепко держась за нее, сменяла следом крохотная старушка с лицом, лучезарным от морщин.

Женщина не решилась разрушить их единение глупым вопросом. Мужчина тоже почтительно отодвинулся и удрученно прошептал:

— Одни бабки... Кладбище.

Обоим показалось, что они нечаянно зашли не в свой дом.

Чтобы не струсить окончательно, женщина ринулась вперед.

— Извините... Скажите, мы вот... — героически начала она, но голос вдруг съехал в жалкое. — Креститься хотим...

Очередная бабка, резко развернувшись, прострелила их испуганным взглядом. Женщина слегка попятилась и нашарила за спиной мужчину, чтобы было на что опереться. Услышала, как у того внутри загнанно колотится, как, наверное, и у этой бабки.

«Чего ж это мы так...» — скользнуло где-то смутное удивление. И стало больно, как будто они ушли из дому, заблудились, жили где-то и как-то и вдруг поняли, что никогда уже не вернуться.

Она вцепилась в рукав его куртки, подтянула поближе, чтоб

в новой пустоте быть хотя бы вдвоем.

На замершем бабкином лице зашевелились морщины, сложились в трещину говорящего рта. Услышалось дребезжанье и в нем благодарно-тихое:

— Господь с вами, детки. Это туда, в регистратуру. В тот угол идите. Господь вас примет, обретет.

И закрестила их часто.

«Обретете», — зазвучало в пустоте. Женщина тревожно прислушалась к обещанию. И вдруг ощутила, как за спиной замерло что-то в мужчине, потом грохнуло мощно и забилось тяжело и уверенно, как в сильном и исправном механизме. И ей сразу стало спокойней.

— Спасибо, бабуль, — прококетало над ухом. — Значит, там?

И женщину повели. Она не сразу поняла, что ее ведут. Почти несут под мышкой. А она только торопливо перебирает ногами, чтобы поспеть за ним. За его шагами. Гигантскими. Она удивленно разглядывала мужчину и пыталась вспомнить, всегда ли он был такого роста. Наверное, да. Не мог же он вырасти за минуту. Хотя мужчины растут долго. Она вцепилась в его руку, сильную руку, и полетела над землей. В угол. Туда, где в регистратуре их примет Господь.

Полет окончила дверь со значительной надписью. Как в иных общественных местах. О надписи сломался мужчина. Он поднял руку, чтобы распахнуть дверь, и вдруг опал в плечах. Женщина наткнулась на него и сорвалась на землю. И ощутила свою тяжесть. Тоскливо усмехнулась:

— Господь не принимает.

Она взяла мужчину за руку. Это помогло ему упрямо наклонить голову.

— Только давай — говорить будешь ты, — тихо попросил он.

— Хорошо, — согласилась она и тоже попросила: — Только вместе войдем, ладно?

У Господа Бога висела канцелярская табличка. И через нее решиться было почти невозможно.

Но они были вдвоем. Они вошли.

А им сказали:

— Вы опоздали.

И глядели в сторону.

Им показали вторую табличку на стене. Расписание. «Крещение, регистрация — с 9 до 12. Стоимость 10 рублей».

— Время вышло, — сказали им. — Все уже окрестились. А вы опоздали.

Опоздали. Время уже вышло. Они тоже вышли.

Безвременье. Плакало небо. На кресты.

У дверей в храм плакала старая женщина в черном платье. На свой крест.

— Хоронит... — пробормотал он

— Хочешь, зайдем? Там поют, — отозвалась она.

— Нет. — Его передернуло. — Я не хочу. — Он замолчал, потом закончил другим. — Ничего не вышло.

— Завтра придем, — звякнул ее голос. — Надо вовремя.

Кроме голоса, у нее ничего не осталось. Она не сумела по-мочь.

Они обходили свежестроенный угол. Под небом, по самому краю стены опять брели две бабки — с носилками в руках. В брезентовых фартуках и рукавицах. Под стеной две другие накладывали в носилки раствор. Еще дальше несколько бабок, выстроившись цепочкой, сортировали кирпичи.

Иконы уже никто не носил. Лики только старушечьи. Старухи привычными руками творили свою церковь.

— Кладбище... — бормотал, уходя, глухой голос. Отдаваясь, он становился все более незнакомым. — Кресты кругом... Не церковь, а могила.

«Могила?» — содрогнулось в ней.

Бабки в грязных рукавицах несли наверх по кирпичику.

Скорбно возносились кресты. За намокшим забором обеспечивали продвижение близкие «икарусы».

«Что же я буду делать в могиле?» — Она смотрела на край стены, на бредущих по небу бабок.

Бабки медленно скрывались в облаках, бережно неся свой груз. Женщина опять оставалась одна.

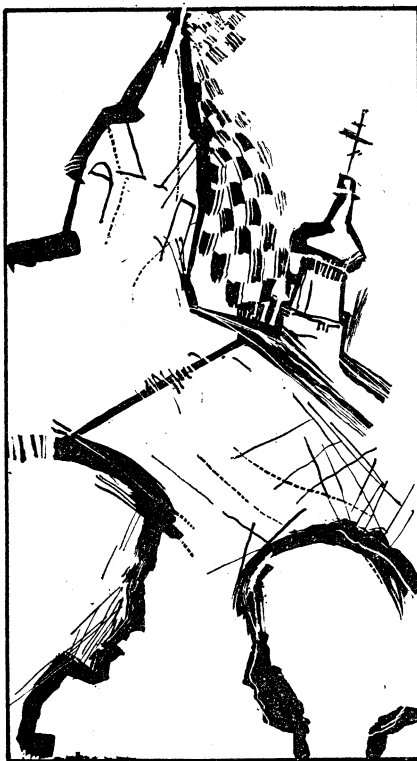
«Просто я не умею. Он хотел

к Богу не потом, а сейчас. Что-бы не умирать каждый день, а жить протяженно и зачем-то. Нет, — вдруг заскользила какая-то важная мысль, — церковь не могила. Это могила — Храм...»

И вдруг стало очень легко.

Наверху, у самого неба, она увидела человека. Широкого и прочного, в затертой клетчатой рубашке. Он работал. Он брал тяжесть из дрожащих старушечьих рук и точными движениями сбивал ее в стену. Он строил. Он был там совсем один.

«Господи, — прозвучало в женщине. Помолчало и произнесло снова: — Господи. Помогите ему, одинокому».

Но перекреститься она не смогла.

Она выбралась со двора, пу-стая внутри, как утренняя ком-ната, из которой все ушли на ра-боту. Ушли и забыли ребенка. Ре-бенок завозился где-то в углу. Совсем маленький в огромной пу-стоте. И позвал.

И женщине пришлось вернуть-ся в себя.

Она огляделась.

Ее ждал мужчина.

«Напрасно он ушел», — вдруг подумала она.

Ей хотелось объяснить ему что-то важное. Но слова, из которых сложилась мысль, уже потеря-лись, а сказать ощущением не по-лучилось. Она оказалась немая.

— Послушай, — заговорил муж-чина, глядя в сторону. — Ты это... Одолжи мне десятку, а я тебе по-том отдам.

Он нетерпеливо облизал сухие губы. Она тоже отвела глаза.

— Нет, — глухо прозвучало из нее.

И все потускнело внутри.

Он молчал, отворачиваясь все больше.

— Послушай, — сказала она следующее слово, и внутри стало еще тоскливее.

Надо было молчать, чтоб не угасло совсем.

Мужчина пнул камешек и зло застонал.

Ему было плохо. И десятку он достанет.

Тогда ей стало все равно, и она заговорила:

— Не надо. Давай лучше завт-ра. Сюда. Еще раз.

— Нет! — сорвался он. — Я больше не могу! Я уже умер здесь сегодня.

И заглох.

Потом забормотал торопливо:

— Послушай, ты ведь тоже родишь. Сына... — Дернул лицо усмешкой и сквозь нее продалил зло. — Вот и...

Снова остановился и потом, от-чаянно рыкнув, ударил по возду-ху лапой и, повернувшись, заша-гал прочь. Большими шагами.

Может быть, он был жив.

Никто не смотрел на нее от стены тяжелыми взглядами. Ни-щие ушли. Женщина вспомнила, усмехнулась: «Эту десятку я за-няла у соседней бабки. Бабка мне ее подала».

Бабки нам подают.

Окунишек ловлю. Одного за другим выдергиваю из речной ямки, и такое мне, девятилетнему, чудится: наверно, они в очереди стоят и даже без очереди лезут, лишь бы поскорей попасть в мой котелок. Совсем ошалели окунишки, даже червя на крючке не поправляю, хотя и неловко мне от этого перед ними и перед миром. Есть же порядок: всякий раз после поклевки поправь на крючке червяка да еще и поплыви на него.

А ямка у берега славная: вода — лесная, темная, в ней хоровадом пузыри крупные выныривают, и к берегу их прибывает. Самое окуневое место. Я давно облюбывал эту ямку на Сыге: пусть мелковаты окуни — «семечки», зато без рыбы домой никогда не уйдешь.

Да, у нас в деревне всякую рыбу издавна с чем-либо сравнивают, и сравнение для каждой рыбы постоянно, одно навсегда. Если крупный лещ, то обязательно «как за-слонка»; про щуку скажут, что она «с полено»; щуренка назовут «веретешком»; старые, горбатые окуни — это окуни «по лаптю»... А я ловлю «семечки». Но пусть невелики мои окунишки, а все-таки это — окуни, рыба серьезная, уважаемая.

В колхозе нашем выходной на сегодня объявлен — перед сенокосом. В сенокос некогда будет с удочкой на берегу сидеть. Не то что мне и моим ровесникам — даже самым маленьким, «семечкам» вообще, работы по макушку будет. Вот я и выбежал пораньше из дома, добрался до Сыги, по язку перешел речку и — к своей ямке.

Да, все ли знают, что такое язак? Конечно, название рыбы «язь» в этом слове слышится сразу. А почему — сейчас объясню. Язак — это плетень поперек реки или ручья, через который вода как бы процеживается. Вода процеживается, а рыбе ходу нет. Но зато у плетня есть отверстия, в которые ставятся морды. Опять непонятно? Морда — это рыболовная снасть, сплетенная из тонких ивовых прутьев и похожая на свиную чушку, ну, на морду то есть. Такая вроде простая, однако хитрая снасть — вроде черныльницы-непробивайки: рыба в ее горловину зайти захочет, да вот беда — обратно выйти не догадывается. Сейчас ловля мордами запрещена, а прежде ловили. И рыбы, кстати сказать, не убывало. Всякая водилась, всякая в морду шла — язи тоже. Вот и язак. У нас такой рыбалкой больше старики занимались. Дело нехитрое, а времени и мастерства требуется ой сколько! Надо и морды сплести, и плетень тоже. Да еще и жерди перекинь сверху. О них снасть проверяется, по ним и через речку кто хочешь переходит.

Этот язак — знаю — дядей Николаем ставлен. Он из лесной удмуртской деревушки Мушлуд, которая в берсте отсюда на Сыге стоит. Пройти в нее из нашей деревни можно и напрямик, полевой дорогой. Соседствуют наши деревни, и мы все от мала до велика знаем друг друга.

Ловлю я, значит, окунишек и радуюсь. Пожалуй, с вечера ждали они меня и в жданках проголодались. Вон что делают... вон... вон! Любо смотреть на поплавок: чуть на воду — и сразу столбиком вниз! Плавно, основательно, всерьез!

Вдруг — что такое?!

Как-то совсем по-иному, чуть ли не по воздуху метнулся к дальним кустам поплавок. Я даже сообразить ничего не успел, только от неожиданности или с перепугу — дер! Зацепилось что-то: живое, большое, сильное! Волоку, руки дрожат, удилеше дугой. Надо бы все делать по правилам, как учили, да какие уж правила, когда всего трясет. Однако сумел-выволоку — язь. Язь! Жабры у него, будто красивые папоротники под ветром, туда-сюда ходят, чешуя на нем сизо-серебряным огнем пышет. Я его — скорей подальше от берега, в низинку на траву. Ну, попрыгай, поделай колеса, поваляйся, поросенок этакий! Дивлюсь, радуюсь, сам себе не верю. Неужто я поймал? Неужели мой?! Мой!

Смотал удочку, язю сквозь жабры ветку протернул (он в котелок не влез), перебрался по язку на свою сторону и — рысью по тропке!

Мама, увидев меня, заликовала вся, молодой-молодой

МАЛЕНЬКИЙ ОЧЕРК ПРО БОЛЬШОГО ЯЗЯ

стала; сестры с уважением смотрят на брата; отец тоже доволен: усы покручивает и в глазах у него маленькие язенки светятся.

— Как ты его? — спрашивает.

— На червя, пап, за Сыгой, в окуниной ямке!

— За Сыгой?

— Ну да, ближе к Мушлуду.

— А через Сыгу где перебрался?

— По язку дяди Николая.

Ни о чем больше не спросил меня отец. Только как-то сразу потемнело у него лицо, и усы крутить перестал, и язенки из глаз унырнули. В контору заторопился он, колхозный счетовод, хотя сам же вчера объявлял всем, чтобы отдыхали хорошенько перед сенокосом.

Я даже удивился, что такое стало вдруг с ним, но из радостей вскоре забыл думать об этом.

Однако часа через два (видно, закончил свою работу) воротился отец домой. Веселый, открыто-радостный, пришел он и — сразу ко мне.

— Ну-ка, сын, покажи еще раз своего язья!

— Да он в чулане. Я уже почистил его и подсолил.

Обычай такой издавна велся у нас в деревне: рыбак сам чистит пойманную рыбу, иначе-де ловиться не будет.

Но все-таки притащил я рыбку и даже удивился, как снова любовался яззем отец, как измерял его длину от головы до хвоста, циркулем разметнув большой и указательный пальцы. Конечно, очищенная рыбина совсем не то, не смотрится, но однако еще пуше, чем утром, радвался он.

— Да, сын, ты у нас действительно. С таким яззем, наверно, не шутка справиться...

— Удилище, пап, в дугу согнулось!

— Я что и говорю. Не помню, чтобы в твои годы мне довелось такого поймать. Ну, сын!..

Совсем захвалил меня мой родитель Алексей Николаевич, очень не любивший бросать зрящих слов.

И только много-много времени спустя узнал я в чем дело.

Оказывается, выйдя из дому, отец мой в контору не пошел, а торопливо направился в Мушлуд. Это полем два-три километра. Дошагал он до подворья дяди Николая, а тот как раз налаживается морды смотреть: уже и сам — вот он — в калитке стоит, и пестерь у старика за плечами.

— Э-э, Николай Иванович, — поздоровавшись и как-то объяснив свое появление, сказал мой отец. — Ты, я вижу, за рыбой. Дай-ка и я попутно с тобою в свою деревню пройду.

Это значит, уже не полем, а по реке.

В беседе про то да про се спустились они вниз по Сыге до того самого язка.

— Взглянуть, что ли, каков твой улов, — задержался мой отец.

Николай Иванович неторопливо одну за другой осмотрел все морды. Их было три. Уже в первой, когда поднимал плетенку из воды, забилась-затрепетала добрая рыба, а в трех ее оказалося столько, что лыковый пестерь и не застегнешь.

— Скажи, Николай Иванович, — спросил между прочим мой отец, — как ты думаешь: не мог кто-нибудь сегодня до тебя пошевелить снасти? Уж больно ты поздно пришел их проверять...

— Ни в коем разе, Николаич!

— Даже не сомневаешься?!

— Повторяю: ни в коем разе.

— И доказать это мне сможешь?

— А что доказывать! Ты на счетах, куда катить колесики, хорошо знаешь: не зря мы тебя в деревню часто зовем. Я рыбу хорошо знаю. Вот, скажем, если поднять из воды морду с рыбой и даже ничего не взять, а тут же ее обратно в воду, то рыбы уже не останется: вся уйдет через горловину. До этого не уходила, а тут уйдет. Умная, видно, делается. Это, Николаич, не раз мной проверено. Однако, видишь, сколько рыбы подало... А еще, — хитровато улыбнулся старик, — я такие метки-невидимки настораживаю, что ни одна душа не углядит. Сейчас при тебе ставил обратно морды, но давай проверим: я вон туда, за кусты уйду, посмотреть не стану, а ты подними какую-нибудь и поставь обратно, да все как у меня сделай. Сразу определю, Николаич, которую шевелил. Сегодня, говорю, такого не было.

И, видя, как почему-то веселеет лицо моего отца, дядя Николай добавил:

— Да и реже сейчас слышно про такое. Сам поудли: кто мы будем, если пакостить один другому начнем! Рыбу из чужой морды или сети вытрясешь — кость в горле застрянет, мед из пчелиной колоды — он горьким делается, к соседу в огород полезешь — штаны порвешь, землю у соседа в поле припашешь (а мы с тобой соседи: русский — удмурт) — на могильном холме нехватка земли будет: быстро забывают худого человека... Однако, Николаич, зачем ты меня говорить, как балалайку, настроил? — вдруг насторожился старик. — Или что стряслось?

— Для своего интереса, Николай Иванович. Сам говоришь: соседи. А соседу соседа послушать полезно. Хорошие ты слова сказал... Ну, я побегу...

— Да хоть рыбы возьми на пирог: гляди, сколько у меня — тяжело нести будет.

— Что ты, право! Твоя Сыга — моя Сыга, ты рыба — у меня свой рыбак вырос: придет и наловит...

И заторопился мой отец, Алексей Николаевич, домой, пошагал той тропинкой, по которой я пробегал поутру босиком. И сказал он, придя, хорошие отцовские слова, которые — повторяю — им просто так никогда не говорились, почему и особо дорогую цену имели.

Но я лишь много позже, повторяю, лишь через несколько лет, услышал от дяди Николая о разговоре моего отца с ним возле памятного язка, и тотчас ясно мне стало, что так встревожило отца в то памятное утро и почему потом, освободившись от тревоги, так радовался и даже ликовал он, глядя на принесенного мною язя.

Полвека — полвека! — прошло с того дня, а все помнится он. И язя того помню, и окуневую ямку за Сыгой-речкой, и переход в две жерды над язком дяди Николая, и сам он помнится мне... А еще, стало быть, помню, как высоко ценились в деревне честь и совесть, как порицались бесстыдство, клевета, бездумный и безумный ор, завидующие глаза, загребушие руки, как высоко — вроде солнца — всходило сделанное человеком человеку добро, как береглись доброе соседство и дружба.

И когда думаю о деревнях, которых вроде Мушлуда,

увы, уже нет, то горюю не только о них самих — плачу о том вроде бы невидимом и неслышимом, но ощущавшемся с млада, с младенчества свете... да, горюю и плачу о том внутреннем свете, который люди умели копить и беречь — для себя, для примера детям и внукам.

МАМИНА ПЕСНЯ

С мамой прощаюсь.

Всякие бывали у меня прощания с нею. Все ненадолго и на затыжные разлуки, даже на годы. С легкой грустью от материнского благословения и во все легкие. С пробуровившей всю грудь болью прощания бывали и с тихой жалостью: посмотришь на нее, на родную, и ноги стаеют, шага не могут сделать росстанного. Но если смутный уходил-уезжал, то и бодрость давала она же, мама, легонько прикоснувшись к руке моей, особому глянув, мол, надо. И со спокойной уверенностью, и с молодой одержимостью выходил, бывало, из ворот, а силу эту, силу и надежду опять же возьмешь у нее — у слабойкой вроде...

Да, всякие бывали прощания.

Сегодня — небывалые: навсегда.

Обычно уходил я — сегодня уходит она.

Как горько и странно! Уже вроде казалось, коли немалые годы выдалась матери, что мига этого никогда не наступит, она, старая будет всегда; я уже привык к этому. И если нечаянная мысль все-таки подбиралась, я поспешно, будто ее и не было, начинал думать о другом.

Никогда, ни единого раза, дожив до девяноста, не заговорила мама о вечной разлуке. И сегодня не говорит. Зачем! Оба все знаем и молчим. Да и можно ли что-то сказать! Я — не могу.

— Споем, сын, — говорит мама.

Часто в жизни удивлялся я материнским словам, неожиданной обыкновенности ее решений. И ни разу не бывало, чтобы пришлось упрекнуть ее или хотя бы подумать о легковесности услышанных слов.

— Споем, сын.

— Какую, мама?

— Сам выбери.

Знаю мамини песни. Все или почти все, наверно, знаю. Помню их с детства: и когда пелась та или другая, и как пелась, и что вкладывалось в нее.

Понимаю: тяжелую, горькую, насадную сейчас не надо. Это и без песни при нас, при обих. Может, лучше, чтобы жизнь быстротечная в песне заликовала, травка слабеющей руке далась — поглядить ее напоследок, радостный миг былого солнечного колобок прокатился.

Как пели раньше, ах, раньше пели как!

Теперь почти не поем: разучились или сломалось что-то внутри у народа. То, что идет со сцены, с экрана, в репродуктор, обратилось в работу, в добывание куска насущного, — не в счет.

«Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои...» — начинаю я.

Мама тоже поет. Почти беззвучно шевелятся ее губы, и на лбу выступили бисеринки пота... И вдруг мне видится сенокосный дуг, мы с мамой в общем ряду, мне двенадцать, я уже научился косить, да вот беда: не умею точить-лопатить литовку. И мама, торопливо углом платка смахнув со лба пот, точит обе косы — свою и мою, урывая для моей литовки сладкий миг передышки...

«Выходила молода за новые ворота, выпускала сокола из права рукава...»

И снова вижу маму... она такая нарядная в единственной праздничной кофте (даже рисунок этой кофты прорезался вдруг). Именно под эту песню всегда первая делала она выход в праздничный колхозный круг и зывала в него других.

«Выпускала сокола из права рукава, на полетике соколку наказывала...»

Куда же, куда полетит стремительный сокол?

А полетит он «столь высоко, столь далеко — на родную сторону».

Родная сторона, милая!

Милая с колыбели, милая до гроба — всегда!

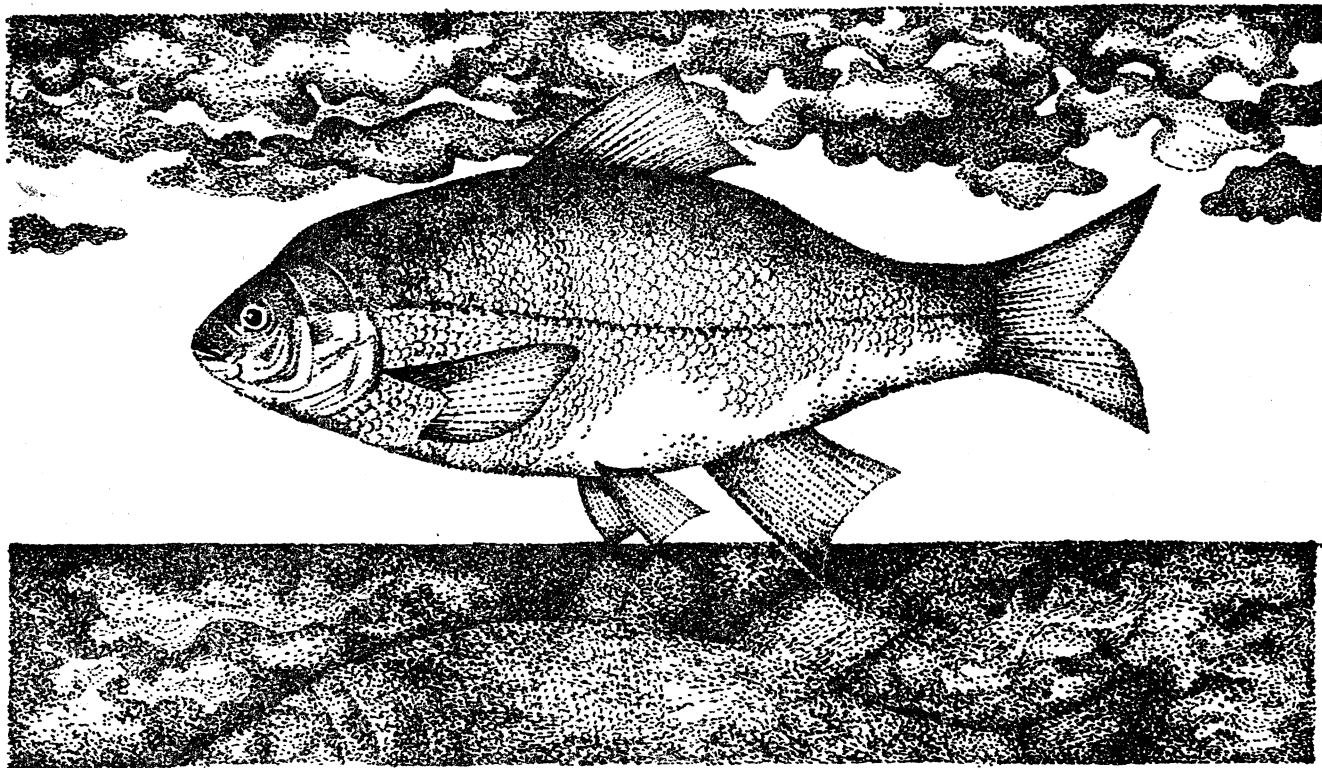
Так я пою, бодрясь — насколько хватает мочи, чтобы вернуть для матери то бывалое-былое, что возникало при

— Но, мама, вспомни: ее всегда так пели и даже плясали под нее. Ты сама выходила...

— Значит, неправильно пели... неправильно плясали.

— Но почему?

— Сын, подумай... — Ей трудно говорить, уже совсем не осталось прежней — крестьянской — силы, даже слово подлиннее неумоготу произнести без передышки. Да и сама тема необычна для нее, вовсе неграмотной. Но она все-таки шепчет. — Про кого песня-то? Про молодуху... На чужую, немилую сторону взамуж ее выдали. Так, видно, понимать надо. Всего лишена теперь. И по сенишкам не хаживати, и мила дружка.. не важивати... А сумей она выпорхнуть, дак тоже некуда деться: «На родимой-то сторонке грозен батюшка живет. Он грозен, грозен, грозен, он не милостивый!». Попробуй воротись! Вот в какую мялку попала, дак с чего веселиться-то?! Она же плачет, плачет, сын!

этой песне у целой деревни, а сам, взглянув в окно (там осень), поневоле вижу другую такую же осень (даже дни совпадают!) — только сорок лет назад... Мы стоим у могилы отца. Уже не будет больше его, солдата двух великих войн, никогда. Только в памяти... Вот и сейчас помню... Рядом с нами, с четверыми, в молчаливом прощанье — мать. «Мне мила дружка за рученьку не важивати...»

Спета песня. Молчим. Долго не решаюсь взглянуть на маму, а глянув, снова цепенею от скорой утраты, которая уже поставила на ее лик свои меты. Но вот она негромко произносит:

— Ты, сын, неправильно песню пел.

— Что, слова перепутал?

— Нет... ты как бы весело пел, а ее весело петь неправильно.

О, мама, это ее «как бы»! Значит, и в эти минуты она все видит, и понимает, и жалеет свое дитя. Но говорит она только о песне, и я отвечаю только о ней:

Мама почти беззвучно сама выплакивает последние слова, и я вдруг поражаюсь тому, что, вроде зная песню всю жизнь, ни разу не вслушался в нее по-настоящему. Как же это случилось? Почему за внешней веселостью песни не разглядел я другого, глубинного пласта — женской скорби и боли извечной, так выплеснувшейся, такой щемящей. Я бы не запел ее сегодня, в такой час.

А может, в самой этой песне свойство народа моего — прятать боль, будто ничего, терпимо, и даже запеть, когда зарыдать хочется, и даже в пляску пойти, когда так бы и тоннул ногою от гнева или когда подступит час грозен, миг не милостивый!

Но о чем-то же говорит это свойство?

Не о великости ли души народной, не о способности ли ее все претерпеть!

А может, это о самой родине, умеющей все одолеть и снова засиять светло и радужно?!

Родина моя!

Мама!..

Существуют ли неопознанные летающие объекты — НЛО?

В этом, мне кажется, после многочисленных сообщений в печати, уже невозможно сомневаться. Тем же, кто остается скептиком, предлагаю пройти по следам инопланетян, оставленным на Дальнем Востоке. Почему именно там? Похоже, к этому краю НЛО проявляют особый интерес. А, кроме того, факты, которые будут приведены, практически неизвестны читающей публике, поскольку взяты мной, что называется, из первых рук и ранее, за небольшим исключением, не публиковались. Но для начала — несколько случаев, описанных в дальневосточных газетах.

В конце октября 1989 года примерно с девяти вечера до полуночи многие жители поселка Крабовозовский, что на острове Шикотан в Японском море, заметили в небе багрово-красное облако, висящее над водной гладью. Его свечение было настолько сильным, что резало глаза. Некоторым из очевидцев все же удалось различить внутри эллипса черное пятно или ядро шаровидной формы. Объект был на высоте не более тысячи метров. Во время его движения на островной радиолокатор действовали очень сильные помехи. Сообщая об этом, областная газета «Советский Сахалин» уточнила, что несколько раньше такой объект наблюдали моряки теплохода «Эвекинот» и докеры порта на острове Кунашир.

Интересен также рассказ военного пилота Копейкина о том, как он попытался пройти на истребителе сквозь аналогичное облако в районе Камчатки. «На подходе истребитель стало трясти так, словно он не летел, а ехал по булыжнику, в наушниках поднялся вой, я даже сорвал шлемофон — стало больно ушам. Не дойдя до облака, я отвернул, не выдержал, и... все прекратилось». В подобную ситуацию, по его словам, попадали и другие военные летчики. Но не все оканчивалось так мирно. В западной печати сообщалось, что в начале 50-х годов НЛО на Дальнем Востоке были обстреляны советскими ракетами. К чему это привело, остается военной тайной...

А вот рассказ о встрече НЛО 30

декабря 1988 года жителя Приморья, шофера Дальнегорского пассажирского автотранспортного объединения Павла Дмитриевича Ужвы. «Было 7.45 утра, когда я на своем «Икарусе» подъезжал к остановке «Данбуритовая» и заметил мигающий свет впереди за сопками. Посчитав, что он идет от самосвалов в карьере, я повел автобус дальше. Пассажиров было много, ехали на работу. Перед остановкой «Горбуша» заметил, что свет усиливается, и вскоре увидел источник. Это было тело конической формы, в виде опускающегося парашюта, только куполом вниз. Оно висело над самыми высокими сопками. Внизу, у расширенной части, находилось подобие антенн и нечто вроде большого количества фонарей, они-то и давали ежесекундно импульсы мощного света. Я остановил автобус, и десяток пассажиров в течение минуты разглядывали странный предмет. Затем он медленно, без звука стал удаляться в сторону моря, поднимаясь вверх. В один из моментов мы увидели, как от объекта отделились лучи в сторону громоотводов и вокруг их концов появилось свечение желто-синего цвета в форме «полусфер». Подобные явления наблюдались в Приморском крае в районе Пластуна, Барабаш-Ливадии, а также над японским островом Хонсю.

Кстати сказать, район Дальнегорска известен и еще одним необычным происшествием. 29 января 1986 года в вершину сопки ударился НЛО, в результате чего в течение почти часа на высоте 611 метров светилось яркое, как при электросварке, пламя. Из многочисленных свидетелей лишь двое слышали глухой звук падения, однако все заметили, что объект круто изменил траекторию именно над этой сопкой и дважды подпрыгнул на пятячке размером 2 на 2 метра.

Через несколько часов после падения объекта, — рассказывает руководитель Дальневосточной группы комиссии по исследованию аномальных явлений в окружающей среде В. В. Двужильный, — наша экспедиция побывала на высоте 611. Снег на месте падения не просто растаял, он испарился. Горная порода была покрыта черной пленкой, земля — черным пеплом. Пень же как бы опла-

вился, а не обгорел, что свидетельствует о температуре не менее 3500 градусов. В пепле мы нашли металлические капли, черные стекловидные частицы, а также необычные чешуйчатые образования в виде сеточек. Любопытно, что тонкая кора кустарника, растущего всего в нескольких сантиметрах от «пожарища», ничуть не пострадала. В то же время найденные там оплавленные шарики были так прочны, что их невозможно было разрушить...

Образцы, собранные на месте падения объекта, исследовались в трех академических центрах, в 11 специализированных институтах. Химический состав «сеточек», например, включил в себя едва ли не половину элементов таблицы Менделеева...

— Эта сопка и особенно высота 611 — истинный кладезь загадок, — продолжил свой рассказ Валерий Викторович. — Здесь сконцентрированы все известные аномалии, характерные для мест разлома земных структур. Ну хотя бы такой факт: горная порода в зоне падения НЛО остается намагниченной уже четыре года, хотя куски точно такой породы, взятые совсем неподалеку, не имеют даже следов магнетизма. Дальнегорский феномен, в самом деле, — «сногшибательный», как написал мне в своей телеграмме президент научно-исследовательской сети (ИКУФОН) Кольман фон Кевичкий. Интерес к нему не ослабевает. В одном из январских номеров газеты «Молодой дальневосточник» за 1990 год под рубрикой «НЛО» можно было прочитать: «Отдел спортивного туризма «Арго» приглашает всех желающих посетить место посадки НЛО в районе Дальнегорска. Продолжительность путешествия 6 дней, стоимость путевки 99 рублей. Группу сопровождают опытные уфологи»...

Приведем также некоторые свидетельства очевидцев, опубликованные на страницах газеты «Тихоокеанская звезда», выходящей в Хабаровске. «Полпервого ночи я выключил телевизор и хотел лечь спать, как вдруг в окне мелькнул яркий свет. На высоте 20—30 метров над землей я увидел огненно-красный шар. Повисев в воздухе несколько минут, он бесследно исчез. И. Еременко, г. Биробиджан». «Мы живем в Индустри-

ПО СЛЕДАМ ИНОПЛАНЕТЯН

Расследование загадочных происшествий в Хабаровске
ведет уральский криминалист, доктор юридических наук **Е. ИЩЕНКО**

альном районе Хабаровска. В 3.40 наблюдали на горизонте в юго-западном направлении огненно-красный объект яйцевидной формы, зависший над землей. Через 10 минут он начал быстро удаляться и исчез из глаз. Семья Шагинян». «В октябре прошлого года с 21.30 до 22.00 над центром Хабаровска висело ярко-красное видение в виде цветка: посередине было что-то вроде ядра, а вокруг располагалось пять шаров-«лепестков». Это НЛО медленно, как бы по наклонной плоскости, двигалось в сторону Амура, идя на снижение. М. Захарова».

«В восьмом часу вечера я выглянула в окно, и мое внимание привлек красно-малиновый шарик, который двигался толчкообразными кругами над территорией Хехцира (гряда сопки неподалеку от Хабаровска — Е. И.). Он был в кольце (как Сатурн) и то зависал и испускал лучи, то кружил восьмеркой, а то опять двигался размашистыми кругами. Минут через 15—20 он завис, и вдруг от него отделился точно такой же шарик. Эти два шарика стали кружиться каждый по своей орбите, то отдаляясь, то приближаясь друг к другу. Один из них изредка стремительно отлетал в сторону и возвращался ко второму. У нас, наблюдателей, сложилось впечатление, будто они обмениваются какой-то информацией. Вскоре один из шариков улетел в сторону и больше не появился. А второй, не переставая, кружил, зависал, мигал. Через некоторое время мы увидели вертолеты. Рокот их был хорошо слышен. Шар вдруг остановился и тут же с неизменной скоростью поднялся вверх и исчез. (Заметим, кстати, что локаторы в США зафиксировали НЛО со скоростью движения от 8450 до 14500 км/час). Уверена, что этому факту вы не удивитесь, но все равно, примите, пожалуйста, к сведению мое сообщение об НЛО. Хочу добавить, что иногда в шаре появлялся крестик, он как бы высвечивался. Свидетелями этого явления были моя мама, сестра, дочь, а также наши соседи. Все это мы наблюдали с пятого этажа минут 40. Н. Дзюбанова, г. Хабаровск».

И еще одно сообщение из «Тихоокеанской звезды». «На вопрос, верит ли он в НЛО, офицер В. Застава теперь отвечает: «Сам видел!» Это был ярко-красный шар, который появился в районе железнодорожного моста через Амур и ушел в сторону Волочаевки. Сотрудники городского отдела выехали к Мичуринскому совхозу, над которым завис объект, но он исчез. А через час со стороны Индустриального района в небе появились красные шары, бесшумно и с большой скоростью шедшие друг за другом примерно на одинаковом расстоянии. Они наблюдались в тече-

ние короткого времени, прошли над Амурским мостом и исчезли. Затем по тому же маршруту проследовал еще один шар. Интересно, что у снимавшего это явление оператора пресс-центра УВД Владимира Меркулева вдруг отказал электронный календарь видеокамеры, а когда предметы как бы зависали в воздухе, по монитору шла рябь. После того, как НЛО исчез, электронные системы вновь стали работать нормально. Некоторые кадры использовала Хабаровская студия телевидения в своей информационной программе. очевидцами стали и супруги Ленгесовы, которые наблюдали плывущую в небе плоскость с двумя большими огнями. Объяснить необычное явление пока никто не может».

А произошло в последнем случае вот что. 21-го марта 1990 года в 20.30 в дежурную часть управления внутренних дел города Хабаровска поступило сообщение, что больные первого терапевтического отделения, расположенного на пятом этаже городской больницы № 10, уже полчаса наблюдают со стороны Воронежа (название лесного массива, где расположены зона отдыха и пионерские лагеря — Е. И.) неопознанный летающий объект: большую «тарелку» с двумя прожекторами. В 21.45 объект скрылся из вида. Это сообщение было передано всем патрульным автомашинам, а в 22.25 ПА-224, 521, 607, 91 и сотрудник ГАИ Пьянов видели, как от поселка Уссурийского вниз по Амуру летели сначала два НЛО, один из которых вскоре исчез, а второй в 22.55 потерялся из виду в районе железнодорожного моста, уйдя в сторону левого берега Амура.

За этими скудными строками из стучного журнала регистрации происшествий, ведущегося в дежурной части УВД г. Хабаровска, стоит очень многое. Хотя еще в 1988 году Комиссия по аномальным явлениям комитета Всесоюзного совета НТО по проблемам окружающей среды подготовила для сотрудников милиции специальную инструкцию (ведь столкнувшись с непонятным явлением, люди обращаются именно к ним!), увы, не дошла она, видимо, до всех органов. Слишком уж поверхностно зафиксированы в стучном журнале УВД необычные события. Но и на том спасибо. Странно, правда, что приходится вновь и вновь доказывать научную важность того, чтобы каждое сообщение об НЛО и результаты его проверки подробно фиксировались в официальных документах. Тогда они имели бы более высокую значимость для исследователей. Ведь сотрудники милиции — люди серьезные, к розыгрышам и мистификациям не склонные. Их свидетельства особенно ценны для обобщения, поэтому я и решил сам порасспросить оче-

видцев происшедшего — сотрудников милиции.

Младший сержант Краснофлотского РОВД Александр Кадубец: «В десятом часу вечера радистка городского УВД дала нам вызов и велела ехать к десятой горбольнице, где медперсонал и больные первой терапии уже полчаса разглядывают летающую тарелку. Я спросил: «Почему нас направляют, а не пожарных, не службу газа? Причем здесь милиция?». Она в ответ: «Не знаю. А кто у нас должен тарелками заниматься?... Экипажи патрульных автомашин № 608, 222, 323 зарегистрировали в тот вечер неопознанные летающие объекты в разных точках Хабаровска, а экипажу ПА-57 даже удалось заснять их на видеопленку».

Беседу с оперативным уполномоченным Владимиром Кузнецовым. Он взволнован, хотя с момента происшествия прошло уже немало времени. Вот его рассказ. «21 марта я дежурил в УВД города. Около 20 часов уехал домой поужинать, а когда примерно в 21 час вернулся, то мне в дежурке сказали, что звонили из десятой горбольницы. Там видят какую-то странную штуковину, которая летает и светится. Это сообщение передали экипажам автомашин милицейского батальона, чтобы патрульные съездили и посмотрели, что там такое. При мне патрульные экипажи сообщили, что видят какой-то непонятный объект, от которого светят два сильных прожектора: спереди и сзади. Объект, по их словам, был в форме сигары и ушел в сторону поселка Березовка, что в Краснофлотском районе Хабаровска. Вдоль «сигары» светилось 4—6 огоньков».

Пока мы обсуждали происшедшее и гадали, что это такое может быть, раздался телефонный звонок. В 22.25 женщина, живущая в районе площади Славы, сообщила, что над поселком Чумка (народное название поселка Уссурийский) зависли два летающих объекта. Мы по рации передали это сообщение патрулю, дежурившему на этой площади, являющейся одной из самых высоких точек города. Патрульные подтвердили, что видят два объекта, над каждым из которых по три огонька. Объекты медленно движутся вдоль Амурской протоки. Потом поступило сообщение, что объекты разделились: один пошел в сторону Биробиджана, а второй летит над основным руслом в направлении Амурского утеса. От него отделились какие-то огоньки и пошли в сторону 19-й школы, к центру города (этот момент прошу запомнить).

Я решил сам посмотреть на все эти необычные явления, — продолжил свой рассказ Владимир. — Вместе с помощником дежурного по УВД Виталием Пьяновым мы сели в мою

автомашину «Москвич-412» и поехали к утесу. Покрутились в этом районе, но ничего не увидели. Тогда Пьянов позвонил из телефона-автомата в районе речного порта в УВД и узнал, что объект движется вдоль набережной от утеса в сторону железнодорожного моста через Амур. Я развернул машину и прямым ходом погнал на Казачью гору, под которой раскинулся речной порт. Подъезжая к вершине, заметил автомобиль милицейского батальона, из которого выскочили два сотрудника и побежали к обрыву. Я понял, что выехал правильно, и мы с Виталием кинулись следом за ними.

На расстоянии около 800 метров, глядя с обрыва под углом в 40—45 градусов, я увидел объект. В длину «тарелка» была метров 120—160, а в самом толстом месте — примерно с двухэтажный дом без крыши. Точно определить ее размеры не представлялось возможным, так как стояла темень и никаких ориентиров возле нее не было. На «нос» и на «корме» НЛО отчетливо просматривались огоньки. Один — «кормовой» — был рубиново-красного цвета с очень чистым тоном, а второй — «носовой» — ярко-изумрудного. Они давали одновременные вспышки с частотой около секунды. Был и еще один огонек, расположенный сверху корпуса ближе к корме. Когда «курсовые» огни наполовину затухали, с опозданием после них примерно на полсекунды загорался этот световой маяк. Но горел он совсем не так, как те два: от него расходился световой, словно бы неоновый, шар.

Часть поверхности «тарелки» была абсолютно черная и какая-то бездонно глубокая. На фоне темного ночного неба эта чернота выделялась вполне отчетливо, каким-то образом выделялась. А вот центральная «полоса» в виде растянутого эллипса имела приглушенный голубовато-синий цвет. Мы все замерли, рассматривая объект и пытаюсь сообразить, что же это такое может быть. Стояла тишина, и мы услышали как бы вздохи — тяжелые, идущие какими-то накатами, как прибой. Звуки очень странные, похожие на те, которые издают киты, когда выныривают на поверхность. Носовая часть «тарелки» в ритме этих «вздохов» немного колебалась вверх-вниз, вверх-вниз...

Когда объект стал разворачиваться в сторону левого берега Амура, верхний зеленый огнек погас, потом потух и носовой, остался один красный кормовой маяк, непрерывно вспыхивающий. НЛО медленно полетел в сторону мачт радицентра и далее вдоль Амура к железнодорожному мосту. Когда он разворачивался, я мысленно послал его обитателям приглашение к беседе, но

никакого ответа не последовало. Мы с Виталием вернулись в мой «москвич» и поехали в УВД для продолжения дежурства.

Около 23-х часов к нам позвонил дежурный ПВО округа и спросил, кто из сотрудников милиции что видел. Я ему все обрисовал и заинтересовался у него, как у специалиста, что это такое было. Ведь мы наблюдали явно материальный объект, который можно было потрогать, будь он поближе. «Тарелка» двигалась очень медленно, со скоростью 20—30 километров в час, потому мы все ее очень хорошо разглядели. Дежурный ПВО округа ответил, что ни один из существующих в мире двигателей такую махину без дикого рева в воздухе вообще не удержал бы. Он сказал, что они подняли в воздух вертолеты, которые якобы не могут догнать НЛО. Я слышал, как он в микрофон отдал приказ вертолетчикам приблизиться к объекту и посмотреть, что это такое. Но, видимо, пилоты трусили, а может, и правда не смогли сблизиться с «тарелкой». Короче говоря, полетали они и сели.

Мне говорили, что в Индустриальном районе Хабаровска, когда над ним пролетала НЛО, на ряде объектов сработала охранная сигнализация, а на одном из предприятий связи вышла из строя вся электронная аппаратура. Вообще в это время — с 20.30 до 23-х — в служебном диапазоне эфира были непрерывные переговоры о продвижении НЛО. Аэропорт дал предупреждение самолетам, что в воздухе находится неопознанный летающий объект. Вели переговоры милиция и ПВО, все обменялись информацией о поведении объектов, делились впечатлениями. Все внимание было сосредоточено на НЛО, хорошо, что никаких уголовных происшествий не было...

На некоторое время расстанемся с оперуполномоченным Кузнецовым и предоставим слово будущему борцу с преступностью, слушателю 4-го, выпускного курса Хабаровской высшей школы милиции Александру Пашаеву. Он поведал корреспондентам хабаровских газет, а потом и жителям края в местной телевизионной программе, что 21 марта примерно в 22.30 прогуливался по набережной в районе Амурского утеса. Вдруг ему показалось, что падает метеорит, который летел с легким свистом. На уровне утеса этот «метеорит» внезапно остановился, и Александр разглядел шар, похожий на крупную морскую черепаху. Шар развернулся, загорелся яркий свет, и стал виден большой стеклянный коридор, в котором появилась очень рослая женщина. В руках она держала какой-то предмет, напоминающий портативную рацию.

В это время в «черепахе» открылись два люка, из которых выдвинулось по платформе. По ним наружу выкатились два небольших летательных аппарата черного цвета. Внезапно парню показалось, что между ним и незнакомкой происходит разговор. «Не понимаю, как он велся, ведь я же молчал!» — удивляется он. Тем не менее Александр задал инопланетянке вопрос, почему маленькие аппараты не прилетели сами по себе. Она ответила: какой смысл в работе трех моторов? Тогда он заинтересовался, на каком топливе работают космические двигатели. Женщина сообщила ему формулу топлива, на котором летает ее корабль, но потом, как и положено пришельцам, она кое-что, видимо, стерла из памяти курсанта, поскольку точно воспроизвести эту формулу он так и не смог. Задал он ей и еще один вопрос, совершенно не тот, который хотел, словно его мозгом кто-то управлял (видеозапись выступления А. Пашаева по местному телевидению хранится в Хабаровской высшей школе МВД СССР и может быть просмотрена только с разрешения ее начальника)..

А теперь проследим за огоньками, отделившись от «тарелки» и ушедшими в сторону центра города. Здесь, в квартире № 64 по ул. Запарина живет семья Кащенко. Впоследствии мне удалось встретиться и побеседовать с хозяйкой квартиры Галиной Андреевной. Она — преподаватель СПТУ № 22 — случилось вечером 21 марта вспоминает с улыбкой, хотя в то время ей с мужем было отнюдь не до смеха. Она рассказала, что примерно в 21 час занималась делом весьма прозаическим — варила холодец. Но тут погас свет, а потом вдруг загорелся и снова потух. Они с мужем пошли на кухню и тут заметили, что индикатор напряжения электроплиты — «глазок» — светится. Это их очень удивило. Как же так, если света нет, то и плита должна быть обесточена! Муж осторожно выдернул штепсель плиты из розетки, но глазок продолжал светиться. Это их испугало: почему плита осталась под напряжением?! Что за напасть?

От греха подальше они ушли из кухни. Свет вскоре загорелся вновь, телевизор работал нормально. Они решили вернуться на кухню и подключить плиту к сети, но как только сделали это, свет погас снова. В полном недоумении муж Галины Андреевны решил проверить электрощит, находящийся на лестничной площадке их седьмого этажа. Щит был в полном порядке, и соседи из 63-й квартиры на вопрос — барахлит ли у них свет? — ответили отрицательно. Было от чего прийти в замешательство! Фокусы со светом продолжались около полутора часов. Особен-

но их смущал глазок индикатора на электроплите, светящийся при полном отсутствии напряжения. Холодец с горем пополам она все же доварила. О летающих над Хабаровском шарах и тарелках они с мужем узнали только на следующий день...

Странные происшествия были на кухне и у жительницы г. Партизанска, что в Приморском крае. Она описывает такой случай. Вечером, зайдя на кухню, она на какой-то миг ослепла от вспышки света, а на голову посыпались осколки стекла. Испуганная женщина включила освещение — на полу валялось неизвестно откуда появившееся битое стекло. Потолок был абсолютно ровным, без ниш. Женщина собрала осколки и выслала их с пространным письмом В. В. Двужильному. Напомню, что его группа работает под эгидой Сибирского отделения АН СССР. Исследования показали, что осколки стекла разной толщины. Они прозрачны, бесцветны и, что удивительно — не имеют острых граней. Химический анализ выявил аномальное — в три с лишним раза выше обычного — содержание мышьяка. И вообще состав стекла оказался мало похож на любой известный тип стекла, выпускаемых промышленностью (бытовое, лабораторное и т. п.). Можно, конечно, заподозрить, что женщина нафантазировала, но откуда у нее оказались столь необычные осколки еще более необычного стекла?

Вернемся, однако, в дом № 30 по ул. Запарина. Не все нормально было и в соседней, 63-й квартире. Когда у супругов Каченко плита оставалась под напряжением даже при выдернутом из розетки штепселе, у соседей ни с того ни с сего перегорела настольная лампа, снабженная регулятором напряжения. Такие светильники, имеющие вид керосиновой лампы с матовым стеклянным абажуром, выпускаются в Свердловске. Не помог и второй класс защиты от перепадов напряжения в сети! Перегорела не только электролампочка, но и внутренняя система регулировки накала ее спирали. На это маленькое происшествие не обратили бы внимания, если бы...

Послушаем хозяйку квартиры № 63 Татьяну Тихоновну. Она подтвердила, что в тот вечер около 21 часа к ним позвонил сосед Каченко и спрашивал, нормально ли у них со светом. Она ответила, что свет горит как обычно, и видела, как сосед полез в электрощит проверять, не выбило ли предохранитель. Потом, вскоре после его визита, перегорела настольная лампа. Это бы они сочли за случайное совпадение, но...

Правда, все эти «если бы» и «но» возникли потом. А пока семья около 23-х часов улеглась спать. Рассказывает дочь Татьяны Тихоновны Наташа.

— Я уже крепко спала, когда мне померещилось, а может быть, приснилось вот что. Спросонья я увидела, как с потолка опустился ярко светящийся шар примерно метрового диаметра. Внутри него было что-то живое, как будто человек, который шагнул из шара в мою сторону. Я очень сильно испугалась и громко закричала. В тот же миг все исчезло. На часах, когда в коридоре загорелся свет, было около половины первого. Ничего подобного мне раньше никогда не снилось. Что меня особенно испугало в этом человеке из шара, я объяснить не могу, но напал леденящий душу ужас. Галлюцинациями я не страдаю. Не дай Бог, чтобы такое привиделось вновь, да еще спросонья!

Татьяна Тихоновна: «Я проснулась от душераздирающего крика дочери. Это был крик неподдельного ужаса. Я подбежала к двери ее спальни, откуда меня обдало каким-то жаром. Подумалось даже, что в Наташиной комнате пожар, все горит. Но никакого света не было, только явственно ощутила жар. Я тоже перепугалась и закричала. Муж, услышав наши крики, выскочил в коридор и включил свет. Но ничего уже не было. Наташа рассказала, что видела светящийся шар с каким-то странным человеком внутри.

От всего пережитого у меня три дня держалось повышенное давление, болела голова. Дочь тоже чувствовала себя плохо. До утра мы так и не смыкнули глаз, все обсуждали странное происшествие. Вскоре услышали, как в квартире Каченко открылась дверь. Замок у них очень тугой, двери в наши квартиры расположены рядом, потому хорошо слышно, когда кто-то выходит или входит. Потом дверь хлопнула. Мы подумали, что соседи разбудили наши вопли и они вышли узнать, что случилось. Однако на следующий день Галина Андреевна мне сказала, что они крепко спали и наших криков не слышали, а потому на лестничную площадку не выходили. Странно, как они могли не услышать таких громких криков? И почему хлопала дверь в квартире Каченко, запертая на все замки?».

Все происшедшее в квартире № 63 можно было бы списать на разыгравшееся воображение двух женщин, если бы оно по времени не совпало с полетами над Хабаровском загадочных шаров. И еще одно обстоятельство заставляет отнестись к рассказу Наташи вполне серьезно и не считать увиденное дурным сном. Я провел биолокацию их квартиры с помощью специальной рамки, давно подаренной мне ныне покойным профессором Малаховым. Анатолий Алексеевич обе-

щал сделать из меня «лозоходца», и ему это, кажется, удалось. Так вот, рамка начинала вращаться только на том месте возле окна спальни, где перепуганная девушка видела светящийся шар. Во всех остальных углах их квартиры рамка вела себя совершенно спокойно. Это свидетельствует, думается, о том, что даже спустя два месяца в этом месте все еще оставалось наведенное энергетическое поле. Какое же оно было в ночь на 22-е марта, когда Татьяну Тихоновну «обдало жаром» из Наташиной комнаты?! Об этом остается только догадываться...

Но инопланетяне появились не только внутри «черепах» и шаров. Одна жительница Хабаровска, не пожелавшая доводить до широкой читающей публики свои имя и фамилию, ночь с 21 на 22 марта провела на ящиках в коридоре семейного общежития. К этому ее вынудило появление двух незваных гостей явно неземной наружности, которые пожаловали к ней в комнату через окно. Что они искали — это осталось неизвестным.

Был и еще один визит, о котором нельзя не рассказать подробнее. Представляю слово самой «героине», Галине К.

— Вечером 21-го марта я была дома, в своей квартире на ул. Волочаевской. Это практически центр города, неподалеку — площадь Славы. Я лежала в постели и смотрела телепередачи. Показывали «Актуальное интервью», а в 22.05 начался фильм о художниках. Выступал Шилов, и в это время по экрану пошли какие-то необычные помехи: резкие пилообразные зубцы. Я хотела встать и подрегулировать изображение, но балконная дверь начала приоткрываться. Тюлевая занавеска поехала в сторону, и я увидела что-то длинное, словно жердь. Живу я на восьмом этаже, балконная дверь была просто приотворена, а не закрыта на шпингалет. Сначала я подумала, что это какая-то глупая шутка: кто-то из знакомых спрятался на балконе и теперь хочет меня напугать.

Но тут через дверь показалась вторая «жердь», а когда я недоуменно подняла голову, то увидела фигуру, шагнувшую в комнату. Это был явно не человек: очень тонкий, одет в облегающий темно-серебристый комбинезон, на котором я не заметила ни застежек, ни швов. Ростом он был, как мне показалось, больше двух метров, так как голова возвышалась над балконной дверью. Голова у него большая, с высоким и широким лбом и острым подбородком. Ни носа, ни ушей, ни волос я не заметила, а вот рот был,

но узкий, словно прорезанный бритвой. Глаза были белые, без зрачков, а туловище без шеи. Голова посажена прямо на узкие плечи. Стоял он примерно в двух метрах от меня. Его я хорошо рассмотрела, так как свет падал с двух сторон: из двери, открытой в коридор, и от дороги из окна, заканчивающегося балконной дверью. Подсветка была и от телевизора, по экрану которого продолжали плясать помехи...

Я заметила также, что лицо было темнее комбинезона, а в левой полусогнутой руке на уровне пояса он держал какой-то темноватый цилиндр, похожий по размерам на школьный пенал. Меня удивили руки, чуть ли не половина локтевых суставов которых приходилась на узкие кисти. Были ли на них пальцы, я не рассматривала. Я была больше удивлена, чем испугана, и инстинктивно начала привставать. Тогда он, как бы приказывая не двигаться, махнул правой рукой, а при начале второго взмаха я потеряла сознание...

Пришла в себя уже в пятом часу. Телевизор работал, по экрану шли сплошные полосы. Ощущая страшную тяжесть в голове, я попыталась встать, что мне удалось не сразу. Поднявшись, я выключила телевизор. Так как из балконной двери несло холодом, я решила ее закрыть, но только дотронулась до ее деревянного бруска, как ощутила острую боль, будто от удара током. В этот момент мое сознание опять разом отключилось.

Окончательно я очунулась в восьмом часу, лежа на диване поверх одеяла. Левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая покоилась на груди, причем большой палец прижимал к среднему и безымянному пальцам кусочек бинта. Мне это показалось странным, начало брезжить в памяти ночное происшествие. Решила встать с постели, но далось мне это с большим трудом — сильно болела левая лобно-затылочная половина головы. Хотела позвать свою комнатную собачку, но так и не смогла произвести ее кличку «Юна». Язык не повиновался, голова сильно кружилась, общее самочувствие было скверное. Но я все-таки прошла на кухню и в ванную комнату — смотрела, где же это я порезалась и обо что. Этого места я так и не нашла, зато обнаружила открытый пузырек с календулой. Пальцы в области порезов не болели, и ранки уже зажили: затянулись плотной корочкой. Бинтики, как мне показалось, смоченные в календуле, я выбросила за ненадобностью.

В углу, за диваном, я обнаружила своего спаниеля, который весь дрожал и выглядел как-то не-

обычно. Я решила выпустить его на балкон, что раньше делала очень часто. Однако туда он не пошел, а когда я его начала подталкивать к балконной двери — оцетинился, заупрямился. Я подумала, что он голоден, потому и не хочет идти на свежий воздух, и дала ему колбаски. Никогда он раньше от колбасы не отказывался (он у меня такой гурман!), а тут есть не стал и вообще два последующих дня ни к чему не притрагивался, только лакал воду. С тех пор он стал жаться ко мне, утратил прежнюю игривость, все норовит заглянуть мне в глаза и ни на шаг не отходит, когда мы гуляем, а раньше запросто убегал. И вообще по улице стал выбегать с радостью в любую погоду, а вот домой мне его приходится заносить — не хочет возвращаться ни в какую. (Заметим, что домашние животные, кошки и собаки, хорошо ощущают воздействие непонятных сил. Они проявляют беспокойство, пытаются забиться в угол. Так, в Москве, при исследовании сотрудниками милиции квартиры, где провалялся полтергейст, служебная собака легла в ванной комнате и отказалась работать. Пришлось ее удалить. Что она ощущала — трудно сказать. Но совершенно ясно, что она не была заинтересована в мистификации — Е. И...)

— Все происшедшее я никак не могла объяснить, — волнуясь, продолжает Галина, — а потому решила, что у меня как-то разладилась психика. Я попила кофе, собралась с силами и пошла звонить с телефона-автомата в психиатрическую клинику, так как была уверена, что сошла с ума и все ночное происшествие — болезненная галлюцинация. Когда дозвонилась до клиники, мне ответили, что врачей еще нет, они приходят в девять часов. Я все равно начала объяснять, в чем дело, тогда мне посоветовали позвонить в гидрометцентр. Какому-то сотруднику этого центра я все рассказала. Он меня внимательно выслушал, посоветовал не волноваться и идти на работу.

На службу я пришла вовремя, но выглядела, видимо, худо, так как сослуживцы начали интересоваться, что со мной стряслось. Я пыталась отшутиться, но говорила медленно, язык был тяжелый, неповоротливый, речь портило легкое заикание, голова оставалась затуманенной. И в последующие три дня меня преследовали сильные головные боли. Больно было даже моргать. Я ссылаюсь на плохое самочувствие, но тут пришел Владимир Кузнецов и рассказал, что видел «тарелку» инопланетян. Тут-то я по-настоящему и испугалась, так как поняла, что это была не галлюцинация, а в мою

квартиру действительно приходил самый форменный инопланетянин.

В это время меня вызвал начальник отдела, в котором я работаю. Он сказал, что ему позвонили из гидрометцентра и он в курсе моих событий. Тогда я больше не стала ничего скрывать и рассказала все, как было. Меня в тот же день обследовали врачи, в том числе психиатр. Они дали заключение, что со здоровьем у меня все в порядке, заметных отклонений нет. Вот только порезы на пальцах. Они были совершенно необычные. Когда провели замеры, то выяснилось, что они имеют по 1 см в длину, 0,3 см в ширину и 0,5 см в глубину. Слово по пальцам в меридиональном направлении прошлась тонкая пила. Кроме того, вокруг ранок была как бы счищена кожа, ее верхний слой.

Обследовали специалисты и мою квартиру. В том самом месте, где стоял пришелец, оказалось мощное электромагнитное поле. Об этом свидетельствовало расположение легких шариков, насыпанных на пол: они выстроились строго по силовым линиям. Сильно заряженным оказалось и мое тело, а также спаниель Юна. И еще одно странное обстоятельство. На подоконнике у двери на балкон стоял японский цветок, называемый «кровь дракона». Концы его листьев оказались словно опаленными, они сохнут, цветок погибает. Второй такой же цветок, стоявший на противоположном конце подоконника, выглядит вполне нормально, никаких ожогов на его длинных листьях нет. «Обожженные» листья потом исследовали энтузиасты, в них присутствует фон, похожий на радиоактивный...

Я беседовал с Галиной К. через две недели после случившегося и попросил показать странные порезы. Она доверчиво протянула мне правую руку. На подушечках среднего и безымянного пальцев, словно продолжая одна другую, шли коричневые полоски. Порезами эти следы можно было назвать лишь с большой натяжкой. За все время работы следователем и прокурором-криминалистом я не видел ничего подобного, хотя всяких ран и порезов насмотрелся сверх всякой меры. Было похоже, что изнутри этих бороздок изъяты мышечная ткань и кровь, а кожа вокруг как бы сошлифована неизвестным инструментом.

Но самое невероятное произошло потом. Второй раз мы с Галиной встретились спустя два месяца после столь памятной для нее ночи. Я снова попросил показать правую руку, чтобы зафиксировать форму шрамов, оставшихся на пальцах. Вопреки всем законам биологии шрамов на подушечках пальцев не было! Этого не могло быть, и все

же зрение меня не обманывало — восстановились даже тончайшие папиллярные узоры! А ведь при глубоких повреждениях неминуемо должен остаться след в виде шрама — иначе человеческая кожа себя не ведет! И все же в данном случае биологический закон не сработал. Почему? Видимо, потому, что не просто календулой были обработаны ранки, если уже к утру затянулись, а впоследствии кожа и ткани в поврежденных местах полностью восстановились без каких бы то ни было видимых следов...

Заметим, кстати, что и более тяжелые травмы, полученные в результате встречи с НЛО, тоже заживали весьма необычно. Так, у рабочего Семипалатинского сельского строительного комбината С. Д-ва после приближения к НЛО оказалась сломанной ключица. Только через час после этого парня обнаружили и доставили в первую горбольницу, где ему была оказана медицинская помощь. Удивительно, но ключица срослась у потерпевшего за неделю, и следов перелома практически не осталось, хотя по всем медицинским канонам для заживания такой тяжелой травмы требуется как минимум месяц...

Должен отметить, что первая моя встреча с Галиной К. состоялась не без внутреннего сопротивления с ее стороны. Дело в том, что она согласилась выступить в местной телепрограмме вместе с Александром Пашаевым и рассказала, что с ней произошло. После этого чуть ли не каждый второй из знакомых при встрече считал своим долгом осведомиться: давно ли у нее поехала крыша? И наплевать им было на то, что случаев, связанных с появлением НЛО, зафиксировано уже десятки тысяч, поэтому объяснять все только тем, что кто-то где-то периодически сходит с ума, уже нельзя: не выходит списать все на такую трагическую случайность! И коллеги по службе не оставляли ее своим насмешливым вниманием. Было от чего замкнуться и проклясть тот день и час, когда она решилась рассказать о ночном происшествии! А тут еще какой-то свердловчанин хочет разбередить уже чутко затянувшиеся душевные раны... И только убедившись, что мною движет не праздное любопытство, Галина довольно долго разговаривала.

Вторая наша встреча была уже вполне дружелюбной. Я привез ей «Тусовку» с «М-ским треугольником», как и обещал. Галина К. раньше не интересовалась материалами подобного рода, отдавая предпочтение скорее историческим романам, чем фантастике и приключениям. Теперь же она стала собирать все публикации, относящиеся к проблеме вне-

земных цивилизаций. За это время она успела побывать на третьей встрече уфологов в Ленинграде, куда ее пригласили сделать сообщение о случившемся. Там она встретила поддержку и понимание, нашла единомышленников. На мой повторный вопрос: появлялся в ее квартире робот или гуманоид, она горячо заверила, что о визите робота не может быть и речи. Взгляд незнакомца первые несколько дней даже как бы преследовал ее. Впечатление о его внешности осталось приятное, страха не испытывала никакого. «Мысленно я готова была с ним полететь, если бы позвал», — смущенно призналась Галина...

Теперь самое время вернуться к рассказу оперативного уполномоченного Владимира Кузнецова. «Я сменился с дежурства в 9 часов 22-го марта и вскоре встретил Галину К. Она выглядела неважно и не без колебаний рассказала, что с ней такое приключилось. Была она очень расстроена, заметно заикалась и все порывалась ехать в психушку. Я ее успокоил, как мог, и сразу поверил в ее встречу с инопланетянином, поскольку многое за прошедший вечер увидел своими глазами. Об увиденном я и поведал Галине и другим сослуживцам, мы обсудили все эти странные события. Домой я приехал около 11 часов, где рассказал жене о происшествии. Она обиделась, что я не захватил ее, когда повез Пьянова к Казацкой горе, даже всплакнула...»

А теперь приведу отрывок из интервью болгарской ясновидящей Евангелии Димитровой — семидесятидвухлетней бабушки Ванги (вопросы задавала В. Косачева). — Произойдет ли встреча с представителями других миров? — Да. — Откуда они будут? — С планеты, которая на их языке называется «Валефим», это третья планета от Земли. — Мы сможем установить контакт с ними? — Нет. Они сами вступают в контакты. — Существуют ли на Земле крупные цивилизации, неизвестные нам? — Да.

Удивительно? Еще бы! Но, как полагают некоторые исследователи феномена Ванги, ей космическими силами дана способность взаимодействия с тонкой духовной материей умерших. Для цивилизаций высших уровней смерти в нашем понимании нет. Прогнозы Ванги верны на 70—80 процентов. Тщательное изучение связанных с нею событий позволило сделать вывод, что Ванга является специально выбранным транслятором информации для связи космическим цивилизациям с человечеством. С целью усиления ее функций «транслятора» она еще в детстве и была ослеплена. Это повысило ее способность слышать

«внутренний голос». Источником информации Ванги, видимо, является биоэнергетическое информационное поле Земли, формируемое на основе тонкой материи отживших людей за все время существования нашей цивилизации. При направленном информационном зондировании Ванги через нее можно было бы получить уникальную информацию о прошлом, настоящем и будущем человечества. В конце концов для этого и создан космическими силами ее феномен!

Эти очень нестандартные воззрения переключаются с идеями академика АМН СССР директора Института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АМН СССР, председателя Комитета по проблемам энергоинформационного обмена в природе В. П. Казначеева. Он считает, что «в белково-нуклеиновой жизни сочетаются и другие организации. Это полые, малоизвестные нам формы, которые отвечают современным научным понятиям жизни — живого существа. Это означает, что известный нам из научно-фантастической литературы миф или предположение о встрече разных биологических существ — вовсе не фантазия. Возможно, такая встреча разных форм живого вещества уже произошла на планете Земля!

Эволюция биологических объектов — это не чисто белково-нуклеиновая, мутационно-отборочная система, как мы привыкли считать согласно теории Дарвина, а способ сосуществования в белково-нуклеиновом веществе другой формы или других форм жизни! «Большая» наука, которая сейчас отрицает множественность форм живого вещества, должна прислушаться к иной точке зрения, к представлению о том, что миров множество».

Не наводит ли это на мысль, что жизнь на Земле гораздо фантастичнее, чем нам кажется? Как доказывает советский ученый Н. Е. Кошелев, «биоэнергетический потенциал полевого густка, окружающего тело каждого человека, в сто раз выше, чем аналогичный энергетический потенциал эквивалентной массы солнечного вещества». Другими словами, будь человек даже густком солнечной материи, и тогда бы создаваемое его телом энергетическое поле было в сто раз слабее, чем то, которое он создает, будучи существом из плоти и крови. Это лишний раз свидетельствует о том, сколь далеки мы от понимания взаимосвязи глобальных сил нашей планеты со сложными процессами внутри человека.

Вдумайтесь в эти предположения, и дух захватит от своей собственной сложности, которую мы так

часто низводим до удовлетворения обыденных биологических потребностей. Может, потому инопланетяне лишь изредка идут на прямой контакт с нами, жителями планеты Земля, что мы кажемся им существами сугубо утилитарными, примитивными, жестокими по отношению друг к другу и к родной природе — среде обитания?

Поскольку медицинские исследования академика В. П. Казначеева давно и тесно переплетаются с общими вопросами развития человеческой цивилизации, нашей с вами эволюции как живых существ, то трудно не согласиться с его мнением, что «на смену лучезарно-бессмысленному убеждению в незыблемости человеческого бытия должно прийти осмысленное: биосфере в глобальном масштабе угрожают многие факторы, и прежде всего сама человеческая деятельность».

Тут, видимо, и следует искать

ответ на вопросы: зачем НЛО и гуманоиды посещают нашу планету на протяжении всей человеческой истории? Что они здесь делают? В чем до сих пор не разобрались? Ведь только за последние 10 лет мировая уфология зафиксировала 15 миллионов контактов с НЛО! Этим она бросает вызов официальной науке, ибо в рамках существующих воззрений добытые уфологами факты необъяснимы. Это, конечно, не значит, что фактов нет, коль скоро отсутствует пока их убедительная интерпретация.

Югославские специалисты, занимающиеся проблемой НЛО, полагают, что до недавнего времени целью разведывательных полетов таких объектов было исследование военных способностей землян. С этим эксперты связывают частые полеты НЛО над различными военными сооружениями, особенно участвовавшие после взрыва первой атомной бомбы и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года.

В настоящее время предметом заинтересованности НЛО являются энергетические возможности жителей Земли. Иоганнес фон Бутлар, автор бестселлеров на эту тему, уверен, что инопланетяне прилетают для изучения землян, которые, с их точки зрения, находятся на самом примитивном уровне развития. Как считает Ф. Ю. Зигель, пионер изучения проблемы НЛО в нашей стране, «если предположить, что перед нами существа, обогнавшие нас в развитии на десятки миллионов лет, то скорее всего мы ничего не поймем в проблеме НЛО и поведении гуманоидов».

Последние высказывания звучат пессимистично, и все же, если в природе наблюдается нечто загадочное, нужно искать объяснение. И хорошо бы всем ученым мира без предвзятости пройти по следам инопланетян...

Обломки НЛО?

Не предполагал, какая будет мороча с этим простым на вид металлическим предметом! Нашел его под Нижним Тагилом. Не осколок ли это метеорита? Оплавленные грани с небольшими ямочками. Блестящая поверхность будто покрыта маслянистым графитом. Найденный предмет любым, даже неострым выступом, глубоко царапал стекло. Однако слабыми ударами молотка я легко отколот небольшие кусочки. Пытался по блестящей поверхности царапнуть ножом. Острые только скользит, словно кончик твердого карандаша по зеркалу. А когда провел напильником, то посыпался черный порошок. Словом, находка оказалась хамелеоном каким-то! Металлический предмет на магнит не реагировал!

В лаборатории производственного объединения «Уралгеология» согласились «посмотреть» находку и пообещали часа через три сообщить результат анализа... Но его я

не получил ни через три часа, ни через три дня. В мои руки он вернулся лишь неделю спустя. Орешек оказался крепким. Правда, лаборантам сразу удалось определить: образец на десять процентов состоит из железа, столько же в нем кремния, по одному проценту — алюминия, бария, кальция, магния, марганца, титана и хрома. А что — остальные семьдесят три процента? Специалисты выяснить не смогли. Хотя и дали резюме: «Сплав типа стали, в картотеке нет». Как мне объяснили, много времени потратили не на определение химического состава образца, а на выяснение того, что за сплав такой. Для этого тщательно и кропотливо перебрали всю мировую картотеку, но ничего похожего не обнаружили.

Вскоре снова приехал я на то же место, но уже с лопатой и ломиком. Удалось отыскать еще несколько больших и малых кусочков такого же металлического материала. Некоторые из них с одной стороны имели почти ровную поверхность, но слегка подвергнутую температурному воздействию. А противоположная сторона была испещрена неглубокими морщинками. Одна из поверхностей блестела так же, как и у прежнего образца.

Особое мое внимание привлек небольшой кусок толщиной чуть больше сантиметра. Хотя он несколько был оплавлен, но напоминал обломок от цельной плиты. Разлом также имел блеск стального цвета.

Что же получается? На нашей планете природного материала с подобным химическим составом и с такими характеристиками нет? Мировой технике такой сплав неизвестен. Таинственные обломки — внеземного происхождения? Но что-то у меня не хватает смелости твердо заявить об этом. Возможно, кто-то из металлургов, материаловедов поможет разобраться в природе загадочной находки? Ведь заманчиво это выяснить. Если ученые действительно не докажут земное происхождение сплава, придется признать: этот металлический материал — обломок НЛО.

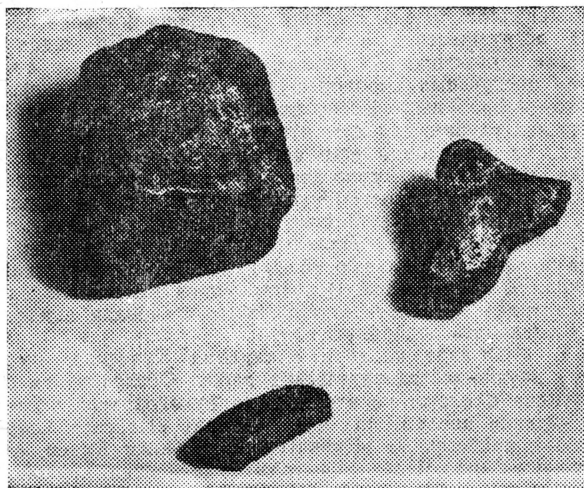

Фото автора

М. РАФИКОВ

Не исчезай, Атлантида!

Виктор
СТЕПАНОВ

Рисунки
Владимира Ганзина

Двадцать три века легенда об Атлантиде волнует воображение людей — кто не устает верить и мечтать. Для них по-прежнему остро стоит вопрос: была или нет Атлантида? А если была, то где ее искать?

Атлантида... Давайте вспомним. Впервые миру поведал о ней Платон — древнегреческий философ. В двух своих «Диалогах», озаглавленных «Критий» и «Тимей», он рассказывает об острове, исчезнувшем в море вместе с населявшим его народом «в один день и бедственную ночь». Сам Платон о существовании и гибели Атлантиды узнал, якобы, от своего дяди Крития, слышавшего об этом на уроках Сократа. Сократу, в свою очередь, легенду поведал его дед, а деду — правитель Афин Солон. Последний, как известно, жил в 640—558 годах до нашей эры. Он бывал в Египте, беседовал с тамошними жрецами, из уст которых и услышал о легендарном острове, «по воле богов поглощенном морем». Жрецы утверждали, что узнали о нем из древних египетских манускриптов. Но, увы, до сих пор ни этих манускриптов, ни каких-либо других источников, подтверждающих рассказ Платона, не обнаружено.

Что же нам сообщил Платон? Некогда за Геракловыми столбами — так древние греки называли скалы Гибралтарского пролива — в море Тоталь (Атлантическом океане) находился громадный остров. По размерам он более напоминал материк, ибо занимал площадь, равную Ливии, под которой современники Платона понимали всю Северную Африку с Малой Азией впридачу. Назывался остров-государство Атлантидой, а его жители — атлантами. Философ подробно описывает природу Атлантиды, красоты ее столицы Посейдонии, занятия атлантов. В государственном устройстве Атлантиды он находил образец справедливого и гуманного правления. Однако, по мнению Платона, рост богатства и могущества Атлантиды не сопровождался подъемом общей культуры. Добродушных и трудолюбивых атлантов обуяла гордыня, желание подчинить себе другие народы, жить и богатеть за счет военного разбоя и труда покоренных. Вскоре в руках атлантов чаще можно было видеть меч, нежели серп. Они завоевывали все новые и новые земли и, наконец, добираются до Пелопонесского полуострова, жители которого оказали завоевателям ожесточенное сопротивление.

Война атлантов с греками переполнила чашу терпения богов, и они жестоко покарали людей; земля разверзлась, поглотив оба сражавшихся войска. Считая атлантов более виновными, боги уничтожили и их родину Атлантиду, которая в одну ночь исчезла под водой вместе с оставшимися на острове людьми. Случилось это, если верить Платону, за девять тысяч лет до его рождения, значит двенадцать тысячелетий тому назад.

Мир разделился на два лагеря: одни верили в Атлантиду, другие утверждали, что она — плод фантазии мыслителя. Скептики зачислили в свой лагерь и ученика Платона — Аристотеля, который, якобы, именно по поводу Атлантиды произнес знаменитую фразу: «Платон мне друг, но истина дороже».

Скептики не перевелись и в наше время. Дальше они могут не читать, а мы давайте глянем на карту океана, названного, кстати, по имени этой легендарной земли — Атлантическим.

К западу от Гибралтарского пролива, за которым Платон поместил Атлантиду, почти на той же широте лежит группа островов, названных Азорскими, что в переводе с португальского означает «Острова ястребов». Открыты они в первой половине XV века экспедицией, посланной знаменитым принцем Генрихом Мореплавателем. Ему захотелось проверить, не врут ли старинные карты, показывая клочок суши далеко на запад от Лиссабона. Возглавивший экспедицию отважный дворянин Гонсалу Велью Кабрал удостоверил, что не врут. Острова оказались вершинами торчащих из океана потухших вулканов (они и сегодня брызжут паром и кипятком). Сама собой напрашивалась мысль: не были ли Острова ястребов остатками погрузившейся в море Атлантиды? До недавнего времени сторонники Атлантиды были уверены, что остатки ее прекрасных городов будут непременно найдены в районе Азор. Увы, ученые, получившие доступ к тайнам океанских глубин, заявили, что ни в районе Азорских островов, ни где-нибудь еще поблизости за последние 300 тысяч лет никаких геологических катастроф не происходило. С наукой не поспоришь, но оптимисты не спешили расставаться с мечтой. Каково же было их ликование, когда вблизи архипелага эхолоты нащупали банку (так моряки называют отдельную возвышенность морского дна) — подводную гору Ампер. В печати снова замелькало слово «Атлантида». Наиболее нетерпеливые требовали немедленно обследовать подводную гору.

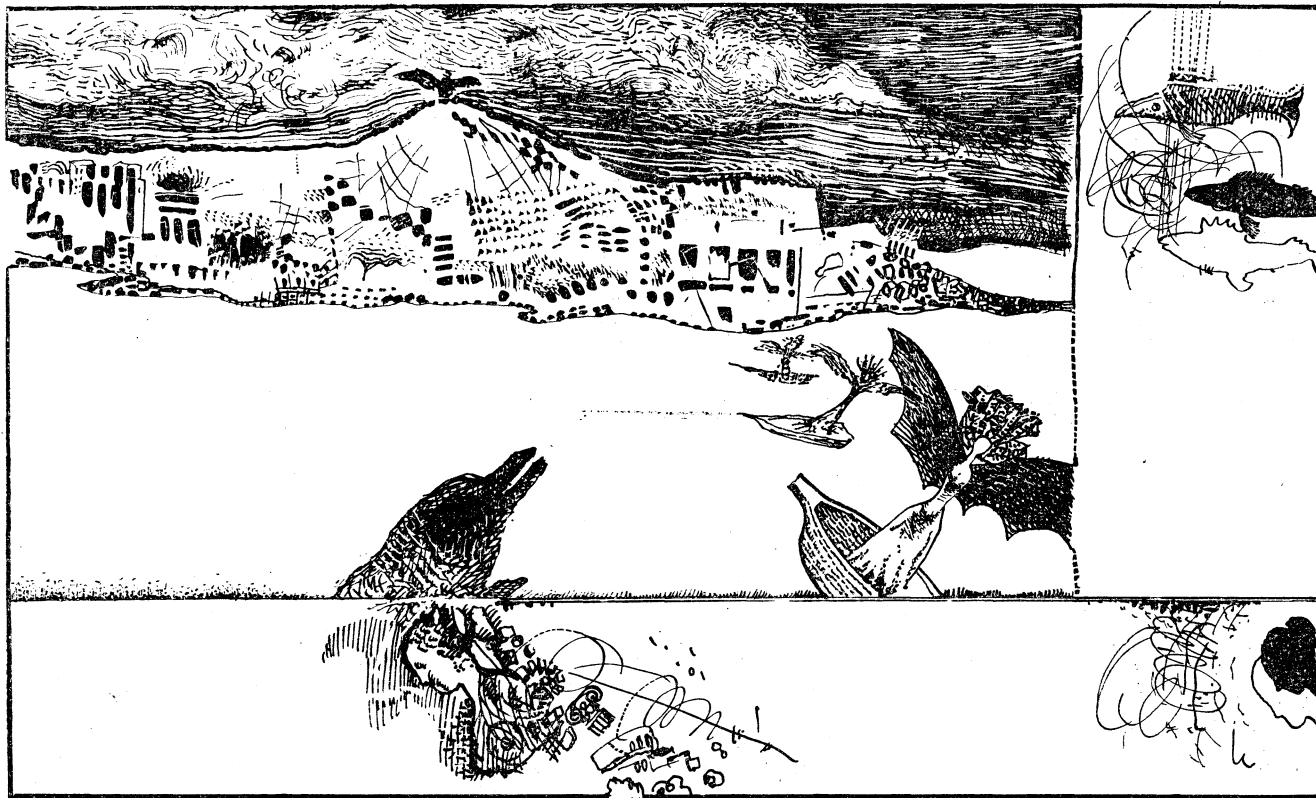
В 1980 году корабль «Академик Курчатов» шел к месту научно-исследовательских работ. Обследование банки Ампер в планы не входило, но руководители экспедиции решили послать под воду аппарат «Пайсис». Снимки «стены», привезенные «Курчатовым» с банки Ампер, взбудоражили мир. Через два года туда пошел другой корабль науки — «Витязь-IV» и спустил водолазный колокол

с аквалангстами, а еще через два года к «Витязю» присоединилось научно-исследовательское судно «Рифт», которое было хорошо оборудовано для подводных исследований и имело два глубоководных аппарата — необитаемый «Звук» и обитаемый «Аргус». Сначала под воду пошел необитаемый «Звук-IV». Когда заработала его аппаратура, ученый народ на борту «Рифта» ахнул: на экране появились четкие изображения разрушенных временем строений. Затем на глубину отправились акванавты «Аргуса». О том, что они увидели, рассказывает акванавт-наблюдатель Владлен Петрович Николаев:

«...На глубине около ста метров перед нами открылась удивительная картина: словно развалины древнего города, расположенного в гористой местности. Эти развалины подчинялись своеобразному архитектурному ритму: горизонтальные площадки на склонах горы были аккурат-

Итак, снова неудача.

Обратимся еще раз к карте. На юго-запад от скал, которые древние греки называли Геркулесовыми столбами, лежат Канарские острова. Предание гласит, что первые европейцы нашли там людей, абсолютно несхожих с обликом негроидных народов ближайшего африканского побережья и называвших себя гуанчи. Они были высоки, стройны и красивы, а главное — имели светлую кожу и голубые глаза. Знали многие ремесла и поклонялись морским богам. К сожалению, пришельцы физически истребили аборигенов, немногие же оставшиеся в живых гуанчи были обращены в рабство и растворились в чужом народе. Необычный внешний вид, высокая культура гуанчей, их верования натолкнули некоторых атлантоведов на мысль: не они ли потомки атлантов? Родилась гипотеза: в то время, как боги вершили свое правосудие, атлантиские

но выровнены и огорожены каменными стенами, а сами площадки будто кто-то посыпал песком. Поражала строго выдержанная прямоугольная форма больших и малых залов, комнат, площадей, к которым лучами подходили улицы.

Около пяти часов продолжалось наше путешествие. Мы то поднимались вверх, то почти спускались на дно, чтобы лучше рассмотреть стены, сложенные из темно-серых, порой красных блоков, имеющих форму правильных параллелепипедов. В швах между блоками хорошо просматривался белый скрепляющий раствор.

— Это была Атлантида? — спросили Владлена Петровича.

— К сожалению, нет, — ответил акванавт. — Нам не удалось увидеть удивительные природные образования... Ни одного доказательства рукотворного происхождения «подводного города» мы пока не получили...

пастухи пасли стада на высокогорных пастбищах. Океан, затопивший Атлантиду, оставил на своей поверхности вершины гор и этих пастухов с их стадами. В таком случае Канарские острова можно считать остатками погибшей Атлантиды.

Гипотеза, однако, тоже не стыковалась с данными науки, установившей, что Канарские острова геологически сформировались 15 миллионов лет тому назад, а пробы грунта, поднятые в этом районе со дна океана, показали, что там накопились осадки, возраст которых в сотни раз превышает тот срок, который — по Платону — прошел с того бедственного дня, когда океан затопил остров атлантов.

Платон, к сожалению, не назвал места, где существовала и погибла Атлантида, ограничившись общим — за Геракловыми столбами. Поэтому следы легендарного острова стали искать по всей Атлантике, а то и даже за ее

пределами. Существует мнение, что Атлантиду надо искать на дне Гвинейского залива, ибо на происхождение от атлантов претендует нигерийский народ йоруба с его загадочной историей. Есть и северный вариант, утверждающий, что остатками платоновской Атлантиды является остров Гельголанд в Северном море, который, как известно, подвергся воздействию морской стихии и на нем найдены следы античных цивилизаций. А в числе самых невероятных предположений есть и такое: поскольку доказано, что пустыня Сахара в прошлом была морским дном, то не оказалась ли Атлантида погребенной под ее песками? Не менее экстравагантно выглядит и гипотеза, ставящая знак тождества между Атлантидой и Перу, атлантами и инками, или объявляющая остров Пасхи в Тихом океане убежищем спасшихся при катастрофе атлантов. Однако вернемся в Атлантику.

В 1967 году, пролетая над волнами океана вблизи Багамских островов, американский археолог Дмитрий Рибикофф заметил на дне остатки строений. Рыбаки с островов Северный Бimini и Андрос сказали, что давно знают об этих развалинах, которые быстрее течение то заносит песком, то обнажает вновь. Водолазные работы подтвердили, что на глубине нескольких десятков метров действительно находятся остатки каменных сооружений, в том числе и сложенных из блоков весом не менее 20—25 тонн каждый. Одно из сооружений, площадью триста метров на восемнадцать и со стенами толщиной в 90 сантиметров, подводные исследователи назвали «затонувшим дворцом древней Америки». Возраст подводных развалин оказался в пределах от пяти до десяти тысяч лет. Возникли вопросы: что это за сооружения, кто их строил и для чего? Откуда и как доставлялись тяжелейшие каменные блоки, если на ближайших островах отсутствует подобный строительный материал и нет даже сходных с ним горных пород?

«Такое могло быть под силу только атлантам», — не дожидаясь заключений ученых, решили некоторые атлантоведы и начали «прорабатывать» новую версию. На свет была извлечена статья американского исследователя культуры майя Эдварда Герберта Томпсона, озаглавленная «Атлантида не миф». Томпсон доказывал, что майя — потомки атлантов, то ли пытавшихся колонизировать Америку, то ли искавших там спасения после гибели своего острова. По Томпсону выходило, что атланты на своих кораблях приплыли к восточным берегам Северной Америки и обосновались в районе Великих озер. Потом, теснимые местными индейскими племенами, они были вынуждены уйти на юг и поселиться на полуострове Юкатан, где и стали известны как народ майя. Томпсон считал, что в пользу такой гипотезы говорит высокая культура майя, их иероглифическое письмо, познания в астрономии и механике. Кроме того, напоминал исследователь, в легендах народа майя говорится, что их предки приплыли с востока, а в дошедшей до нас «Книге пророка Ягуара», возможно, описывается гибель Атлантиды.

Но это об атлантах. А Атлантида? Откуда добирались ее жители до берегов Америки? Одна из гипотез выдвигает предположение, что Атлантида опустилась на дно океана в том месте, где сейчас находятся уникальные по своей природе, прозрачные воды Саргассова моря.

Как известно, льды, покрывавшие Европу, растаяли всего 12 тысяч лет назад — то есть как раз в то время, когда — по Платону — произошла гибель Атлантиды. И растаяли они потому, что Европу стали обогревать теплые воды Гольфстрима. А почему они не обогревали Европу раньше? Да потому, считают сторонники гипотезы, что что-то мешало Гольфстриму течь на север. Этим «чем-то» мог быть большой остров или даже материк. Остров-материком могла быть только Атлантида! Вот и египтяне начали свое летоисчисление одиннадцать с половиной тысячелетий тому назад, и это могло быть связано с каким-нибудь грандиознейшим событием — уж не с гибелью ли Атлантиды, свидетелями которой они были?

Уязвимое место этих гипотез — большая удаленность предполагаемого обиталища атлантов от Пелопонесского полуострова, где происходили главные события — войны между атлантами и греками.

А не жили ли атланты и греки по соседству? Не искать ли следы атлантов в Восточном Средиземноморье, вблизи Греции и Египта? В 1884 году была опубликована статья русского академика А. С. Норова «Исследования об Атлантиде». Ученый выдвинул именно такую гипотезу с предположением, что легендарным островом из «Диалогов» Платона мог быть Крит. Академика поддержали многие коллеги, в том числе и известный советский географ Л. Берг. Однако нужны были вещественные доказательства.

Еще в самом начале нашего века при раскопках на Крите обнаружили следы высокоразвитой цивилизации, так называемой минойской культуры, процветавшей на острове во втором тысячелетии до нашей эры. Находки дали пищу для научных работ, разрабатывающих полузабытую гипотезу Норова. Стали поговаривать о том, что Атлантида — это Крит в эпоху минойской цивилизации, гибель которой (а, следовательно, и гибель Атлантиды) связана с извержением вулкана Санторин.

Сейсмолог Ангелос Георгие Галанопулос, изучив кальдеру (кратер) Санторина, пришел к выводу, что его извержение в прошлом представляло собой взрыв небывалой мощности. Образовавшаяся при этом морская волна (цунами) высотой в несколько десятков метров буквально опустошила берега Восточного Средиземноморья, затопила многие его острова. Вызванные этой волной разрушения, очевидно, и были причиной упадка минойской цивилизации, а сам взрыв Санторина, сопровождаемый оседанием острова, мог послужить основанием для возникновения легенды об Атлантиде. То, что при извержении Санторина погибли целые города, доказал доктор Спиридон Маринатос из Афинского университета. В шестидесятые годы он вел раскопки на острове Тир (Санторине) и открыл один из таких городов, засыпанный слоем пемзы и пепла толщиной от пяти до двадцати метров. Все в нем говорило о том, что его жители достигли такого уровня культуры, который можно считать соответствующим уровню развития атлантов из «Диалогов» Платона. Теперь многие ученые полагают, что если извержение Санторина и гибель минойской цивилизации окажутся научно сопоставимыми, то между Атлантидой и царством династии Миноса можно ставить знак равенства.

Гипотеза «Атлантида Платона — это Крит времен династии Миносов» — одна из последних и, кажется, наиболее приемлемых. Но это совсем не значит, что тайна разгадана и на других версиях можно поставить крест. Тем более, что жизнь не устает подбрасывать нам удивительные загадки.

В конце декабря 1984 года новое научно-исследовательское судно флота Академии наук СССР «Академик Борис Петров» совершало свой первый рейс-экспедицию. Прежде чем начать работу по плану, ученым необходимо было испытать оборудование корабля, специально предназначенного для исследования океанских глубин. Сделать это решили на банке Ампер — на той самой подводной горе, над которой незадолго до этого парил «Аргус» с акванавтами на борту.

Тогда ничего рукотворного на банке обнаружено не было. С таким же результатом закончилось испытание суперсовременного оборудования «Петрова». Руководитель экспедиции заявил: «Теперь почти доказано: остатки древнего «города», которые обнаружены на горе Ампер, — результат природных процессов». Заметим для себя это «почти» и послушаем, что скажет ученый дальше. А дальше он говорит: «Однако... среди наших находок, поднятых драгой с глубины 4600 метров, есть осколок мрамора, происхождение которого весьма трудно объяснить...»

Выходит, и на банке Ампер крест ставить рано!

МИОУЫ Арктики

Арктика богата мифами. Например, историческими, рожденными несовершенством древних знаний об этом труднодоступном районе. Скифский полуостров с мысом Табин на севере Азии, пролив Аниан на месте нынешнего Берингова, Биармия где-то на северо-востоке Европы, Лукоморье на северо-западе Азии, где по преданию обитатели засыпали осенью, чтобы проснуться весной... Позже появились географические мифы о землях-призраках — Санникова, Андреева, Макарова, Крестьянки, «открытых» по недоразумению в условиях плохой видимости, миража, туманной дымки в морозном воздухе и в действительности не существующих.

Мы же поведем речь о мифах топонимических — народных толкованиях географических названий. Хотя легенды эти подчас легковесны и наивны, нередко они, при отсутствии других источников, служат для топонимиста тем же, чем древние черепки для археолога...

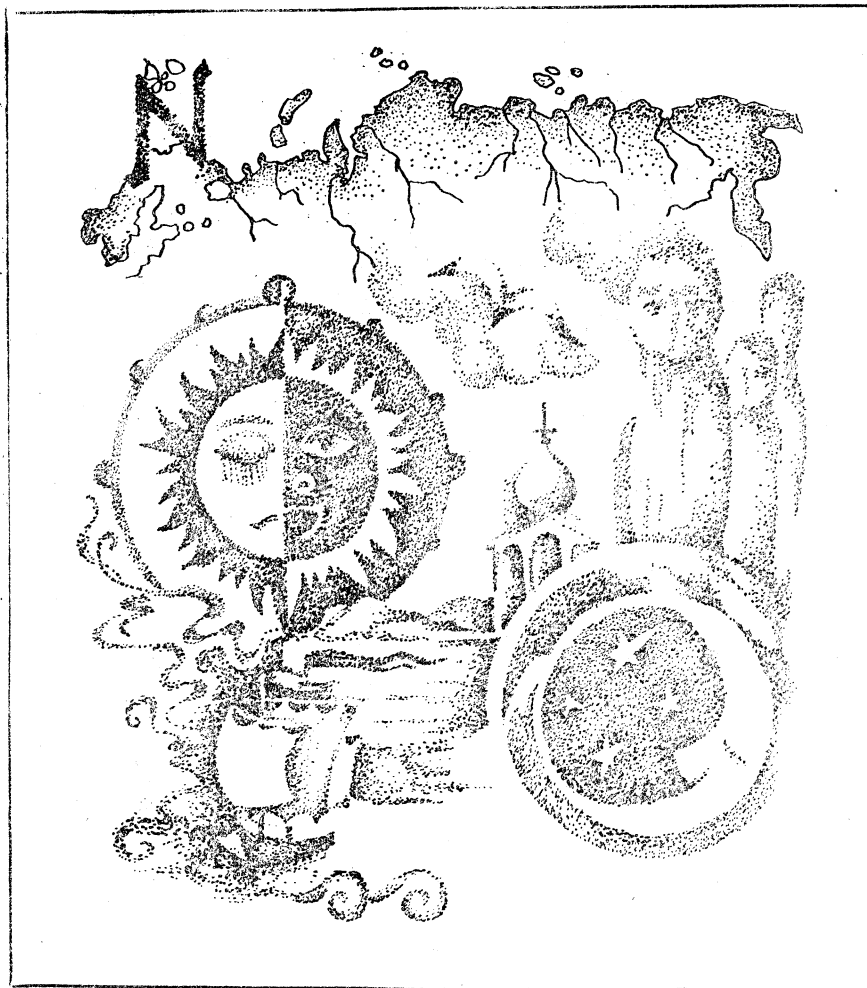
Рисунки
Натальи Петровой

Сергей
попов

Северяне происхождение многих названий часто соотносят с личностью Петра I. Реформатор России трижды плавал в Белом море. Название острова Масеева в устье Северной Двины поморы связывают с произнесенными будто бы Петром словами: «Мой сей остров!» После чего здесь был построен царский путевой дворец. По поводу импровизированного обеда в окрестностях Архангельска, где снопы заменяли столы и стулья, Петр будто бы воскликнул: «Вот соломенный бал!». Отсюда-де и пошло название этого места — Соломбала.

Примером народной этимологии является и попытка связать происхождение названия города Кандалакши с каторжниками, с которых здесь, в конечном пункте их этапа, снимали кандалы, что, якобы, вызвало облегченный вздох: «Канда-лам — ша!». Ученые же еще в прошлом веке пришли к выводу, что название Соломбала пошло от финно-угорского слова «соломба» — болото. Кандалакша, по их мнению, это «залив Канды», впадающей в Кандалакшский залив реки, которая карелами метафорически называлась «Канда» — мать, кормилица, подобно Волге-матушке.

С конкретным лицом — крестителем саамов священником Трифоном — связана опубликованная в 1890 году легенда о происхождении кольского названия Айновские острова. Согласно легенде противники крещения будто бы решили ему воспротивиться, закрыв Печенгский залив. Колдовскими чарами, действующими только в полном безмолвии, они отделили от материка два куска суши, которые поплыли к входу в залив. Однако находившиеся на берегу люди сорвали замысел, закричав: «Ай-най! (Земля идет!)» Куски суши остановились и превратились в острова. Вряд ли это отзвуки какой-то тектонической катастрофы, о которой сообщили бы летописи. Ско-

рее всего мы опять имеем дело с наивной народной этимологией. Убедительнее предположить, что название произошло от саамского слова «айн» — морской заяц, хотя острова больше славятся вкусной морошкой и гачачим пухом.

Со священником Никольской церкви в Коле — Варлаамом — связано происхождение другого названия. Об этом в 1875 году писал побывавший здесь брат художника Василия Поленова — А. Д. Поленов. Устное предание изменило имя Варлаама в Авраамия или Аврама. Теперь в Кольской губе есть отвесная скала, носящая название Аврамовой Пахты (пахта — высокая скала, от саамского «пахт» — скала). Предание говорит, что на этой скале сидел черт, преграждавший выход из Кольской губы в Ледовитый океан. Он покидал скалу, чтобы смущать Авраамия; когда тот стоял на молитве в часовой, черт приходил к его жене в виде любовника. Авраамий из ревности убил жену и во искупление своей вины сам установил себе наказание: плыть с трупом из Колы на родину в Кереть и обратно. Всевышний даровал Варлааму чудесную силу: у мыса Святой Нос он уничтожил морских червей, прогрызавших ранее днища кораблей, изгнал с пахты черта и вылечил безнадежно больного кольского воеводу Гурия Волицева. Вообще-то Святых Носов в Арктике три — помимо упомянутого есть мыс на Канином полуострове и в Якутии. А было еще два на Чукотке, которые также называли Первым и Вторым Необходимым, ибо, как пишет первопроходец Северного морского пути Норденшельд: «Название Святой Нос было для старинных русских полярных мореплавателей равнозначным «мысу, мимо которого не пройдешь».

Обилие церковных названий на Севере говорит не столько о религиозности полярников, сколько о большой роли монастырей в освоении этих мест. В 1656 году Никон основал на острове Кий в Онежском заливе монастырь. А в 1885 году побывавший там писатель К. К. Случевский записал: «Легенда сообщает, что название Кий-остров произошло так. Судно Никона, будущего патриарха, когда-то инока Соловецкого монастыря, разбила в этом месте буря. «Кий остров?» (какой это остров), — спросил будто бы Никон, и название это и за островом, и за воздвигнутым Никоном монастырем так и осталось». Лишь после изучения языков первооткрывателей этих мест стало ясно, что название скорее всего происходит от саамского слова «кий» — след, от которого также образованы названия мыса Кийский и Кийских островов на Кольском полуострове.

Следует также иметь в виду, что до XIX века во всем мире было принято называть вновь открытые места по наименованию праздников или святых, память которых отмечалась в этот день. Так геологист Петр Пшеницын назвал пролив между островами Фаддеевским и Новая Сибирь Благовещенским, потому что пересек его на собаках в день Благовещения — 25 марта 1811 года. Лейтенант Харитон Лаптев открытую им 6 августа 1739 года в устье Хатангского залива сушу назвал островом Святого Преображения, а островам и мысу дал имена Павла, Петра, Самуила, Фаддея, Игнатия. Все эти названия существуют и теперь, утратив приставку «Св.».

К культовым названиям относятся и такие, как мыс Болванский Нос, губа Болванская — их в Баренцевом море по два. В этих местах находили жертвенники ненцев с множеством языческих деревянных идолов — болванов. Губа Паханчская (искаженное «Поганская» — от древнего слова «поганый» — иноверческий) в Печорском заливе, мыс Шайтанов (теперь его часто называют Хэсаля) на Ямале такого же происхождения. О последнем исследователе Ямала Б. М. Житков записал в 1908 году следующую легенду: «Очень много лет тому назад один из ненцев убил стрелой белую важенку (самку оленя. — С. П.). Когда стали ее свежевать, во внутренностях оказалось небольшое металлическое кольцо с перекладинами, похожее несколько на пряжки, которые самоедки носят на поясах. Самоеды поняли тогда, что какой-нибудь дух превратился в оленя и дал себя убить, чтобы положить святой предмет на определенное место. Поэтому на том месте, где была убита важенка, и стали ставить сядеав — идолов». Русские стали называть это место Ямальским шайтаном.

Горы Бырранга протянулись по Таймыру на 1100 километров. Это самый большой арктический топоним северных народов Евразии — нганасан (раньше их называли тавгийцами) и в переводе означает «горы с долинами» или «пила-горы». По свидетельству этнографа А. Попова тавгийцы считали, что здесь находилась мифическая Страна мертвых, куда перемещались души умерших соплеменников. Поэтому они хоронили их головами к северу, в сторону Бырранга. По преданию на горы Бырранга слетались общаться со злыми духами их шаманы. Этот район до сих пор остается наименее населенной и малозученной частью Таймыра. Недаром писатель Леонид Платов избрал его местом увлекательных приключений героя своей фантастической «Повести о Ветлугине»

и поселил здесь неизвестный науке народ Детей Солнца. Нганасаны нередко сопровождали исследователей в их путешествиях по Таймыру. Именно благодаря этому на морском побережье появились такие названия, как фьорд Хутуда (от реки Хутуда-Бига, что в переводе с нганасанского значит — «Река, где можно пропитаться») в шхерах Минина и озеро Нганасанское к северу от бухты Прончищевой.

С культом мертвых связаны также названия Хайпудырской губы и впадающей в нее реки Хайпудыры в Печорском заливе. Они происходят от ненецких слов «хайвы» — грех и «падра» — лес. В современном написании «хэбидяэдра» — священный лес, который растет в верховьях реки. Здесь находилось кладбище кочевых ненцев. Они считали место заповедным — не рубили здесь деревья и приносили в жертву оленей. Как не хватало подобной притчи жителям нижней Лены, которые уже в наши дни за несколько лет оголили остров, который назывался — Тит-Ары, что в переводе с якутского «Лиственничный!» Потребуется сотни лет, чтобы этот лес вырос в условиях севера.

Геолог С. Г. Пархоменко в 1921 году записал легенду о живущих на ленских островах Столб, Аграфена и Дашка-Арыта шаманках, которые уговаривают соплеменников не изменять старым обычаям. Приношение шаманкам подарков плывущими мимо имело скрытый смысл: не проси, будь бдителен в опасных для судоходства местах. Правда, другая легенда, записанная об острове Столб за сто лет до Пархоменко, имела несколько другой смысл. Она рассказывала о столбе, который сложен из камней якутским шаманом над могилкой дочери, погибшей в сражении с ламутами и юкагирами.

О кровавых схватках, происходивших когда-то на арктических берегах, свидетельствует легенда, записанная одним из родоначальников арктической топонимики А. И. Шренком: «Толпа сибирских самоедов, после совершения удачного набега, расположилась лагерем на берегу речки, названной позже Грабежная. Когда все мужчины отправились в лес за дровами, оставив жен своих караулить добычу и оружие, состоявшее большей частью из луков и стрел, то противники их — русские, не замедлили воспользоваться этим благоприятным случаем для отместки нарушителям их спокойствия. Вышедши из засады, они бросились на беззащитный лагерь и овладели всем находившимся в нем караваем, возвратившихся же безоружных мужей их положили на месте».

Топонимические мифы не обо-

дали даже такие серьезные документы, как руководства для плавания — лоции. Автор лоции Мурманского берега подполковник Н. В. Морозов в 1901 году записал по поводу происхождения названий Аникевых островов и речки Аникеевки: «По преданиям, они получили свое название от шотландского(?) богатыря Аники, поселившегося в этой местности и долго бравшего дань с русских рыбаков, пока один из них не убил Анику на поединке, место которого указывается местными жителями на возвышенности против острова; здесь из камней сложен довольно правильный круг, под которым будто бы похоронен Аника. По словам местного колониста Фридрихсена кости ног Аники оказались почти вдвое больше костей взрослого человека; одна из костей хранится будто бы в Бергенском музее».

За этой легендой угадываются исторические факты борьбы русского народа против угнетателей. Во времена Ивана Грозного на Аникевых островах действительно находилась таможня для сбора пошлины и податей. А у берегов Мурмана нещадно эксплуатировал и обирал поморов уральский богатырь Аника Федорович Строганов.

Попытки объяснить географические названия из личных имен значительно древнее, чем возникновение первых достоверно известных антропонимов — названий по именам людей. Последние широко стали появляться в Арктике только в прошлом веке. Еще за два века до этого голландский картограф Николай Витсен высказал мнение, что название арктического острова Вайгач обязано своим происхождением какому-то легендарному древнему мореходу Ивану Вайгачу. Правда, Витсен не уточнил, что ему сообщили в России об этом человеке.

Повод для арктических названий нередко давала промысловая деятельность северян. Одно из преданий со слов кормщика Откупщика записал исследователь Новой Земли Ф. П. Литке: «Слышал я от купца Афанасия Харная, он и посейчас торгует ситцами в деревне Долгошелье, пришел, будто, он весной в эту губу на Новой Земле. Кругом ни души, и тишина, как на погосте. И вдруг видит — лежат все Пайкачи (старообрядческий род, бежавший на Новую Землю, претерпев на родине гонения за свою веру) бездыханные, в белых саванах, а сами черные, как уголья. Выкопал Харнай со своими молодцами могилу братскую и предал покойников земле. С того времени и кличут бухту Черною». Хотя эта история и записана по преданию, но близка к истине — действительно раскольничье семейство Пайкачевых из 12 человек

выехало в 1764 году из Кеми на Новую Землю на промысел. Но им ли губа Черная обязана своим названием? Мало ли безымянных могил на арктических берегах.

В Якутии давно существует легенда о братьях-эвенах Этериканах, промышлявших в XVIII веке на острове Большой Ляховский с женой старшего — Макрушей. Они добывали мамонтовую кость, но поссорились и убили друг друга, чем обрекли на гибель и Макрушу. Письменных сведений об этих людях не

сохранилось. Но о них напоминает гора Макруша-Тас («тас» — по-якутски гора), река Большой Этерикан и пролив Этерикан.

По поводу названия и возвышенности Эксекю-Булгуннях («булгуннях» — по-якутски холм, большой бугор, характерный для районов вечной мерзлоты) полярный исследователь Э. В. Толль записал легенду. Когда-то на возвышенности острова Земля Бунге свила себе гнездо исполянская птица Эксекю, когти которой здесь находят до сих пор. Птица будто бы имела две головы

и была самой большой на земле. Толль, много занимавшийся палеонтологией, понял, что этой легендой местные промышленники, добывавшие мамонтовую кость, пытались как-то объяснить найденные ими останки ископаемого носорога.

Топонимические легенды рождаются и в наши дни. В начале текущего века кто-то из картографов при переиздании карты Таймыра нанес на нее бухту Марии Прончищевой. Он соединил вместе соседние надписи «Б. Прончищевой» и «М. Прончищевой», а другой, еще более «догадливый» картограф уточнил эти надписи: «М», то есть «мыс», расшифровал как «Мария». В 1921 году гидрограф Н. И. Евгенов, восстанавливая в устье Оленека могилу мужа и жены Прончищевых, записал это имя на могильном кресте. Через несколько лет продублированный арктическими ветрами крест производил впечатление древнего. И уже в наши дни журналист Л. И. Шинкарев придумал якобы «бытующую среди суровых полярников» легенду. Согласно ей, Мария была дочерью высланного на север петровского дипломата. Образованная и воспитанная, она стала любимицей якутской молодежи. Лейтенант Прончищев и его помощник подштурман Челюскин будто бы познакомились с ней в Якутске, и оба влюбились. Мария предпочла Прончищева.

Недавно с помощью архивных исследований удалось установить, что жену Василия Васильевича Прончищева звали Татьяной Федоровной (в девичестве Кондарева). Она была соседкой Василия по тульскому имени, и молодые люди знали друг друга с детства. Поженились они перед самой экспедицией в Арктику, в которой Татьяна добровольно разделила судьбу мужа. Теперь на карте обозначается бухта Прончищевой — так она была названа Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана в 1913 году.

Исследователь географических названий профессор А. И. Попов предостерегал начинающего топонимиста «от излишнего доверия к местным преданиям о возникновении географических имен, — даже в случае их внешнего сходства с возможной истиной, и даже если легенда записана в источнике, заслуживающем, вообще говоря, полного доверия». И тем не менее, не хочется полностью отвергать легенды, потому что это творчество народа, его чаяния, мироощущения. В них столько непосредственности и эмоциональности, а порой над ними можно подумать и не без пользы для истины.

ЭВМ уже решают сложные шахматные этюды и даже играют в шахматы. Правда, до гроссмейстерских высот им пока далеко. И вдруг — сенсация. Программа для компьютера победила в демонстрационном матче бывшего чемпиона США по шахматам А. Денкера (кстати сказать, фамилия в переводе с немецкого означает «мыслитель»). Впервые в истории шахмат машина обыграла гроссмейстера.

А через два месяца компьютер «Дип Сот» («Глубокомысленный») стал одним из победителей международного турнира в Лас-Вегасе (США). Над досками задумчиво склонялись многие шахматные знаменитости, в том числе экс-чемпион мира Михаил Таль.

Осенью 1989 года состоялся беспрецедентный в истории шахмат матч между чемпионом мира Гарри Каспаровым и сильнейшей в мире шахматной программой «Дип Сот», заложенной в «Глубокомысленном».

— Партии были разными, — прокомментировал матч сам чемпион мира. — В первой я играл солидно и переиграл программу в позиционном стиле. Во втором поединке я намеренно с первых ходов стремился к осложнениям и выиграл в комбинационном ключе.

Отвечая на вопрос, изменил ли он свое мнение, что ЭВМ не сможет превзойти сильнейшего шахматиста мира, Каспаров ответил, что пока он делом доказал правоту своей точки зрения. «Но компьютеры совершенствуются. Мы уже видим, как они не играют до мата, а научились сдаваться», — добавил он под смех собравшихся.

Чемпион мира пока шутит. Ведь «Глубокомысленный», по его мнению, делал ошибки на уровне среднего гроссмейстера. Однако создатели программы — четыре аспиранта и доктор наук — планируют в четыре раза увеличить число специализированных микропроцессоров, с помощью которых «Дип Сот» будет анализировать свои и чужие ходы. Некоторые специалисты полагают, что этот более мощный «мозг» позволит компьютеру после нескольких лет тренировки выигрывать у самых сильных шахматистов планеты.

Добавим, что недавно в Мюнхене во время сеанса одновременной игры шахматный компьютер «Мефисто-Порторозе» выиграл партию у гроссмейстера Анатолия Карпова. Если учесть, что ни при каких обстоятельствах прежде ни в одной шахматной партии компьютер не побеждал человека, обладавшего званием чемпиона мира, то проигрыш нашего земляка — событие историческое, свидетельствующее о громадном прогрессе в разработке шахматных компьютерных программ.

Правда, во время этого сеанса А. Карпов играл сразу против 24 соперников, среди которых был и «Мефисто-Порторозе». Но именно компьютер оказался единственным, кто выиграл у экс-чемпиона мира. Эта программа уже несколько раз побеждала в чемпионатах мира по шахматам, проводимых среди ЭВМ. Когда А. Карпова попросили прокомментировать ход партии, он ответил: «Все было так же, как в игре против Гарри Каспарова: я допустил ошибку». Примечательно, что компьютер сумел ею воспользоваться.

Е. ПЕТРОВ

Надежно захоронить радиоактивные отходы — лишь часть проблемы. Сегодня не менее важно — не забыть, где именно произведены захоронения. Нужно помнить, какую страшную опасность представляют они для будущих поколений. Ведь некоторые из них и через десять тысяч лет не потеряют своей активности.

Вот уже несколько лет эксперты из специальной комиссии Министерства энергетики США ломают головы над вопросом: как довести до сведения будущих поколений данные о местах захоронения радиоактивных отходов. Пока сошлись на том, что над ними будут сооружены мощные земляные насыпи с гранитными колоннами, на которых выбиты знаки-символы, поясняющие о грозящей человеку опасности подземных складов. Будут выполнены и простые рисунки на эту же тему. Кроме того, дополнительную информацию заложат в специальных сооружениях, построенных над местами радиоактивных захоронений.

А почему бы не сделать обычные письменные предупреждения? Дело в том, что через 10 тысяч лет английский язык, как, впрочем, и любой другой из современных языков, вряд ли будет понятен для жителей Земли.

Е. СОЛДАТКИН

Она была открыта и описана дважды. Промежуток составляет более 120 лет. Гиганты, размером с колибри, живут в жилищах, напоминающих баскетбольный мяч, которые они сооружают в термитниках. Размеры самок в два раза превышают размеры самцов. Этот вид пчел отличается миролюбивым характером. Жители островов Индонезии, где найдены пчелы, о них слышали, но видеть их им не приходилось.

А. ЛЕЩЕНКО

Сообщениями о загадочной Несси теперь уже никого не удивишь. И хотя нет довольно убедительных фактов существования этой амфибии, но зато слухов, свидетельств и пророчеств — хоть отбавляй!

Но вот на одной из высоких скал у Верхнего озера, на границе США и Канады, было найдено изображение... Несси. Во всяком случае, по описаниям вполне подходит. Существо имело вытянутую шею, длинное тело, хвост. Голова увенчана рогами. Скалы у местных индейцев оджибве считались священными, и согласно их объяснениям, это — изображение Духа Воды. Примечательно, что рисунок сделан красной охрой на такой высоте, что добраться туда человеку невозможно, даже имея в распоряжении современные альпинистские приспособления. К тому же изображение иногда исчезает, появляясь через несколько дней. Ученые считают, что возможно, когда-то уровень воды в озере был выше и индейцы могли нарисовать это существо с лодок, подплывая к скале. А «исчезновение» можно объяснить изменением влажности воздуха.

Характерно, что изображение подобного существа встречается и во многих географических картах периода освоения этого региона англичанами и французами. Возможно, они появились благодаря индейским легендам, но может быть, исследователи действительно видели в толще вод нечто подобное и в страхе отмечали эти места на своих картах. Кто знает?

Быть может, существо, если оно не плод индейских легенд, и до сих пор живет в глубине Великих озер, но о нем нет пока никаких известий. Да и какие могут быть известия, если чистота здешних вод не оставляет шансов выжить даже рыбам?! Вот и блестит в лучах солнца охрой нарисованный на высокой скале индейский Дух Воды, оставляя память о лучших временах...

Д. КОНОНОВ

Наталья
МАКСИМОВА

Откуда ты, печаль?

...Словно мне дали под дых.

Было такое ощущение, что стукнули разок, а теперь стоят, наблюдают: что будет делать девчонка, свалится — не свалится, заревет — не заревет.

А я просто уставилась в пространство. Я оступела, пока взмокшей ладонью прижимала к уху холодную телефонную трубку, откуда несся обалдевший голос сестры:

— «...колеса сошли на обочину. Машина шла на большой скорости и сбила ряд оградительных столбиков, прежде чем водитель сумел отреагировать, стал вновь поворачивать «Москвич» на дорогу. При этом его развернуло...» Алло, ты слушаешь? «При столкновении с автобусом «Икарус», двигавшимся навстречу, Цой погиб». Алло. Цой погиб!

Я склонна не доверять газетам, но тут внезапно поняла, что все это серьезно. Сработало какое-то тридцать лет десятое чувство.

На следующий день позвонили друзья из Москвы: «Слышала? Двадцать восемь лет — мы с ним ровесники были». И минут пять — молчание, ничего не хотелось говорить. Еще через два дня шестнадцатилетнюю подружку милиция отправала в инспекцию по

делам несовершеннолетних. Пришлось платить штраф «за порчу государственного имущества», то есть за признание в любви Цою и группе «Кино» на стенах Дворца культуры.

Потом в прессе замелькал поток публикаций с высокими, красивыми, но холодными словами, словно каждый журналист норовил ухватить (или отхватить?) сразу два заячьих хвоста: и дань памяти воздать, и успеть лично засветиться в лучах взорвавшейся и загоревшейся от этого еще ярче звезды. Тошнотворная парадная шумиха, которую Цой так не любил. «Мама, мы все тяжело больны, мама, мы все сошли с ума!»

Я не была страстной поклонницей «Кино» и слушала «до дыр» записи других групп, но... Никак не могу назвать чувство, которое я испытывала к Цою. Уважение? Факт бесспорный, да существовать не то, сухое какое-то. Любовь? Может быть, хотя это слово грозит прозвучать здесь на банальной ноте. Это было то самое чувство, трепетное и болезненное, заставившее вздрогнуть от неожиданно случившегося, от этой дурацкой трагической нелепости.

Не спалось. Не плакалось. Оцепенение...

*Среди связок в горле комом
теснится крик,
Но настала пора, и тут
уж — кричи не кричи.
Лишь потом кто-то долго
не сможет забыть,
Как, шатаясь, бойцы
об траву вытирали мечи
И как хлопало крыльями
черного племя ворон,
Как смеялось небо,
и потом прикусило язык,
И дрожала рука у того,
кто остался жив,
И внезапно в вечность
вдруг превратился миг.
И горел погребальным
костром закат.
И волками смотрели звезды
из облаков,
Как, раскинув руки,
лежали ушедшие в ночь
И как спали вповалку
живые, не видя снов.
А жизнь —
только слово,
Есть лишь любовь
и есть смерть.
Эй, а кто будет петь,
если все будет спать?!Смерть стоит того,
чтобы жить,
А любовь стоит того,
чтобы ждать.*

...Время прытью скачет дальше от августа девяностого, и мы живем, мы любим. А все, или почти все, что успел сказать нам Цой, постоянно «крутится» где-то в подсознании, в наших занятых головах. Его песни обладают уникальной спо-

собностью — вселяться в человека навсегда, независимо от того, понравились они или нет. И не потому даже, что Цой был талантливым поэтом или музыкантом. Секрет, может быть, в том, что в песнях Виктора — и мы сами, и картинка (скорее, не картинка, а черно-белые фотографии) далеко не цветной нашей жизни. И если не каждый первый, то каждый второй «юный» узнает там собственную информацию.

Целое поколение девчонок и пацанов росло, сажая вместе с ним «алюминиевые огурцы на брезентовом поле». И сколько этих самых огурцов еще будет посажено!..

Не потому ли письма в редакцию все идут и идут рекой, поток которой не уменьшается?

«Когда я думаю, что «Кино» больше нет, я ощущаю, что я одна в этом мире. Я жила песнями Цоя, они были для меня девизом, целью и, главное, смыслом жизни». Галина Молодцова, г. Карталы.

«Я не фанатка, я просто любила песни Цоя. Жизнь пугает меня. Такой человек погиб. Уж лучше бы я оказалась на его месте. Почему Бог так несправедлив? Нам так нужен Виктор!» Алина Ш., г. Тимашевск.

«Огромная просьба: напишите про Виктора Цоя, талантливого поэта, музыканта и просто хорошего человека. Или хоть стихи его напечатайте». Вячеслав Бондаренко, г. Киев.

Такое впечатление, что наш урбанизированный, задыхающийся мир роде в страшной сутолоке, где «снова в бое каждый сам за себя», потерял один из своих последних, по-настоящему одухотворенных человеческих ликов, хватился его, подслеповато шурится по сторонам — да поздно, брат, вот какая штука...

*Там, за окном,
Сказка с несчастливым
концом,
Странная сказка.
А потом придет она:
Собирайся, скажет, пошли,
Отдай земле тело.
Ну а тело не допело
чуть-чуть,
Ну а телу недодали
любви.
Странное дело...*

Сигарета в руке, чай на столе. Действительно, схема предельно проста. И газ синим цветком горит. Я сижу на кухне, маленькой, задрюпанной, но вполне уютной, «смотрю в чужое небо из чужого окна» и пытаюсь вспомнить, когда впервые услышала «Кино». Пожалуй, осенью восьмидесяти пятого года, когда стала студенткой университета. «Ты выглядишь так несовременно рядом со мной» — один молодой человек просто «достал» меня этой фразой, тем более что рядом с ним я смот-

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель
главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 04.01.91.
Подписано к печати 27.02.91.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,9.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 415 000.
(2-й завод: 200 001—415 000).
Заказ 350.
Цена 80 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий» 620219,
г. Свердловск, ул. Тургенева, 13.

ОТКУДА ТЫ, ПЕЧАЛЬ? Н. Максимова

релась действительно трушобной провинциалкой, свихнувшейся на Макаревиче и «Воскресении» в то время, когда все молились на БГ. Потом началось повальное увлечение «Кино». Но (необъяснимое дело!) на Цоя никто не молился. Цоем просто жили и дышали.

*Я люблю ночь за то,
Что в ней меньше машин,
Я люблю дым
И пепел своих папирос.
Я люблю кухни за то,
Что они хранят тайны.
Я люблю свой дом,
Но вряд ли это всерьез.
Я один, но это не значит,
Что я одиночек.*

Песни Цоя. Наверное, правильное сказать, песни «Кино», но ведь тексты написаны им — в виду простые, без псевдоинтеллектуальных вывертов, песни, которые были нам так понятны и близки, которые мы постоянно слушали или напевали. И закодированные символы расшифровывались с полета. Чай — тепло человеческого общения, согревающее душу. Ночь — понятие и принятие одиночества как естественного и нормального состояния человека, как данности от природы. Дождь — извечный «зов в дорогу», не отпускающая необъяснимая грусть, тоска от невозможности уберечь или убедиться от жестокостей и несправедливости жизни.

*Битые стекла. Рваные
брюки.*

*Скандал.
К черту зонт,
Теперь уже все равно.
Танец и дождь
Никогда не отпускай тебя,
В их мокром объятии
Не видно родное окно.*

Он был из тех, немногих людей, кого не мог подкупить бытовой уют как самоцель. Он тянулся к теплу духовного сопереживания и бежал от гримасничающей фальши. «Закрой за мной дверь, я ухожу...» И опять «странный звук зовет в дорогу, может, сердца, а может, стук в дверь».

При этом, как он сам где-то говорил, песни любил писать дома — рядом с женой Марианной и сыном Сашей. Оказывается, чтобы быть странником, бродягой, скитальцем, совсем не обязательно в прямом смысле «уходить», куда-то рваться, с кем-то биться...

Он не желал бессмысленно «воевать без особых причин», он пытался жить по другим законам и — упал, «опаленный звездой по имени Солнце».

А я?..

А мы?..

В позапрошлом году — спасибо хозрасчету — группа «Кино» выступала в Свердловском Дворце спорта. Я собиралась из интереса, а заодно и по долгу службы, промигнуть за кулисы в поисках интервью с Виктором. До сих пор не знаю, что больше повлияло на перемену моего решения: то ли давка бесчисленных поклонниц, то ли измочаленный вид Цоя; в общем, я плюнула и пошла в раздевалку, решив отложить беседу на другой раз. Я не знала, что другого раза никогда не будет...

Но что же я, да и все мы, разнылись? Галя Молодцова, ради Бога, только не делай глупостей! В конце концов, «смерть стоит того, чтобы жить». Чай допит, сигареты кончились вместе с талонами на них.

Одеваюсь и выключаю свет. Куда? Вперед, и — выше нос!

*Темные улицы
Тянут меня к себе.
Я люблю этот город,
Как женщину Икс...
Я знаю, что здесь
Пройдет моя жизнь,
Жизнь в стеклах витрин,
Я растворяюсь в стеклах
витрин.*

И не надо возводить Виктора Цоя в великомученики. Когда же мы, наконец, отделаемся от привычки сколачивать людям гробы при жизни и щедро раздаривать памятки после смерти?.. Не лучше ли вместо суеты спросить себя о том, о чем Цой спрашивал постоянно:

*Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль.
Так откуда взялась
печаль?*

СМЕРТЬ СТОИТ ТОГО,
ЧТОБЫ ЖИТЬ,
А ЛЮБОВЬ СТОИТ ТОГО,
ЧТОБЫ ЖДАТЬ...
В. Цой

фото Ильдара Зиганшина

